

В.Л. Семенов

**ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА
Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА**

Пермь 2004

В.Л. Семенов

**ФИЛОСОФСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА
Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА**

Пермь 2004

УДК 947
ББК 73 (2 РОС – 4 ПЕР)
С 302

Семенов В.Л.
Философские проблемы творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка.
– Пермь: изд. Богатырев П.Г., 2004. – 214 с.

В монографии освещается не достаточно изученный мировоззренческий срез творчества крупнейшего писателя Урала Д.Н. Мамина-Сибиряка, его этические и эстетические взгляды, отношение к благотворительной деятельности, к смысложизненной проблематике, к сложному комплексу проблем понимания «певцом Урала» вопросов исторического прогресса общества.

Книга может быть полезна для всех, интересующихся творчеством Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Рецензенты: доктор философских наук В.Н. Стегний
кандидат философских наук А.Ю. Байбородов

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Пермского государственного педагогического университета.

© В.Л.Семенов
© П.Г. Богатырев, издатель

Введение

В исследовании творческого и жизненного пути крупнейшего уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка, прозванного «певцом Урала», имеется существенный пробел, который, по нашему мнению, заключается в том, что недостаточно исследованы философские основы его творчества. Без выяснения этих вопросов многие литературоведческие работы, посвященные различным аспектам творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка, представляются повторяющимися констатациями разных фактографических описаний жизни народа Урала и его «верхов» на протяжении второй половины XIX века, той жизни, которую писатель сам лично наблюдал, поэтому хорошо знал и художественно описал. Основной категорией мировоззренческого сленга Д.Н. Мамина-Сибиряка является понятие свободы. Он позаимствовал его из произведений великого немецкого философа Г.Ф.В. Гегеля, с работами которого познакомился в период учебы в Пермской духовной семинарии. Писатель согласен с Гегелем в том, что прогресс в развитии общества выражается в расширении познания человечеством свободы, под которой он понимал способность человека овладевать условиями своего бытия, преодолевать зависимость от природных и социальных сил, сохранять возможности самоопределения для выбора человеческих действий и поступков. Вопрос о свободе представляется Мамину-Сибиряку одним из важнейших в определении человеком своих позиций, ориентиров своей жизни и деятельности. Для человека XIX века свобода имела прежде всего экономический и юридический смысл, она являлась вопросом о том, как свободно без давления извне распоряжаться своими деятельными силами, своей личностью, владеть средствами самостоятельной жизни, обладать возможностью их созидания¹.

Горнозаводское население Урала не имело возможности выбора самореализации, находясь под экономическим, социальным и политическим гнетом. В этом, а также в отсутствии у людей личной свободы писатель видел основу человеческого неблагополучия закрепощенного уральского населения. Особенности пореформенного развития края, по мнению Д.Н. Мамина-Сибиряка, вытекали из непоследовательности освобождения горнозаводского населения из тисков крепостнических отношений. Данная непоследовательность выражалась менее всего как свобода индивидов, а все более как свобода социальных групп, партий, классов, общества в целом.

Горнозаводское население Урала, получив личную свободу, не получило земли в достаточном количестве и, следовательно, осталось полузакрепощенным. Мамина-Сибиряка крайне волновала проблема объективного соотношения личности и общества, личности и социальной группы, к которой он принадлежал социально и профессионально. Он очень хотел и неоднократно пытался показать в своих произведениях индивидуальную зависимость человека не только от позиции, занятой в отношении его представителями господствующих классов, но и представителями того же класса, к которому принадлежала данная личность. Эти межклассовые и внутриклассовые взаимоотношения людей очень интересовали «певца Урала», и он посвятил их описанию множество романов и повестей, сотни рассказов и очерков, легенд и преданий. Писателю казалось, что основное значение в обществе пореформенной России играли межклассовые противоречия и меньшую роль и значение имели противоречия внутри классов. Они сказывались, прежде всего, на формах, способах и методах отпора и сопротивления народа политике господствующих классов, эффективности и результативности этой политики.

Связь межклассовых и внутриклассовых противоречий проявлялась как ответственность, последняя представляла собой категорию, характеризующую индивида с точки зрения выполнения им нравственных требований, предъявляемых к нему обществом, и в этом выражалась степень участия личности и социальных групп как в их собственном нравственном совершенствовании, так и совершенствовании общественных отношений. Естественно, что в художественных произведениях Мамин-Сибиряк, как и другие писатели, общественное (общее) изображает через единичное. В связи с этим проблема ответственности в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка охватывает следующие вопросы: в состоянии ли человек выполнять предписываемые ему обществом требования; в какой мере он правильно их понял и истолковал; как далеко простираются границы его деятельных способностей; должен ли человек отвечать за достижение требуемого результата и за те последствия своих действий, на которые оказывают влияние внешние обстоятельства, может ли он предвидеть эти последствия, и какое значение имеет для него и для общества данная способность его к прогнозированию социальной проблематики.

Чтение произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка приводит нас к выводу о том, что чем шире общественные полномочия и реальнее возможности индивидов, тем выше мера их ответст-

венности. Проблема ответственности индивида в произведениях писателя – это, в конечном счете, вопрос о реальной нравственной свободе человека, которая в полной мере осуществляется лишь с гармоническим развитием всех способностей личности². Постановку таких ситуаций в произведениях писателя мы не находим. Это свидетельствует о том, что, будучи реалистом в области методов и способов отражения социальной действительности Уральского края, он не видел достаточных предпосылок для констатации этих зерен будущего, как фундамента идеальных общественных отношений в будущем. Основное внимание писатель уделил тем процессам социального преобразования страны и края, которые происходили в России на его глазах, которые позволяли анализировать их корни в историческом прошлом.

Как чуткий и талантливый художник слова, Д.Н. Мамин-Сибиряк большое внимание уделил критике тех недостатков социальной действительности страны и края, которые имели место в действительности и которые были отражением недостаточной демократичности процесса общественных преобразований. Критическая настроенность писателя по отношению к необъятным аппетитам представителей господствующих классов, его сочувствие трудовому народу дает объективные основания для того, чтобы характеризовать его общественно-политические взгляды как последовательно демократические.

Мировоззренческий комплекс демократа нашел последовательное и многообразное отражение в художественном творчестве писателя. Однако сколь бы ни были многочисленны и разнообразны аспекты исследования его художественного творчества, без специального исследования его общих философских основ они не дают возможности видеть их фундамент, его исходные точки зрения на общественные отношения в стране и в крае с точки зрения их фактической незавершенности и несовершенства. В своем художественном творчестве Д.Н. Мамин-Сибиряк предпочитал не заслонять теориями вид на непосредственное социальное бытие, а отражать и изображать его во всем многоцветном спектре его красок. Однако, если мы эту многоцветную и многокрасочную гамму социальной действительности не будем выводить из какой-то вполне определенной системы мировоззренческих координат, то все художественное творчество писателя предстанет перед нами как большая серия талантливо написанных картин о разных сторонах одного и того же социального целого без раскрытия его исходных творческих интенций, которые, будучи выделены

и абсорбированы из этой богатой и сложной социальной действительности, дают нам цельный и стройный каркас его мировоззрения, позволяющий осветить огнем системного качества различные стороны его художественного миропонимания.

При этом объяснение писателем различных сторон социальной действительности уральского края в пореформенный период предстанет как единый комплекс стройного мировоззренческого целого. Во всяком случае, в данной монографии автор ставит перед собой такую задачу.

Решая ее, он опирался на тот комплекс наработок по этому вопросу, который уже имеется в нашей обществоведческой литературе. В основном творчеством Мамина-Сибиряка занимались свердловские (ныне екатеринбургские) литературоведы. Из многочисленных исследований, посвященных разным аспектам жизни и творчества писателя, а их насчитывается около двух тысяч³, как наиболее значительные назовем монографию Е.А. Боголюбова⁴, критико-библиографический очерк И.А. Груздева⁵, интересная биография «певца Урала» написана К.В. Боголюбовым⁶, содержательные биографические повести написаны В. Стариковым⁷.

Несколько десятилетий своей жизни посвятил изучению творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка литературовед из Свердловска И.А. Дергачев. Результатом его творческих усилий явился выпуск свыше 40 научных работ, освещавших разные стороны жизни и деятельности писателя. В концентрированном виде они нашли отражение в монографии ученого «Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество», выдержавшей два издания⁸.

Однако во всех этих работах проблемы философии творчества писателя затрагиваются только попутно с другими, в основном литературоведческими аспектами его творчества, что делает особенно актуальным исследование последнего в специальной, посвященной данной проблеме монографии, которую автор рассматривает как первую попытку подхода к решению исключительно сложных мировоззренческих основ творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Глава I. Жизненный путь Д.Н. Мамина-Сибиряка

25 октября 1852 г. в семье священника Висимо-Шайтанского завода Наркиса Матвеевича Мамина и его жены Анны Семеновны, урожденной Шиловой, родился второй сын, которого назвали Дмитрием. Это был будущий писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. Он придавал большое значение знанию своих предков. Он считал, что каждый из нас «является живым итогом всех своих предков»¹. Писатель выводил корень маминского рода от башкира Мамина, а дед его прабабушки со стороны матери был шведским воином, взятым в плен под Полтавой. Он был послан Петром I на Урал для «насаждения» горного дела. Там он получил фамилию-прозвище Воинсвенский – «воин свенский».

Предки писателя не всегда придерживались одной линии в определении профессиональной деятельности. Развитие личностных свойств писателя, формирование его мировоззрения происходило в результате усвоения прошлого опыта той микро и макросреды, которая была зафиксирована в его семье, в ее традициях, в связи с той культурой, которая оказала влияние на формирование мировоззрения его родителей. Под последней мы имеем в виду прежде всего литературу, ту ее часть, которая была сконцентрирована в домашней библиотеке и которая оказывала влияние на мировоззрение отца писателя Наркиса Матвеевича Мамина и других членов его семьи.

В «Автобиографической записке», в воспоминаниях «Из далекого прошлого» будущий писатель отмечал те факторы, которые оказали на него решающее влияние в смысле формирования его будущих общественно-политических взглядов. До 14 лет будущий писатель оставался дома, где «тихо и мирно катилась скромная трудовая жизнь небогатого заводского попа». Мальчик развивался «под влиянием чтения книг». У его отца была небольшая библиотека из «лучших авторов», «все-возможные книги» доставались от заводских служащих, среди которых встречались образованные люди.

По вечерам в скромном поповском домике происходило чтение вслух произведений художественной литературы, – отдых после дневных трудов взрослых членов семьи.

Спустя десятилетия после происходивших событий далекого детства Дмитрий Наркисович по предложению журналиста А.С. Пругавина, который решил познакомить читающую публику с биографиями молодых писателей и с их литературной деятельностью, писал: «Любимой книгой, которую мать Дмитрия

Наркисовича сама читала десятилетнему сыну, были «Детские годы Багрова внука»². Потом следовали произведения Гоголя, Некрасова, Тургенева, Гончарова и других классиков русской литературы. «Для себя» будущий писатель читал журнал «Современник» и статьи Н.А. Добролюбова. Дмитрий Наркисович «еще детским ухом прислушивался в далеком медвежьем углу к отголоскам великого движения конца 50-х и начала 60-х годов».

Вся обстановка скромной поповской семьи носила не совсем заурядный характер и дала уму и характеру будущего писателя «ту закалку, которая дается только у своего очага любящими руками». Образцами честного самоотверженного отношения к своим трудовым общественным обязанностям для будущего писателя служили его родители. Отец писателя Наркис Матвеевич (1827–1878) был заводским священником Висимо-Шайтанского завода. Его доход был очень скромным, составлял 142 рубля 86 копеек в год и около 80 рублей «кружечных сборов». Писатель с одобрением вспоминал, что отец ни за что не хотел сменить свой бедный заводской приход на богатый в зауральских селах, где ему пришлось бы свой значительно больший доход получать путем различных сборов при обходе крестьян. Он рассматривал последнее как замаскированную милостыню священнику со стороны богатых крестьян и не желал принимать в этом участия. Мы останавливаемся на этом потому, что через несколько лет, когда детям священника пришлось получать образование, вопрос о доходах семьи писателя встал очень остро. Несмотря на более чем скромные доходы заводского священника, Наркис Матвеевич очень любил книги и тратил на них последние копейки. Доморощенный столяр Нижнетагильского завода «смастерил ему книжный шкаф», скоро растрескавшийся и облупившийся³. Приобретение шкафа было связано с большими затруднениями для семьи отца писателя. Уже это свидетельствовало о материальных недостатках семьи. На полках этой «семейной святыни» разместились произведения классиков русской литературы. «Это наши лучшие друзья, – говорил отец писателя». В доме отца писателя «книга играла главную роль», и Наркис Матвеевич пользовался каждой свободной минутой для того, чтобы заняться чтением. «Это мой отдых», – с гордостью заявлял отец писателя⁴.

В воспоминаниях писателя отец сохранился «как человек, который был вечно занят и отдыхал только за книгой или газетой». Отец очень благотворно влиял на детей своим трудолю-

бием, неформальным отношением к своим служебным обязанностям.

Он знал свой приход как «свои пять пальцев» на руке, в особенности его огорчали горе и бедность его паствы. В нашем доме, – вспоминал писатель, – как в центре, сосредотачивались все беды, напасти и страдания, с какими приходится иметь дело истинному пастырю. Эти постоянные разговоры о страданиях придавали общему складу нашей жизни немного печальный характер, а наша скромная обстановка казалось какой-то роскошью... Мысль о голодных, сиротах и больных отравляла то относительное довольство, каким пользовалась семья заводского священника. Дмитрию Наркисовичу глубоко в душу запали слова отца, сказанные ему, когда он приставал к нему с просьбой купить что-нибудь. «Ты сыт, сидишь в тепле, а остальное – прихоти».

Эти простые слова отца писателя остались в голове Дмитрия Наркисовича как «маленькая программа личных потребностей». Слово «прихоти» приобрело для писателя стержневое значение; он вспоминал о нем в самые трудные минуты жизни, когда приходилось терпеть нужду и лишения, когда он сам пролагал дорогу на пути к известности.

В воспоминаниях Д.Н. Мамин-Сибиряк всегда говорил об отце «с трогательной нежностью», вспоминая прошлое, он не мог припомнить ни одного горького воспоминания, ни одного детского упрека. И чем больше он думал об отце, тем выше вырастал в его глазах «этот благословивший мое детство образ»⁵, – писал он. Наркис Матвеевич подобрал себе под статью и подругу жизни. Анна Семеновна была дочерью дьякона Семена Степановича Шилова, который жил в селе Горный Щит в шестнадцати километрах от Екатеринбурга. Семен Степанович рано овдовел, и поскольку дьякону не полагалось жениться во второй раз, он остался жить один со своей тещей Феофилой Александровной. Активную помощь ей в работе по дому с малолетнего возраста оказывала внучка Анна.

В воспоминаниях «Из далекого прошлого» Д.Н. Мамин-Сибиряк подробно описывает посещение своего деда Семена Степановича⁶. Приученная с малых лет к работе, Анна Семеновна целые дни проводила в хлопотах по удовлетворению потребностей большой семьи, в которой было четверо детей, пятый мальчик, Петя, умер малолетним от крупозного воспаления легких. Освободившись от дневного многочасового труда, мать писателя вечером, если не была занята шитьем, читала детям произведения русской классической литературы – Пуш-

кина, Гончарова, Достоевского, Писемского и других русских писателей. О получении детьми образования родители писателя стали задумываться задолго до того, как подошел им срок выбирать профиль учебного заведения, где и на кого учиться. «Помню по этому случаю, – вспоминал Дмитрий Наркисович, – споры отца с дедушкой, отцом матери. Отец хотел непременно отдать нас в гимназию, а дедушка именно этого и не желал»⁷.

– Пустякам там учат, – спорил он. – Пусть лучше поступят в духовное училище... Там выучат.

Отец писателя «всегда страшно волновался, когда разговор заходил о духовном училище. Он был отдан туда восьми лет, прямо в бурсу, и не мог вспоминать о своем учении без ужаса»⁸. Помня о тех издевательствах, которым он подвергался в бурсе, он не хотел, чтобы его сыновья испытали нечто подобное.

Был один момент, когда желание Наркиса Матвеевича «готово было сбыться». Директор Екатеринбургской гимназии, он же по совместительству инспектор народных школ по Зауралью, ревизовал народные училища и заехал в Висим. Ему понравилась школа, которую отец писателя вел без помощи учителя в течение восьми лет совершенно безвозмездно. Он дал обещание Наркису Матвеевичу принять его детей в гимназию бесплатно. Однако, когда наступило время учения Дмитрия и его старшего брата Николая, директора гимназии Крупнина в Екатеринбурге уже не было, его перевели в другое место службы.

Отцу писателя пришлось посокрушаться и отказаться от мысли обучения двух старших сыновей в гимназии. Плата за обучение двух детей в гимназии составляла 30 рублей, к этому добавлялась необходимость приобретения гимназической формы, учебников, оплаты за квартиру. В результате Наркису Матвеевичу пришлось отдать Николая и Дмитрия в Екатеринбургское духовное училище (бурсу), в которой он сам начинал свое образование.

Начальное образование Мамин-Сибиряк получил в школе Висим-Шайтанского завода, в которой он учился с осени 1860 г. по 1864 г. Здесь он познакомился с детьми рабочих Т. Ерохиным, П. Ткачевым, М. Балакиным, Е. Лянцевым. В это время у него складываются тесные дружеские отношения с сыном заводского служащего Костей Рябовым, которого он впоследствии называл своим «первым другом».

Летом 1864 г. Дмитрий Наркисович вместе с братом Николаем и сыном Висимского дьякона Николаем Тимофеевичем

Архангельским готовятся под руководством отца писателя Наркиса Матвеевича Мамина к поступлению на высшее отделение Екатеринбургского духовного училища. Осенью 1864 года Дмитрий Наркисович был принят на высшее отделение Екатеринбургского духовного училища. Однако «ошеломляющие впечатления» Мамина-Сибиряка от бурсы вынуждают отца взять его из училища.

В своих «Воспоминаниях» писатель описывает те нравы и правила неформального поведения, с которыми он столкнулся в Екатеринбургском духовном училище. Единственным критерием, который признавался учениками училища, была физическая сила, а поскольку будущий писатель был физически слабым, болезненным мальчиком, то ему пришлось испытать те издевательства, которые были характерны для бурсаков.

– Колотить будут тебя бурсаки – предупреждал его Костя Рябов, страдая от зависти.

– Колотить? Храбрился я, – вспоминал писатель.

– Нет, ты не знаешь моего характера... Я, брат, и сам могу поколотить. Очень просто...

– Ну, брат, там найдутся такие силачи...

– А у меня есть перочинный нож... Да... В случае чего... Одним словом, я шутить не люблю.

У Кости была скверная привычка поддразнивать своих друзей, а тут всякий сделался героем. Писатель резонно замечает, что многие герои делались героями только из трусости, и в каждом человеке самым мирным образом уживался и трус, и герой¹⁰.

Некоторые приемы воздействия на новичков со стороны старожилов бурсы по отношению к будущему писателю он описал в своих «Воспоминаниях».

В течение первых дней мне пришлось познакомиться с положением настоящего новичка, с той жестокой школой, которую он неизбежно должен был пройти, – вспоминал писатель¹¹. Нравы бурсаков были действительно дикими. Иначе их не назовешь. Истязания двоюродных братьев Протасовых, Павла и Вани, со всей очевидностью свидетельствуют об этом. Дело дошло до того, что Введенскому, назначенному старшим для проверки тетрадей и других канцелярских принадлежностей у учеников училища, было недостаточно «самоличного битья», и он устроил настоящее издевательство, заставляя по очереди Пашу и Ваню бить друг друга¹².

Жестокости коснулись и самого Дмитрия Наркисовича.

Бурсак Сельмяков, по кличке Патрон, когда мы встали для

молитвы, колынул меня иглой в ногу и, улыбаясь, шепнул:

– Ступай, жалуйся!..

Я хотел отодвинуться, но Хлызов, глядя в глаза инспектору, незаметно ни для кого принялся колоть меня в бок спрятанным в горсти перочинным ножом. Было больно, – вспоминал Мамин-Сибиряк, но я крепился и выстоял молитву неподвижно, что и спасло меня от дальнейших испытаний. Закончилось это знакомство тем, что когда я достал свой перочинный ножичек, Хлызов выхватил его и проговорил:

– Это мой ножичек... Твой брат взял его у меня на подержание... Право сильного царило в этих стенах в полном объеме¹³.

В результате издевательств над физически слабым Дмитрием отец вынужден был взять его из училища домой, где он под его наблюдением повторяет курс среднего отделения духовного училища. В это время он много читает художественных произведений. Осенью 1866 года Мамин-Сибиряк поступает на высшее отделение Екатеринбургского духовного училища. На этот раз повзрослевший и более опытный мальчик смог более результативно противостоять и лавировать между сильными бурсаками и, таким образом, закончить Екатеринбургское духовное училище.

Осенью 1868 года Дмитрий Нархисович поступает в 1^й класс Пермской духовной семинарии. Духовная семинария не удовлетворяет Д.Н. Мамину-Сибиряку ни как тип учебного заведения, который дает его выпускникам определенную специальность, ни методами и приемами преподавания, которые практиковались в семинарии, ни общим духом и настроением, который царил в ней. Однако такие представления сформировались у него не сразу.

Четыре года учебы в Пермской духовной семинарии дали будущему писателю чрезвычайно много. Прежде всего, они существенно расширили его кругозор, несмотря на далеко не идеальный набор учебных предметов и низкий уровень их преподавания. По свидетельствам П.Н. Серебренникова и Е.В. Бирюкова, которые учились в Пермской семинарии вместе с ним, Д.Н. Мамин хорошо учился. В свидетельстве, выданном ему об окончании четырех классов семинарии, по тригонометрии, физике, космографии, психологии, французскому языку, обзору философских учений он имел отличные оценки. По русской словесности, геометрии, истории, греческому и латинскому языкам его успехи были оценены как очень хорошие.

Большое значение для формирования мировоззрения бу-

дущего писателя имели личности преподавателей семинарии, такие как математик Н.П. Бакланов и преподаватель отечественной словесности И.Е. Соколов. По свидетельству сестры писателя Е.Н. Удинцевой, И.Е. Соколов очень любил и хорошо знал свой предмет, умел заинтересовать им почти всех способных учеников семинарии.

Он был строг и требователен к сочинениям семинаристов по литературе. За первое сочинение он поставил Дмитрию Наркисовичу единицу, подчеркнув, что в таком виде «сочинение никуда не годится», и одновременно отметив, что у автора «чувствуется дарование» к литературному труду. «Вы должны заниматься литературой, – заметил он будущему писателю. – Работайте над слогом, больше читайте». Этого учителя Мамин-Сибиряк потом всегда вспоминал с любовью и благодарностью¹⁴.

Значительное влияние на расширение мировоззренческого горизонта будущего писателя, особенно в плане возрастания его интереса к естественным наукам, сыграла тайная студенческая библиотека, существовавшая в Перми с начала 1870-х годов и случайно раскрытая в апреле 1881 года. В этой библиотеке были хорошо представлены классики мировой художественной литературы и отечественные писатели-демократы – Решетников, Флеровский, Шелгунов, Писарев, Добролюбов, Миртов и другие.

Наконец, определяющую роль в решении будущего писателя перейти в Петербургскую медико-хирургическую академию сыграла общеполитическая обстановка в России в начале 1870 года.

По свидетельству П.Н. Серебренникова, который был одноклассником Мамин-Сибиряка по учебе в Пермской духовной семинарии, в 1868-1870 г. они жили на одной квартире. Вместе с ним он учился в 1872-1876 г. в Петербургской медико-хирургической академии, правда, уже на другом, медико-хирургическом факультете, а Д.Н. Мамин-Сибиряк – на ветеринарном. Семидесятые годы XIX столетия являются самым светлым периодом в истории Пермской семинарии. Раньше этого периода случаи поступления семинаристов в высшую светскую школу были единичными, таких смельчаков можно было пересчитать по пальцам. В 70^е годы XIX столетия проявилось весьма оживленное стихийное движение молодежи – тяга к высшему образованию. Эта широкая просветительская волна увлекла за собой из стен семинарии все, что было в ней талантливого и способного, в высшую школу. На гребне этой

волны ушел из Пермской семинарии и Д.Н. Мамин-Сибиряк¹⁵.

За годы учения в семинарии будущий писатель значительно вырос духовно, расширился его интеллектуальный потенциал, он хорошо учился, был прекрасным репетитором, имел много уроков в богатых семьях г. Перми, жил, по крайней мере, частично, на свои средства. Значительную часть заработанных денег Дмитрий Наркисович расходовал на выписку дорогих книг по литературе. Его отец, занятый воспитанием других детей, не мог выделять ему достаточно средств для учебы. 15 мая 1870 года Д.Н. Мамин писал отцу, что всего за этот год он издержал 107 рублей – не больше, чем в прошлом году. Однако отец более точен и скрупулезен. Он указывает цифру расходов сына за 1870 год. Она составляет 139 рублей 70 копеек¹⁶.

Соученик Мамина-Сибиряка по Пермской духовной семинарии Е.В. Бирюков вспоминал об образе жизни и особенностях поведения будущего писателя: «Тесной дружбы с ним я не имел. У него был свой кружок товарищей из богатых учеников (в который я не входил). Его образ жизни отличался размеренностью и был расписан по часам. В известное время он вставал утром, в известное время был занят тем-то, в известное время читал и уходил на уроки.

Одевался Дмитрий Наркисович всегда прилично, можно сказать щеголевато, манеры имел светского человека и на неуклюжего бурсака нисколько не походил». Это являлось следствием высокой культуры, приобретенной в результате трудолюбивого штудирования общественно-политической и естественной литературы, преимущественно демократического направления. Он был разговорчив, умел выразительно рассказывать и являлся прекрасным собеседником. Любил поспорить, но своих мнений и взглядов не навязывал другим. В это время в нем уже сказывались те черты и особенности характера и поведения, которые в полной мере проявились позднее, когда он уже стал писателем, – отмечал Е.В. Бирюков. Он отличался наблюдательностью, юмором и, можно сказать, сарказмом, умел отличать в других добрые качества и недостатки. Отличался выдержанностью своего характера, постоянством, был всегда в веселом расположении духа¹⁷. Эти внешние признаки повседневного поведения наслаивались на его общественный темперамент, на его мировоззренческие интенции – быть полезным обществу, которые в конечном счете возобладали и перетянули его интересы в сторону изучения естественных наук, для чего он решил перебраться в Петербург и поступить в медико-хирургическую академию.

Будущий писатель ошибался в выборе поля своей будущей деятельности – она не подходила для него, не соответствовала его интересам и способностям, но он был прав в одном, а именно в том, что естественно-научный профиль вуза открывал возможность действительно необходимой службы обществу.

Эти мысли он излагал в письме к отцу, отправленном в марте 1870 года. Будущий писатель просит отца «узнать программу реального Тагильского училища всех классов, потом узнать, можно ли поступать из реального училища в технологический институт или в другое высшее учебное заведение». Юноша Дмитрий становится серьезным человеком, озабоченным своим будущим. Он разочарован в профиле духовного заведения, каким была Пермская духовная семинария, и намерен окончить реальное (техническое) учебное заведение, которое бы давало ему «кусок» хлеба и специальность, которая нужна людям и обществу в целом. «В реальном же училище я, получив основательные знания по заводской части, не пропаду, а если попаду в технологический институт, то во всяком случае, выйду ничуть не хуже какого-нибудь универсанта, который вышедшим из университета скрипит где-нибудь за те же 15 рублей»¹⁸.

Будущий писатель за годы обучения в семинарии стал широко мыслящим человеком, он разочаровался в религии и писал об этом прямо Наркису Матвеевичу. «Теперь наше положение в семинарии, – продолжал он, – можно сравнить с положением ребенка, которому говорят, что белое совсем не белое, а черное, потому что святые отцы выкапывают всякую мертвечину, рухлядь никуда не годную и заставляют нас ее заучивать как что-то путное». А это приводит к нерациональному расходованию времени. «Время самое годное для приобретения знаний почти на всю жизнь, время, которым мы должны дорожить, у нас пропадает на заучивание мертвечины, то есть классиков». Юноша с достойным сожалением, характерным для молодежи того времени запалом экстремизма, подчеркивает, что «никто еще никогда не делал старое новым, годным для употребления». Дмитрий Наркисович пишет отцу о том, что он предпочитает быть лучше честным и трудолюбивым заводским человеком, чем губителем молодых умов «рединтом-наставником», т.е. попом, который иссушает тело и ум, изучая классиков и в то же время не зная их.

Дмитрий Наркисович определил свой дальнейший путь, он решил связать свою жизнь с реальным училищем и технологи-

ческим институтом. В то же время он уважает мнение отца и намерен поступить так, как тот пожелает. Однако по тону письма, по неоднократно повторению в нем одних и тех же вопросов относительно условий поступления в реальное училище и технологический институт ясно, что Дмитрий Мамин окончательно разочаровался в семинарии и в том профиле специальности, который она дает, и пишет отцу относительно его решающего слова в определении своего будущего только для проформы, только для того, чтобы не обижать его, дать ему почувствовать важность решения судьбы своего сына, и не более того.

О характере возражений отца писателя мы узнаем из письма Д.Н. Мамина-Сибиряка, отправленном ему 15 марта 1871 года. В нем он полемизирует с отцом. Он пишет: «Вы говорите, что мы слишком легко относимся к настоящему своему времени – времени приобретения всевозможных знаний, – на это скажу вот что: наши воспитатели, наши руководители гораздо легче смотрят на это, чем мы сами, они не только ничего не дадут, но еще и то, что мы без их помощи приобрели бы, расстроят; спросите у них, много ли они чего дали мне, а набор склонений и спряжений и слов без порядка, без толку не есть еще знание»¹⁹. Дальнейшее содержание письма свидетельствует о самоуверенности будущего писателя, о том, что он твердо решил переориентироваться с духовного содержания плохо преподаваемых в семинарии классиков на техническое знание, как более нужное современному человечеству. Об отказе его от религии свидетельствует то, что он не стал ходить в церковь, так что это стало заметно администрации семинарии, и ему стали снижать оценки по поведению до троек.

Окончив четыре класса духовной семинарии, Д.Н. Мамин-Сибиряк решил окончательно порвать с духовной семинарией и перейти на естественный факультет Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. В этом направлении действовали такие конкретные шаги Дмитрия Наркисовича, как плавание на барках по реке Чусовой в 1868, 1869, 1870 годах, знакомство с жизнью и бытом чусовских бурлаков, изучение французского языка, чтение книг семинарской и частной библиотеки, увлечение пермским театром. Он читает литературу демократического направления – произведения Д.И. Писарева, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского. Участвует в конспиративном ученическом журнале. Эта сторона жизни Мамина-Сибиряка способствовала и толкала его к выходу из Пермской духовной семинарии.

В письме к отцу от 29 февраля 1872 года Дмитрий Наркисович расставляет акценты в своей сложившейся к тому времени системе ценностных ориентаций. «Деньги потерял – говорят – ничего не потерял; время – много потерял; энергию – все потерял». Следовательно, молодой семинарист усвоил основные ценности и установки демократической молодежи России 60-70^х годов XIX века. Для него важны не деньги, создающие условия и возможности для спокойной и благоустроенной жизни, а важна энергия, позволяющая изменять условия жизни и время, необходимое для этого изменения. Будущий писатель понимает, что у него и у современной ему молодежи нет опыта, нет возможностей совершать такие политические шаги, которые способны сразу привести к желаемым социальным результатам. Однако, не будь в нас, семинаристах, какой-то надежды на будущее, какой-то безотрадной почти смелости, просто пропадай ты в этом случае, как курица». «Наша сила, – пишет он отцу – труд, наш капитал – энергия»²⁰.

Решение Д.Н. Мамина-Сибиряка выйти из Пермской духовной семинарии назрело, и он решил его осуществить. Дмитрий решает оставить семинарию. Он пишет отцу, что он не хочет оканчивать духовную семинарию для того чтобы «превращаться в губителя молодых умов». Последнее свидетельствует, как глубоко зашел процесс формирования демократического мировоззрения будущего писателя.

В июне 1872 года после окончания четвертого класса Пермской духовной семинарии Дмитрий Наркисович уходит из семинарии. В августе этого года он подает заявление о приеме на медицинское отделение Петербургской медико-хирургической академии. В первой половине сентября 1872 года он неудачно держал вступительные экзамены на медицинское отделение академии. По его просьбе он был принят на ветеринарное отделение медико-хирургической академии, где обучался в течение трех лет.

В письме к отцу от 21 августа 1875 года он писал о своих жизненных планах, о том, что он намерен делать дальше. «Начну с того, что волею судеб я остался на ветеринарном отделении, так как по недавно вышедшим правилам более трех лет на первых двух курсах оставаться нельзя, хотя эти правила не существовали еще в прошлом году»²¹. Особого рвения в учебе на ветеринарном факультете Дмитрий Наркисович не проявлял, на втором курсе он занимался два года и был оставлен на второй год на третьем курсе. Не выдержав экзамен на медицинское отделение академии, Дмитрий Наркисович в 1873

и в 1874 годах снова держал вступительный экзамен на медицинское отделение Петербургской медико-хирургической академии, но безуспешно. Выбранная по принуждению специальность, избранная для того, чтобы зацепиться в Петербурге, не нравилась будущему писателю, и он с нескрываемым раздражением пишет о ней в цитированном выше письме к отцу. Не останавливаясь на этом подробней, он сообщает отцу о своих дальнейших жизненных планах и намерениях.

«Через два года я кончу ветеринарию, буду иметь за плечами верное ремесло, а в руках диплом кончившего курс в высшем учебном заведении. Ремесло даст мне верный кусок хлеба, диплом откроет возможность *делать карьеру*. Относительно последней я думаю так: ветеринарное отделение я кончу, но ветеринаром не буду, а буду продолжать далее свое образование, смотря по обстоятельствам, где придется. Весь вопрос в конце концов сводится на материальное обеспечение, которое откроет двери везде»²². У него возник план о поступлении на медицинский факультет. Однако этот вопрос он не решил для себя окончательно. «Поступать в настоящую минуту на медицинское отделение, – писал он отцу, – для меня было бы по меньшей мере великой глупостью, потому что связываться со стипендией я не хочу, а служить двум господам нельзя: то есть кормить свою голову и учиться»²³. Ему не хочется получать государственную стипендию, которую потом нужно будет отрабатывать, а последнее не только не входит в его жизненные планы, но и просто для него неприемлемо.

В это время Дмитрий Наркисович начинает писать, участвует в литературной жизни столицы. Он очень осторожно об этом информирует своего отца. «Как вам известно, я не принадлежу к разряду счастливых, – писал он Наркису Матвеевичу, – потому что небо моего счастья часто заволакивается густыми тучами, но с другой стороны, я и не несчастный человек, потому что мне многое удается такое, что и счастливым в добрый час. Значит, особенно бога гневить и не за что, я и не гневлю, а благодарю, хотя и не за все... Словом нет худа без добра, а добра без худа, говорит пословица, и говорит как раз про меня, не в бровь, а прямо в глаз».

Начинающий писатель скрывает от отца свои первые удачные литературные опыты, однако счастье, которое он испытывает от них, переполняют его сердце, и ему очень хочется сообщить об этом отцу. Однако он все-таки воздерживается от этого, ожидая крупных публикаций в печати, а отцу пишет о том, что «Мои несчастья Вы знаете, папа, и поэтому распро-

страняться о них нечего, но о моем счастье скажу несколько слов. Начну с того, что хотя плохо, но все-таки я стою на своих ногах, а это для меня первое и самое главное пока. Далее, кроме стояния на своих ногах, под чем я разумею существование трудами рук своих, я имел случай вкусить кой-каких других благ, но о последнем пока нужно помолчать, до поры, до времени разбалтываться нехорошо»²⁴. Перед отцом, которого он очень уважал, Дмитрий Наркисович скрывал свое самое дорогое – занятие литературой, свои первые успехи на литературном поприще. А эти успехи к тому времени были уже значительными. Осенью 1872 года писатель начал работу над «Приваловскими миллионами». Осенью 1874 года он работал над очерком «Легкая рука», который являлся первоначальной редакцией рассказа «Бойцы». К этому времени относится начало его работы в качестве репортера в газете «Русский мир». Ввиду закрытия русским правительством этой газеты на три месяца он работает в газете «Новости».

В журнале «Сын Отечества» 20 апреля 1875 года был помещен рассказ Мамина-Сибиряка «Старцы». В мае 1875 года писатель сообщает отцу, что им после 20 апреля опубликованы еще три небольших рассказа. Летом 1875 г. во время студенческих каникул Мамин-Сибиряк работает над романом «В водовороте страстей», продолжает репортерскую работу в Санкт-Петербургских газетах. Предлагает одну из своих повестей в журнал «Отечественные записки», однако М.Е. Салтыков-Щедрин признал ее слабой и отказал в публикации.

Для начатых романов писателю потребовался свежий уральский материал. Он просит об этом отца. «Живя так долго в Висиме, Вы, папа, отлично знакомы с настоящим краем и его прошедшим. Мне для некоторых целей крайне необходимо знание этого настоящего и прошлого, хотя и я кой-что знаю о них. Я был бы очень обязан Вам, папа, если бы Вы взяли на себя труд сделать три вещи: кой-что припомнить, кой-что расспросить и кой-что прочитать». Писатель разъясняет отцу, что это значит: «Припомнить Вы можете вот что: чрез Ваши руки проходили и проходят интереснейшие факты из раскольничьей жизни: жизнь в скитах, сводные браки, взгляды на семейную и обыкновенную жизнь раскольников, их предания, суеверия, приметы, заговоры, стихи, правила и т.п. Все это мне крайне интересно знать и Вы бы, папа, хорошо сделали так: подобрали бы к стороне те документы, которые перешли к Вам из раскольничьих рук. Я говорю о фактах и цифрах, которые обрисовали бы как прошлое, так и настоящее раскольников на

Урале. Для этой цели Вы, папа, могли бы достать много интересных выдержек из заводского архива».

Начинающего писателя очень интересует прошлое рода Демидовых, которое лежат в конторских бумагах или ходит по рукам в виде рассказов и воспоминаний. Особенно важно здесь иметь в виду резкую разницу, отделяющую энергичных, деятельных представителей первых основателей дома Демидовых и распущенность и самодурство последних. «У Вас, папа, есть книжка о доме Демидовых, хорошо было бы, если бы Вы на полях ставили цифры и делали к известным лицам собранные примечания. Так, я, например, помню, что жил один Демидов на одном острове Черноисточинского пруда, далее, как он неутомимо основывал один завод за другим, раскапывал руды и прочее. Далее, интересно, например, знать подробности таких фактов, как приезды Авроры Карловны на заводы: безумное мотовство и прочее. Кстати, Вы не пройдете мимо интересных фактов, характеризующих жизнь фабричных, рудниковых, беглых, знаменитых разбойников»²⁵.

Перед нами программа исследования первых горнозаводчиков Урала и народных масс, два класса противостоящих друг другу социальных сил общества, – вот это интересует начинающего писателя в прошлом края, вот о чем он хочет писать и вот о чем он просит отца помочь ему. Его интересует проблема отпора народных масс верхам общества, чем она вызывалась, в каких формах протекала, в чем ее вожди допустили ошибки. «Рассказы о Ермаке, Пугачеве, Малороссии и проч., – все это крайне интересно знать. Также факты встречи малороссов с раскольниками на Урале и первые шаги их взаимной жизни». Начинающего писателя интересуют проблемы единства сил противоположительственного лагеря, а также проблемы, помещавшие ему развернуться. «Все это мне интересно и крайне необходимо знать, особенно же о Демидовых, – повторяет он настойчиво в письме, – о которых, Вы, папа, можете собрать много сведений от старых служащих»²⁶.

Эти сведения нужны писателю для художественного изображения особенностей прошлого края в начатых уже им романах «Приваловские миллионы» и «Горное гнездо». Перед нами развернутая программа сбора материала об историческом прошлом края, причем интересно то, что начинающий писатель хочет использовать не только тот материал, который был использован его предшественниками. Книга г. Спасского «Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова», СПб, 1883 имелась в библиотеке отца писателя. Кроме того, он хотел ис-

пользовать неопубликованные воспоминания рабочих и служащих демидовских заводов, наряду с этим он понимал необходимость привлечения и использования архивных материалов, в которых отложилось много исторически достоверных материалов о прошлом демидовских заводов. Много материалов (фактов, событий и т.п.) отложилось в устном народном творчестве. Этот пласт источников был специфическим, сказания, исторически достоверные, пересказанные отцами и дедами демидовских рабочих, обрастали легендами, присказками, утрачивали исторически точный и достоверный характер и вместе с тем приобретали такие качества, которых не было в первоначальном варианте рассказов о Демидовых, об историческом прошлом их заводов, об исторической судьбе различных обрядов уральского горнозаводского населения (как они прибыли на Урал, откуда, в результате каких манипуляций Демидовых, когда, с кем и т.д. и т.п.)

Обращения Мамина-Сибиряка по вопросам сбора источников по истории Уральского края имели серьезную основу. Д.Н. Мамин много занимался изучением Урала. Он состоял корреспондентом Уральского общества любителей естествознания. В октябре 1875 года ему была присуждена премия за труды по наблюдению над грозами²⁷.

Студенческая жизнь начинающего писателя скрашивалась крупными успехами на литературном поприще. В письме Наркису Матвеевичу от 31 декабря 1875 года начинающий писатель, подводя итоги прошедшего года, отмечал свои успехи на поприще беллетристики. Он писал: «... я могу сказать, что 75 год хотя и не сделал многого, чего я ждал от него, но начало дела велико, а начало положено: я попытал счастья по части беллетристики, рассказов и могу сказать, что на моей стороне такой выигрыш, какого я не ожидал. Прежде всего, и, главным образом, мне и Вам интересны те 200 р., которые я получил за свои произведения (?!), а потом и та уверенность, что я могу писать в этом направлении не хуже других»²⁸.

Дмитрий Наркисович понимает, что это только начало, что ему еще много нужно учиться, чтобы стать преуспевающим литератором, но для учебы нужны деньги, и полученные деньги дают ему возможность надеяться, что он преодолет эту трудность.

Однако богемная жизнь начинающего литератора подрывает и без того не богатырское здоровье. Весной 1876 года Мамин-Сибиряк оставлен на третьем курсе ветеринарного отделения Медико-хирургической академии как не сдавший экза-

менов. События спешат, успехи чередуются с неудачами, они отражаются на здоровье начинающего литератора. Весной 1876 года Мамин-Сибиряк заболел туберкулезом. Болезнь совпала по времени с его дальнейшими литературными удачами: в журнале «Сын Отечества» в 1876 году были опубликованы его рассказы «Старик», «В горах», «Не задалось», в «Кругозоре» были опубликованы рассказы «Красная шапка» и «Русалки».

Особым успехом начинающего писателя была публикация романа «В водовороте страстей». Роман был опубликован под псевдонимом Е. Томский. Фактическим издателем «Журнала русских и переводных романов и путешествий» был владелец типографии А. Траншель. Он обманул Мамина-Сибиряка, вместо 500 рублей заплатив ему только 50 рублей. Писатель пытался востребовать причитающуюся ему сумму в судебном порядке. Однако это ему не удалось. Несмотря на решение суда в пользу писателя, ему не удалось получить причитающуюся ему сумму гонорара, так как издатель скрылся, и найти его судебным приставам не удалось.

В романе «Водоворот страстей» прокручивается банальный сюжет – заводской приказчик соблазняет жену рабочего, а тот пытается мстить ему всю жизнь. Этот сюжет неоднократно повторяется в последующем в зрелом творчестве Мамина-Сибиряка. Писатель акцентирует внимание не на социальном конфликте, а на вражде между людьми, любящими одну женщину, готовыми в своей безумной страсти пойти на любой грех, на любое преступление.

Приказчик Назар Зотеич Рассказов обрисован не как сильник и эксплуататор, а как удачливый предприниматель, очень привлекательный внешне – «великий грешник». Его соперник – антагонист Рублев так же не похож на рабочего-протестанта или на уральского работника, психологию которого Мамин-Сибиряк отразил в последующем в ряде своих произведений. Это также этический, а не социальный тип человека, зараженного жадной личной мести и ради нее отступившего от религиозных святынь.

В литературе о творчестве Мамина-Сибиряка А.И. Груздевым, Г.К. Щенниковым и другими уральскими литературоведами высказывалась мысль о том, что основной силой, определяющей поступки главных героев произведения, является наследственность. Она проявляется в том, что Назар Зотеич Рассказов – незаконный сын управляющего заводом. Именно потому, что он дитя страсти, он не может справиться

со своими телесными страстями. Это приводит к тому, что он не только губит женщин, являющихся объектами его любовных страстей, но и сам Рассказов и его дети живут в результате действия этой роковой страсти. Наследственность в рассказе Мамина-Сибиряка играет роль рокового возмездия детям за ошибки и разнузданность родителей²⁹. Страсть Н.З. Рассказова осмысливается в романе как дьявольское наваждение, и такая трактовка отвечает оценке страстей с позиций защитников «русской идеи» – почвенников и славянофилов. Неотразимая власть любимой над душой героя, вызывающая жажду ее обоготворения, воспринимается самим Рассказовым как религиозная зависимость от беса, за которую от Бога грешно, а от людей обидно. Это сознание выражает традиционную народную оценку греха.

В конце романа Назар Рассказов понял, что роковым началом его страстей был эгоистический любовный беспредел. Он всенародно кается в этом. В финале романа оба грешника – раскаявшийся предприниматель и нераскаявшийся рабочий – топят в пруду один другого. Их общая гибель выражает мысль о безусловном осуждении всякого насилия, всякого личного своеволия, полагающего, будто сильная страсть дает право распоряжаться жизнью другого человека. Конфликт романа Мамина-Сибиряка разрешается в народном духе³⁰.

В данных рассказах Мамина-Сибиряка встречаются привычные характеры и ситуации: простого и доброго в душе приказчика, «слабого» к женскому полу; его злого гения – верного слугу; мужика или солдата-беглеца, скрывающегося в раскольничьем скиту после «нечаянного» преступления. Часть повторяющимися сюжетами рассказов писателя являются нападения разбойников на повозку или лодку купца, везущего большие деньги, кровавые разборки разбойников и старцев, не поделившие деньги и женщин.

В ранних рассказах Мамина-Сибиряка повествуется о подлинных преступлениях уральских мастеровых. Однако они представлены не так, как в произведениях зрелого писателя, а именно, – без глубоко социального и психологического обоснования. Внимание автора сосредоточено на внешней стороне событий. Факты жестоких расправ, ситуации кровавых насилий даются описанными с натуралистической достоверностью. Отличие ранних рассказов Мамина-Сибиряка от бульварных сочинений того времени исследователи его творчества видели в том, что в них, хотя и пунктирно и слабо, но все-таки проступает тема социального возмущения против насилия приказчиков

и богатеев, а в рассказе «Красная шапка» освещается попытка политического протеста крестьян уйти от набора, от сдачи в рекруты. Прекрасное знание начинающим писателем местного уральского материала, являющееся итогом его многочисленных личных экспедиций в уральскую жизнь, отличное знание им местного фольклора, жизни и быта кержаков, – все эти особенности источниковедческой базы произведений молодого начинающего писателя выгодно отличали его от многих бульварных творений того времени. Горячее сочувствие писателя к своим героям оживляло их, делало их интересным для читателей³¹. В свете этих фактов его обращение в письмах к отцу с просьбами помочь достать разнообразные источники о прошлом Уральского края свидетельствуют о его добросовестности при решении вопросов об источниковедческой базе своих будущих произведений.

В начале августа 1876 г. Мамин-Сибиряк уходит из С-Петербургской медико-хирургической академии и 1 сентября поступает на юридический факультет С-Петербургского университета. В это время его семья переезжает в Нижне-Салдинский завод, надеясь, таким образом, улучшить материальное положение. Юридический факультет писателю окончить не удалось. Обострение болезни принудило его покинуть Петербург и вернуться к родителям на Урал. Здесь он в связи с продолжением болезни решает оставить Петербургский университет. Племянник писателя Б.Д. Удинцев, хорошо знавший его, бывший в последние годы его жизни (1908-1912) учителем Аленушки по русской истории и истории русской литературы, впоследствии очень много сделавший для сохранения литературного архива писателя, вспоминал, что его дядя первый петербургский период литературного творчества считал серьезной «биографической» неудачей. «Однажды он сказал моему отцу (Д.А. Удинцеву – В.С.): как-никак провести целых четыре года на ветеринарном отделении, бросить его для юридического факультета, не кончить и его – все это слишком большие издержки производства»³².

Ретроспективно, по свидетельству своего племянника, писатель впоследствии многое пересмотрел из своего юношеского максимализма и стал более объективно рассматривать общественную жизнь и свои юношеские увлечения. Именно в эти годы у начинающего писателя появилось «страстное желание» всматриваться в жизнь, всесторонне изучать ее; искать в ней самой, а не только в книгах («они всегда прошлое») ответы на те вопросы, которые сама жизнь же и ставила. «Кругом меня

было столько сокровищ – и в людях, и в природе, – говорил он племяннику»³³.

Семья, кружок близких людей, многочисленные знакомые, репетируемые ученики и их семьи, кадровые рабочие, безземельные крестьяне, мелкие служащие, кулаки и буржуазия – все это так или иначе попадало в орбиту его внимания, становилось объектом его интересов. Своих екатеринбургских друзей Климшина и Магницкого Мамин-Сибиряк буквально подавлял рассказами о своих многочисленных встречах и знакомствах. Молодой Мамин в годы учебы в Пермской семинарии приходит к отрицанию духовной школы. Он отрицает необходимость изучения древних языков и стремится к изучению естественных наук, он увлечен литературой революционных демократов, в частности, Писаревым. В последние годы жизни он отошел от огульного отрицания классицизма, интересовался переводами классиков античной литературы, но на всю жизнь остался верен Писареву в том, что успехи естествознания должны иметь огромное значение для развития производительных сил страны.

Об изменении некоторых важнейших мировоззренческих установок рассказывает племянник писателя. Когда он приехал к Мамину-Сибиряку в 1910 году и рассказал ему о том, что К.П. Поленов рекомендовал ему поступить в специальное техническое учебное заведение, писатель даже рассердился и стал уверять, что экономика и философия гораздо важнее техники. Вспоминая волнения, связанные с выбором учебного заведения в 1871-72 г., писатель сразу же в качестве примера привел себя: «Вот я тоже хотел стать заводским человеком, потому что любил наши уральские заводы, но затем убедился, что для пользы того же уральского населения гораздо важнее знание социальных наук...» Его пленила разумная мысль о том, что инженеры должны больше всего думать о прибылях предприятия. Живя в Перми, Мамин-Сибиряк считал себя «мыслящим реалистом». В Петербурге у него появилась конкретная цель стать писателем. Он больше всего прислушивался к голосу Салтыкова-Щедрина. Авторитет Писарева в Петербургские годы отходит для него на задний план.

Вернувшись в Екатеринбург, писатель много занимался прошлым своего народа, изучал летописи. Понимая прогрессивность образования централизованного Московского государства, он считал, что оно принесло России «жестокое рабство». Он не учитывал тот факт, что образование единого централизованного российского государства было ускорено внеш-

ней опасностью, поэтому происходило несколько неорганичным путем. Показывая племяннику ценное издание «Записок» Сигизмунда Герберштейна, он прочел в них характеристику Василия III и прокомментировал ее следующим образом: «Создание единого государства куплено было слишком дорогой ценой, и прав Ключевский, говоря, что объединили-то великий народ, а обладать русской землей хотели, как вотчиной, на частном удельном праве»³⁴. Писателя поэтому очень привлекала судьба Новгорода и его уральских владений. Отсюда он пытался выводить некоторые особенности менталитета местного уральского населения (его смелость, более частые восстания XVI-XVIII в., самоотверженная борьба со стихийными бедствиями).

Для Мамина-Сибиряка характерен своеобразный историзм, вытекавший из настойчивого стремления добиться более углубленного понимания исторической правды без какой-либо ее фальсификации. Писатель ставил перед собой задачу давать художественную правду в ее конкретности и в «живых образах людей», а не в исторических схемах. Для демократа Мамина-Сибиряка стержневое значение имело становление русского самодержавия, его привлекали такие фигуры русской истории как Иван Грозный, Борис Годунов, Петр I. «Его страшно интересовал генезис русского монархического централизма, борьба с феодальными республиками Новгорода и Пскова, ожесточенные столкновения крестьянства и «молодых людей» с купцами, боярами и царскими слугами».

Писатель с большой охотой собирал различные интересовавшие его редкие вещи, старые иконы, предметы старообрядческого культа, гравюры и минералогические коллекции. Он говорил своему племяннику о том, что старина помогает ему писать, т.е. переносит в конкретную обстановку жизни изображаемых им персонажей. Мамин-Сибиряк «прекрасно знал» литературу Киевской и Новгородской Руси, житийную литературу XII и XV веков и специальную старообрядческую литературу. В свердловском архиве хранилась коллекция рукописей XVII века, принадлежавшая Д.Н. Мамину, собранная им в Чердынском крае³⁵.

Интересуясь далеким прошлым Новгорода, русского Севера, Урала и Сибири, Мамин-Сибиряк увлекся археологией. Для того чтобы пополнить свои археологические коллекции и раритеты, он совершил поездку в Нижний Новгород в 1895 и в Ладугу – в 1901 году. По свидетельству Б.Д. Удинцева, Центральную Россию Мамин лично почти не знал. С «центром» он зна-

комился в Москве, которую любил больше Петербурга. Он часто и много рассказывал своему племяннику о своих московских знакомых Тихомирове, Гольцеве, Телешове, о братьях Немировичах-Данченко, об обществе Чехова, Левитана, Яворской, Щепкиной-Куперник³⁶. Писателю было хорошо известно, как высоко ценили его талант москвичи – писатели и деятели культуры.

Для создания исторически достоверной современной писателю действительности его интересовали «труды» земских учреждений. Он настойчиво просил своих знакомых, имеющими к этому делу отношение, чтобы все новинки присылались ему в Петербург. Он часто встречался с Павлом Николаевичем Зверевым, который заведовал статистикой екатеринбургского земства. Статистико-экономические труды П.Н. Зверева имелись в личной библиотеке Мамина-Сибиряка, некоторые из них он цитирует в своем очерке «Самоцветы»³⁷.

Покинув Екатеринбург в 1891 г., благодаря пермским и екатеринбургским газетам, трудам земства и УОЛЕ, писатель знал много фактов из жизни торгово-промышленного класса Урала. Ему были отлично известны не только фамилии екатеринбургских купцов, но и «хроники» первоначального накопления.

Писателя интересовали «изломанные» трагические судьбы представителей имущего класса и простого народа. Необходимое ему «сырье» он получал от друзей-юристов Н.Ф. Магницкого, И.Н. Климшина, М.К. Кетова и др. Рассказы «о делах» и личные посещения суда дали писателю немало материалов для его художественных произведений. Однако вернемся к фактам конкретной жизни Мамина-Сибиряка конца 70^х годов XIX века.

В это время он продолжает работу над романом «Приваловские миллионы» и упорно ищет работу в Нижнем Тагиле. И не находит. Внезапно 24 января 1878 года умирает его отец. Хлопоты по содержанию семьи в значительной мере легли на плечи молодого писателя. В поисках работы в начале лета 1877 года он переезжает в город Екатеринбург. И здесь знакомится с Марией Якимовной Алексеевой. Ее отец был управляющим Нижнесалдинского завода. Знакомство переросло в дружбу, завершившуюся в 1878 году гражданским браком. В августе 1878 г. семья Наркиса Матвеевича Мамина, оставшаяся после смерти кормильца, без средств переезжает в Екатеринбург, где живет на средства, получаемые от уроков Д.Н. Мамина-Сибиряка. Положение писателя в материальном

отношении было очень трудным. Его роман «Семья Бахаревых» не был напечатан. Рассказ «Тайны зеленого леса», опубликованный в журнале «Кругозор», не решал сложной материальной проблемы родительской семьи.

Гражданский брак с М.Я. Алексеевой отчасти улучшал материальное положение писателя, однако его мать была недовольна этим поступком сына и не хотела признавать М.Я. Алексееву в качестве жены своего сына.

Расширяя круг своих знакомых, писатель вместе с М.Я. Алексеевой зимой 1878 года создал Маминский кружок, в котором участвует уральский писатель Н.В. Казанцев, юристы М.К. Кетов, И.Н. Климшин, Н.Ф. Магницкий, податный инспектор А.А. Фолькман³⁸.

Дмитрий Наркисович, по свидетельству Н.Ф. Магницкого, был «душой» екатеринбургских вечеров³⁹, на которых члены кружка музицировали, пели, шутили, Дмитрий Наркисович читал отрывки из некоторых своих произведений, а Н.В. Казанцев и И.Н. Климшин «сыпали стихотворными экспромтами». В это время Мамин-Сибиряк начинает собирать материалы для нового романа «Хлеб», работает над романом «Каменный пояс», представляющий собой вторую редакцию «Приваловских миллионов». В письме к брату Владимиру писатель пишет о том, что мы сидим «все-таки в тепле, сыты и одеты, тысячи переселенцев, голодом и холодом, с грудными детьми и стариками, тащатся христовым именем за тысячи верст, где неизвестно как устроятся. Вот нужно пожить в такой коже, тогда много лишней дури повыбьет из головы; по крайней мере, полезно иногда представить себя в положении этих людей. Я отлично помню слова покойного папы: «Ты сыт, одет, сидишь в тепле, — чего же еще нужно? Остальное прихоти, т.е. если оно есть — хорошо, нет — не о чем особенно убиваться...» Это — мудрые житейские слова, Володя, которые следует зарубить на носу...»⁴⁰ Писатель использует любимую поговорку своего отца для того, чтобы напомнить младшему брату о необходимости вести скромный образ жизни и довольствоваться самым необходимым.

Понимая стремление брата найти «труд по душе», Дмитрий Наркисович писал ему о том, что он не ропщет и не падает духом, не имея в настоящее время работы, а пишет об этом «в назидание брату», чтобы он не повторял «моей ошибки в погоне за излюбленным трудом». «Ведь у меня, Володя, — подчеркивает он, — душа болит от сознания, что пропадают и силы, и время на дурацкой неблагодарной работе с разными купече-

скими сынками (писатель имеет в виду уроки, которыми он должен заниматься, чтобы содержать семью, в том числе и младшего брата – В.С.), но опять-таки повторяю тебе, я не ропщу на свою судьбу, потому что есть миллионы людей из поколения в поколение несущих неизмеримо большие несчастья сравнительно с испытываемыми мной маленькими неприятностями»⁴¹.

Для такого заявления Дмитрий Наркисович имел серьезные основания. Он использует каждый час, каждую свободную минуту времени для того, чтобы писать. Летом 1881 года он заканчивает работу над четвертой редакцией романа «Приваловские миллионы» («Сергей Привалов»), печатает в течение 1881 года пять очерков «От Урала до Москвы» в литературной московской газете «Русские ведомости». Придавая большое значение покорению Сибири и включению ее в состав Московского царства, роль в этом процессе колоритной героической фигуры Ермака, писатель пишет статью «Покорение Сибири» и помещает ее в «Иллюстрированном журнале для детей» во 2 и 3 номерах за 1881 г. В конце года писатель работает над последней редакцией романа «Приваловские миллионы», завершает очерки «В камнях» и «На золотом прииске», работает над рассказом «Китайцы и американцы», над сказкой «Гроза Востока».

Для знакомства с писательским и издательским миром Дмитрий Наркисович вместе с женой М.Я. Алексеевой посещает Москву и живет в ней с августа 1881 года по май 1882 года. Здесь он много и плодотворно работает. В № 3 журнала «Дело» был напечатан рассказ Мамина-Сибиряка «В камнях», а в третьем-пятом номерах журнала «Устой» рассказ «На рубеже Азии». В пятом номере журнала «Дело» за 1882 год был напечатан рассказ Дмитрия Наркисовича «Все мы хлеб едим...» Эти успехи привели писателя к мысли перейти исключительно на занятия литературным трудом.

В декабре 1882 года в солидном либеральном журнале «Вестник Европы» был помещен рассказ Мамина-Сибиряка «В худых душах». В этом же месяце он получил письмо от М.Е. Салтыкова-Щедрина, в котором великий сатирик информировал его о том, что редакция «Отечественных записок» охотно поместит очерк Мамина-Сибиряка «Золотуха» в одном из ближайших номеров журнала.

Подлинным триумфом для писателя явилась публикация в журнале «Дело» романа «Приваловские миллионы». Это бесспорно лучшее произведение большого художественного даро-

вания Мамина-Сибиряка и одно из лучших украшений русской литературы. Роман вобрал в себя многие проблемы, волновавшие демократические круги российского общества. В нем отразились годы бурного развития капитализма на Урале.

В романе отражены многие факты, события и легенды из жизни уральских заводчиков, золотопромышленников и фабрикантов. Писателя интересовал тот тип людей, который господствует и задает тон в современной ему жизни, поэтому он сразу же после этого романа берется за другой под названием «Горное гнездо», в котором значительное внимание уделил нравам заводской администрации и интеллигенции. В романе выведен округ Кукарских (за этим без труда прочитывается – Демидовских заводов). Заводы, подчеркивал писатель, занимают огромную территорию в пятьсот тысяч десятин. Это равняется территории целого германского княжества или даже королевства в Европе. На этих заводах работали пятьдесят тысяч человек, занятых тяжелым «огненным трудом» для того, чтобы владелец этих заводов с чертами явного вырождения мог жить так, как он этого хотел.

Публикация романа «Горное гнездо» в демократическом журнале «Отечественные записки» в 1884 году существенно закрепила репутацию Мамина-Сибиряка, как первоклассного писателя демократического направления. В 1883 г. в № 2 этого журнала был помещен рассказ Мамина-Сибиряка «Золотуха», а М.Е. Салтыков-Щедрин пишет 15 марта этого года письмо автору рассказа, в котором просит писателя присылать свои произведения для публикации их в «Отечественных записках». Летом 1883 года в этом журнале был помещен большой очерк Мамина-Сибиряка «Бойцы».

1884 год знаменовался не только большим успехом писателя, под которым следует понимать не только публикацию в «Отечественных записках» романа «Горное гнездо», но и одновременное печатание в «Вестнике Европы» романа писателя «Жилка» («Дикое счастье»). Творческий поток писателя был, казалось, неисчерпаем. В этом году он заканчивает роман «Бурный поток» («На улице»), работает над очерками «История Урала», которые были напечатаны в газете «Новости и биржевая газета».

В этом же году писатель подготовил и опубликовал в «Русской мысли» рассказ «Башка». Д.Н. Мамин-Сибиряк расширяет круг печатных изданий, в которых он может помещать свои художественные произведения. В газете «Волжский вестник» в апреле 1885 г. он поместил статью о П.П. Демидове под

названием «Один из анекдотических людей». О росте популярности и известности писателя свидетельствует факт избрания его 22 марта 1886 г. в действительные члены Общества любителей российской словесности.

Весной этого года началось сотрудничество Мамина-Сибиряка с либеральной газетой «Екатеринбургская неделя». Здесь писатель поместил большую статью «Кризис уральской горной промышленности». Однако расхождение с секретарем редакции И.Г. Остроумовым по идеологическим вопросам привело к прекращению сотрудничества.

Для приобретения новых материалов Мамин-Сибиряк совершает путешествие по Южному Уралу. Он посещает центры металлургии Южного Урала (Златоуст, Касли, Михайловка, Кечкарь). В следующем, 1887 году, писатель совершает поездку по Пермской губернии, производит археологические раскопки «для изыскания Чудских древностей»⁴². Летом 1887 г. Мамин-Сибиряк принимает активное участие в работе Сибирско-уральской научно-промышленной выставки.

Он пробует свои силы как драматург. 10 ноября 1887 года в Екатеринбургском драматическом театре состоялось первое представление пьесы Мамина-Сибиряка «Золотопромышленники» («На золотом дне»). Успех первой постановки привел к тому, что она 18 декабря 1887 г. была поставлена в московском театре Корша с участием известного в то время актера В.Н. Давыдова. В 1888 г. писатель работал над пьесой «Общий любимец публики», которая в следующем году была переделана в роман, носивший то же название. Во второй пьесе в отличие от первой не было такой среды и специфических характеров, которые создавали запоминающиеся мизансцены, волнующие актеров и публику. Понимая это, писатель решился на переделку пьесы в роман.

Для того чтобы создать подлинно художественное произведение, писатель должен хорошо знать изображаемую им среду. Мамин-Сибиряк понимал, что наибольший запас знаний у него имеется по Уралу, его родине, однако эти знания нужно было обновлять и подпитывать, особенно учитывая новые тенденции, характерные для современной общественной жизни.

В этом плане можно рассматривать поездку Мамина-Сибиряка в июне 1888 года на Северный Урал. Он посетил Чердынь и Ныроб. В следующем месяце писатель совершает поездку на Южный Урал. Для того чтобы испытать чувство, связанное с пребыванием в горах, он совершает подъем на гору Ирашель. Вернувшись в Пермь, он совершает поездки в

Курью, Обуховку, Мурзинку, на Успенскую писчебумажную фабрику. Он хочет многое знать, многое видеть своими глазами, чтобы потом в яркой художественной форме донести до читателей.

В это время он собирает материал ситуативно-событийного характера. Поступок человека, героически противостоящего трудным удушающим условиям жизни, делающего из него героя или труса, мерзавца или подлеца интересует писателя, и он наряду с жанром романа прибегает и широко использует жанр рассказа. Осенью 1888 года выходит первый том сборника «Уральские рассказы», который вызвал большой интерес уральской интеллигенции. Писателя интересуют взлеты и падения, несчастья и обогащения людей, работавших на золотых приисках Урала, поэтому летом следующего 1889 года он совершает вояж по уральским приискам. Мамин-Сибиряк в связи с этим принимает участие в полемике с И.Г. Остроумовым и предсказывает быстрое развитие Екатеринбурга как крупного промышленного центра Урала. В этом смысле он видит в Перми город чиновников, губернский центр и противопоставляет его Екатеринбургу.

Интерес Мамина-Сибиряка к театру привел к интересным перипетиям в его личной жизни. В сентябре 1890 года он познакомился с актрисой М.М. Гейнрих-Абрамовой, приехавшей в Екатеринбург с труппой П.П. Медведева. Знакомство переросло в глубокое чувство, окончившееся разрывом с первой женой, М.Я. Алексеевой, и вступлением в гражданский брак с Марией Морицевной Гейнрих-Абрамовой. Поскольку возникли сложности для работы Марии Морицевны в труппе П.П. Медведева, она решила переехать в Петербург, надеясь найти работу в петербургских театрах. Это желание соответствовало намерению Д.Н. Мамина-Сибиряка переехать в Петербург на постоянное место жительства. В результате 8 марта 1891 года супруги уехали из Екатеринбурга в Петербург.

Однако брак Мамина-Сибиряка с Марией Морицевной оказался недолговечным. 21 марта 1892 года она родила дочь Елену, а на следующий день умерла. Горе писателя, на руках которого оказалась новорожденная дочь, было бесконечно. В семье Давыдовых он познакомился с Ольгой Францевной Гувале, которая взяла на себя роль няни маленькой Елены, в результате чего писатель получил возможность работать в области художественного творчества.

Рождение дочери Алenuшки оказало существенное влияние на его художественное творчество. Он обратился к детской

литературе и за последние два десятка лет своей жизни написал до 60 произведений для детей. Наибольшую известность среди них получили «Аленушкины сказки», получившие высокую оценку критики. Сам писатель считал, что эти произведения он написал любовью своего сердца, и поэтому они переживут все остальное, написанное им. И действительно, о популярности Аленушкиных сказок свидетельствует то, что при жизни писателя они выдержали десять изданий. Как отмечал критик журнала «Русская мысль», в сказках и рассказах «замечательного художника слова» Д.Н. Мамина-Сибиряка «рассыпано множество истинных перлов поэзии». В другом детском журнале «Воспитание и обучение» отмечалось, что сказки писателя «дышат любовью к детям», для них присуще «понимание детской души», умение «подметить и уловить то, что ей особенно дорого и мило». Критика отмечала, что «по прелести свежей и девственной фантазии», по богатству воображения сказки Д.Н. Мамина-Сибиряка можно поставить в один ряд с произведениями знаменитого детского сказочника Г.Х. Андерсена. По авторитетному утверждению А. Куприна, «Аленушкины сказки» обеспечивают писателю бессмертие.

Рождение дочери наполнило писателя огромной любовью к ней, а также постоянной мучительной тревогой за ее судьбу. Он как бы предчувствовал ее раннюю смерть. Девочка росла болезненным ребенком, страдала нервными расстройствами, вынуждена была учиться дома и потом сдавать экзамены экстерном. Одним из ее домашних учителей был ее двоюродный брат Б.Д. Удинцев. По свидетельству Удинцева, когда он приехал учиться в Петербург, «дядя Митя» (Д.Н. Мамин-Сибиряк – В.С.) попросил его «взять на себя» занятия с Аленушкой по русской истории и истории русской литературы. «Мы занимались с ней год (1910/11), – вспоминал Борис Дмитриевич. – Иногда в комнату Алены приходил дядя Митя, и урок незаметно превращался в беседу, а учитель и ученица со вниманием слушали авторитетного консультанта». Эти беседы оставили глубокий след в интеллектуальном развитии Б.Д. Удинцева, «потому что касались важнейших проблем теории и истории литературы». Борис Дмитриевич вспоминал о том, что Аленушка подарила ему две тетради своих стихов, одну из них он утерял.

Просматривая эти, часто «несовершенные опыты», Б.Д. Удинцев вспоминал длительные беседы со своей двоюродной сестрой, и он представлял в памяти образ болезненной, хрупкой девушки, много читавшей и думавшей, но рано

ушедшей из жизни (22 лет). Большую привязанность Д.Н. Мамина-Сибиряка к дочери Б.Д. Удинцев объясняет ее болезненным состоянием. «Она росла инвалидом, – вспоминал он, – с какими-то нервными подергиваниями, остатками детского паралича, с изломанной нервной системой». Стихи Аленушки о ее тяжелых душевных переживаниях «сердили» Б.Д. Удинцева и здесь его «успокоителем» «выступала тетя Оля» (О.Ф. Гувале – В.С.).

Дмитрий Наркисович, слушая стихи дочери, часто задумывался и иногда говорил своему племяннику: «Вы с сестрой счастливые, вы здоровы, вы можете работать, а она... Занимайся с ней побольше, отвлекай от тяжелых настроений». И мы занимались, читали, беседовали, – вспоминал Б.Д. Удинцев, – но настоящей дружбы не получилось. Сестра Удинцева Анна Дмитриевна пыталась брать Аленушку по просьбе Дмитрия Наркисовича в студенческое общество, но и здесь «ее как-то стеснялись, не могли найти общий язык». Это было тяжело как для нас (Б.Д. Удинцева и его сестры), так и для отца! Некоторые стихотворные опыты Аленушки были опубликованы. В этих стихах она пыталась дать лирические зарисовки природы и естественные душевные переживания.

Ранняя смерть дочери писателя, умершей от воспаления легких 5 сентября 1914 года в возрасте 22 лет, прервала ее поэтические и художественные опыты. Однако мы забежали вперед для того, чтобы осветить сюжет, связанный с необычной судьбой дочери писателя.

Желая создать более спокойные условия для жизни, для занятий художественным творчеством Мамин-Сибиряк 27 августа 1894 года переезжает на постоянное жительство в Царское село и живет там до 1900 года. В этот период времени он работает над романами «Золото» и «Хлеб», пишет историческую повесть из времен пугачевщины «Охонины брови», которая была напечатана в 8 и 9 номерах журнала «Русская мысль» за 1892 год.

Зимой 1893 года он работает над романом «Без названия», который был опубликован в журнале «Мир Божий» за 1894 г., №№ 1-10. Дмитрий Наркисович сблизился с редакцией журнала «Мир Божий», с его издательницей Александрой Аркадьевной Давыдовой и ее семьей. В литературном салоне Давыдовой он познакомился со многими писателями и литературными критиками, в частности, с Глебом Ивановичем Успенским и Николаем Константиновичем Михайловским. Дмитрий Наркисович очень любил, он благоговел перед идеологом на-

родничества и литературным критиком Н.К. Михайловским. Это было преклонение ученика перед учителем. В свою очередь и идеолог народничества очень ценил Н.К. Мамина-Сибиряка, и это, по свидетельству сестры писателя Е.Н. Удинцевой, выразалось даже в его манере отношения с ним.

Д.Н. Мамин-Сибиряк был потрясен внезапной смертью Н.К. Михайловского в 1904 году, и это нашло отражение в его переписке. Михайловский и Давыдова были восприимчивыми при крещении дочери писателя Аленушки. Ради Аленушки Дмитрий Наркисович переехал в Царское село после трехлетнего пребывания в Петербурге, когда Аленушке стал неприятен большой, шумный город. Активно сотрудничал писатель в журнале либеральных народников «Русское богатство». Здесь он поместил в 1894 году роман «Черты из жизни Пепко», который во многом носил автобиографический характер. Из Царского села Мамин-Сибиряк в течение 90^х годов XIX века совершил несколько поездок по литературно-издательским делам в Москву. Во время эти поездки он познакомился со многими московскими писателями и учеными.

Особенно тесные дружеские отношения завязались у него с писателем-народником Н.Н. Златовратским, с известным историком В.О. Ключевским, литературоведом Н.И. Стороженко. Активно сотрудничал Мамин-Сибиряк с редакцией московского либерального журнала «Русская мысль». Встречи происходили в доме редактора «Русской мысли» профессора В.А. Гольцева. Писатель очень тесно сошелся с профессором-экономистом А.И. Чупровым, который одобрял его романы, посвященные жизни и быту уральских золотоискателей. Беспощадная критика и разоблачение наиболее темных и жестоких сторон жизни уральских золотоискателей, данная в романе Дмитрия Наркисовича «Золото», вызывала искренне одобрение А.И. Чупрова.

В Москве писателю нравилась простота, чисто русское радушие, хлебосольство, писатель любил сытно поесть и обильно выпить. В журнале «Русская мысль» он поместил такие свои выдающиеся романы и повести как «Хлеб», «На улице», «Три конца», «Братья Гордеевы», большое количество рассказов: «Великий грешник», «Самоцветы», «Старатели», «Суд идет», «Около господ», «Профессор Спирька» и др.

В Царском селе 8 января 1896 года состоялась встреча Мамина-Сибиряка с А.П. Чеховым и И.Н. Потапенко. А.П. Чехов очень высоко ценил художественное творчество Мамина-Сибиряка и в письме к А.С. Суворину писал о том, что у него народ в его лучших рассказах изображается нисколько не хуже,

чем у Л.Н. Толстого в его повести «Хозяин и работник». Известный в то время беллетрист И.Н. Потапенко, находившийся в дружеских отношениях с А.П. Чеховым и Д.Н. Маминым-Сибиряком, оставил интересные воспоминания, свидетельствующие о высокой оценке писателем творчества «певца Урала». Помню как-то, – вспоминал Игнатий Николаевич в один из своих приездов в Петербург, – Антон Павлович, встретившись где-то с Маминым, так сильно заинтересовался им, что потом все время в разговоре возвращался к нему, а затем вдруг однажды покаялся, что ни одной его вещи не прочитал как следует. Помню, мы вместе с Чеховым зашли в книжный магазин Суворина, и он велел прислать ему все, что было издано отдельно Мамина-Сибиряка.

А.П. Чехов «принялся поправлять свою оплошность, каждый день в свободные часы читал Мамина, но когда при встрече я его спрашивал о впечатлении», он избегал определенно высказываться.

И только когда прошло несколько дней, он однажды сам заговорил об этом:

– А знаешь... Я про Мамина... Он в книгах точно такой же как в жизни... Тот же чернозем – жирный, плотный, сочный, который тысячу лет может родить без удобрения. Растут на нем дикie травы и злаки, им не счесть числа, а в гуще их живут на воле зайцы, стрепеты, куролатки и перепела... Это – та степь, которая воспета Гоголем.

– Ты хочешь сказать, что он не культурный, – заметил Потапенко.

– Да вот, слава богу, за культурностью он не гоняется, – ответил Чехов. Но зато в каждом его рассказе какой-нибудь Поль Бурже извлек бы материала на пять толстых романов. Знаешь, когда я читал маминские писания, – продолжал А.П. Чехов, – то чувствовал себя таким жиденьким, как будто сорок дней и ночей постился...

И Антон Павлович разъясняет И.Н. Потапенко, почему это так происходит. Оригинальность Мамина-Сибиряка, по мнению великого русского писателя, вытекает из той среды, из тех особенностей условий жизни, которые воспитываются условиями жизни на Урале, а особенности языка Дмитрия Наркисовича вытекают из того, говорил Чехов, что он сам говорит «природным языком» и других слов, другого языка он не знает⁴².

Высокую оценку творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка дал А.М. Горький в очерке «Чужие люди». Высоко ценили произведения писателя И.А. Бунин, Н.Д. Телешов. Злоречивый писатель

откликается на большинство событий общественно-политического звучания, которые в начале XX века «потрясают» общественную жизнь страны. После переселения в 1900 году в Петербург он начал активно посещать заседания Союза писателей, был избран членом комитета Литературного фонда. В 1901 году общественные события стали волновать писателя. Он возмущается англо-бурской войной, пишет резко критический рассказ «Или». Писателя возмущает издание правительством правил об отправке студентов в солдаты, которое нарушает нормальную университетскую жизнь. Студенческие движения в начале XX века нарушают нормальное течение общественной жизни, правительство прибегает к силовым методам разгона массовых демонстраций. 4 марта 1901 года демонстрация в Петербурге на Казанской площади была разогнана казаками, а близкие Дмитрию Наркисовичу интеллигенты были избиты полицией. В числе сорока петербургских литераторов Мамин-Сибиряк подписывает протест против избиений революционно-настроенной толпы. «Мы полны ужаса перед будущим, которое ожидает страну, отданную в распоряжение кулака и нагайки», – писали демократически настроенные писатели, обращаясь с протестом к правительству и обществу, протестуя против насилий, пропитывающих общественную жизнь⁴³.

Писатель был далек от политической деятельности. Он не проводил различия между программами различных политических партий. Однако его «вежливость» могла навлечь на него политические «неприятности», тем более в тех случаях, когда со стороны правительства применялись меры насилия. Во время поездки на Урал в 1903 г. писателя во время бесед с очевидцами «Златоустовской бойни» буквально трясло от негодования по поводу расстрела демонстрантов. В России назревала революция 1905-1907 г. Мамин-Сибиряк ее не понял. Он не мог быть либералом ввиду их беззубости, хотя с другой стороны не поддерживал и социал-демократов, считая их бездоказательно близкими к анархистам. Писатель хотел, чтобы вопросы революционного преобразования общества, необходимость которых вытекала из роста социальной справедливости, были решены мирным путем. Демократизм такого решения, по мнению писателя, вытекал из необходимости улучшения жизни народа, – не какого-то слоя, а всего народа, под которым он понимал всех нуждающихся в самом необходимом.

Однако революции 1905-1907 г. предшествовала русско-японская война. Младшая сестра его покойной жены

М.М. Гейнрих-Абрамовой Лиза в 1902 году поступила на курсы сестер милосердия, в 1904-1905 г. она была на фронте. От нее писатель часто получал сведения о беспорядках на фронте, которые, в конечном счете, привели русскую армию и флот к поражению. Вину за поражение страны в войне с Японией Мамин-Сибиряк возлагал на правительство России.

В письме к матери А.С. Маминой писатель писал о том, что получил поздравительную телеграмму из Харбина от Лизы по случаю своего дня рождения. Она жива и здорова, скверно только то, что заведует перевозкой тифозных больных, а не раненых. «Пока еще нет сыпного тифа, но он должен быть и в свое время явиться». Переходя к освещению политических событий, Дмитрий Наркисович пишет матери: «Новостей у нас нет. Разговоры о новых веяниях считаю пустяками, ибо никакую свободу даром не дают, а надо ее взять. Я состарился в ожидании этой свободы и теперь смотрю вперед без всякой надежды оную увидеть».

Писателя возмущает поведение царских министров. «А вот министр Глазов не разрешил открытие высших женских курсов ни в Москве, ни в Киеве... Вот тебе и суворинская «весна». Возмущаться всю жизнь просто надоело. Разбойники какие-то, а не министры. Ну, чего преступного в том, что девушки желают учиться»⁴³?

Писатель скептически оценивает внутреннее положение страны. «По части внутренней политики, — подчеркивает он, — говорят очень много, но разобраться в этих разговорах трудно, как будто что-то такое и будет, и как будто ничего не будет. Во всяком случае, несчастная для нас война всколыхнула всю публику. Забывают только одно, что от власти люди отказываются только в крайних случаях, а наши правящие классы еще постоят за себя, тем более, что для них власть связана помимо привилегированного положения с деньгами... Ведь по существу дела, в выборном начале и в ответственности министров решительно ничего нет, как в свободе личности, в свободе слова, но всего этого боятся наследственные государственные воры. Примеры Англии и Германии для нас пустой звук...»⁴⁴ Писатель устал, он разочарован, он критикует правительство и одновременно не верит ни в какие улучшения, даже конституция, которую все ждут, по его мнению, представляет «одни мечтания». Он лично не верит в русскую конституцию и ничего от нее не ждет. Люди остаются «все те же». «Одолело нас наше собственное невежество. Не говорю уже про простой народ, и даже наша интеллигенция в гражданском смысле ничего не сто-

Революция властно вторгается в общественно-политическую жизнь России, и писатель фиксирует ее наиболее характерные проявления и дает им свою оценку. Он отмечает, что железная дорога между Петербургом и Москвой пока действует. Его ужасают события, происходившие в Москве, в частности, поступившие сведения об уничтожении печатной фабрики Сытина, которая является первой в России, построенной в таком роде, ее строительство обошлось в миллион рублей. Он чувствует, что революция грозно стоит у порога страны, однако, далекий от способности прогнозировать развитие дальнейших политических катаклизмов, писатель высказывает только сожаление о том, что «приходится встречать надвигающуюся грозу не вместе»⁴⁶. Его радует, что беспорядки в Петербурге есть, однако они по сравнению с Москвой «ничтожные» и имеют место главным образом на фабриках и заводах.

Значительный интерес представляют мысли Д.Н. Мамина-Сибиряка о результатах революции 1905-1907 г. Он считал, что революция не достигла своих целей, и виновен в этом «напуганный народ». «Государственная дума, по-моему, переливает из пустого в порожнее». Писатель понимает, что это временное явление и «потом все образуется», этим словом писатель предпосылает ироничный подтекст со ссылкой на слова старика-дворецкого из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Дмитрий Наркисович не доволен тем, что его младший брат В.Н. Мамин, депутат II Государственной думы, «все время что-то молчит». Он понимает, что это нехорошо, в том смысле, что означает политическую смерть карьеры брата, так как это дезориентирует его избирателей. Так и получилось, – В.Н. Мамин-Сибиряк в III Государственную думу избран не был. В Думе нужна решительность: «назвался груздем – полезай в кузов». Прекрасными ораторами во II Думе являются премьер П.А. Столыпин и грузинский князь И.Г. Церетели. Они знают, о чем и как говорить. «Этим и книги в руки».

Отсутствие политического опыта у народных депутатов приводит к тому, что их «оторопь берет и животы подводит перед начальством». Народ веками запугивали, он и молчит, «пока господа говорят». В отношении содержания речей думских депутатов писатель считал, что пока, впрочем, говорят больше глупости, но зерен без мякины не бывает, намекая этим на то, что в пустых по форме и по содержанию речах депутатов II Государственной думы есть определенное содержание. Под последним писатель разумел способы решения аграрного во-

проса, предлагаемые левыми партиями. Конечно, на II Думу, считал писатель, никто особенных надежд не возлагал, потому что собрался в ней «пуганный народ», и будем ждать следующей⁴⁶. Однако последнее свидетельствует о том, что писатель не видел реальной расстановки политических сил в стране и в Думе. Третьеиюньский переворот, связанный с роспуском II Государственной думы с введением нового избирательного закона означал существенное поправление политического курса страны во внутренней политике, и если писатель за два месяца до этого предсказывает какие-то сдвиги в сторону демократии, то это свидетельствует о том, что он не владеет сколько-нибудь удовлетворительным прогнозом политических событий. Последнее было неизбежно для писателя, не имевшего партийного стажа ни в одной политической партии, а без этого сколько-нибудь удовлетворительное предсказание дальнейшего хода развития политических событий в России в начале XX века было невозможным. У него не было политического опыта.

Писатель делил Россию на два лагеря: буржуазия (богачи) и народ (рабочие и крестьяне), к ним относил и интеллигенцию, которая работала для удовлетворения их интересов, правда, она работала, обучала и буржуазию. Но интеллигенция, по мысли писателя, была все же ближе к народу и поэтому заслуживала того позитивного к ней отношения, которое лучше всего было выражено в «Исторических письмах» Миртова. Деление по партиям народа, буржуазии и помещиков Д.Н. Мамин-Сибиряк не производил, считая, что они не нужны писателю. Поэтому он в течение всей своей жизни оставался на общедемократических позициях, не связывая свою жизнь ни с какой политической партией. Его политическое кредо – выражение интересов народа и осуждение взглядов и политики правящих классов царской России без их более дробной дифференциации. Поэтому взгляды писателя на политическую историю России страдали избыточной обобщенностью, отсутствием конкретности и художественным схематизмом. Подтверждением этому может служить оценка им политической роли К.П. Победоносцева. Он преувеличивает роль этого столпа политической реакции в России. Он считал, что Победоносцев «затормозил русскую историю на целую четверть века». Я его считаю, – писал он, – богом проклятым человеком, который был послан России за наши грехи. Эти образные метафорические выражения Дмитрий Наркисович подкрепляет своей субъективной оценкой той роли, которую К.П. Победоносцев играл в

развитии русской литературы. «У всей литературы этот милый человек, – иронизировал он, – висел камнем на шее и принес неисчерпаемое зло»⁴⁷. «У всей» – следовательно, и у литературы правого направления, – с чем едва ли можно согласиться. Писатель в данном случае высказывает выраженное в художественной форме отношение левых демократических кругов российской интеллигенции к одному из идеологов правой общественно-политической мысли страны, не считаясь с тем, что оно страдает преувеличениями и, таким образом, не соответствует действительности. В данном случае писатель в своей оценке был не одинок. Сходную оценку в образной поэтической форме высказывал известный русский поэт А.А. Блок. В данном случае такая позиция и такая оценка роли К.П. Победоносцева в общественно-политической жизни России являлась отражением распространенного мнения, что он шел против обновления страны в той форме и тех темпах, в каких они представлялись необходимыми левой демократии в России.

Хорошо знавший Д.Н. Мамина-Сибиряка, С.Я. Елпатьевский писал о том, что по своему мировоззренческому направлению, по литературной близости писатель больше всего примыкал к «Отечественным запискам» и «Русскому богатству». С.Я. Елпатьевский при этом оговаривается, что мировоззренческое направление Мамина-Сибиряка «нужно принимать с большими оговорками». С «Русским богатством» его объединяла общая народническая линия, глубоко залегшая в душе Мамина-Сибиряка, но залегшая не как сформулированная политическая и социальная программа, а как неискоренимая тяга к народу, глубокое проникновение в дух и характер народа⁴⁸. С.Я. Елпатьевский, будучи сам народником, одним из руководителей журнала либеральных народников «Русское богатство», в общем, правильно видел демократическое ядро мировоззрения Мамина-Сибиряка, его последовательную любовь к народу, его осуждение уральских богачей, хозяев жизни и чиновников царской России разного уровня, выполняющих их волю, грабеж ими народных масс. С.Я. Елпатьевский абсолютизирует личные отношения писателя с теми народниками и близкими к ним людьми, с которыми писатель был действительно дружен, был связан по издательским делам (Н.К. Михайловский, А.А. Давыдова). На самом же деле даже с членами редколлегии журнала «Русское богатство» он был дружен не со всеми, с некоторыми он не хотел бы иметь дела, но необходимость публикации своих произведений, проникну-

тых народническим, демократическим духом, заставляла его, опираясь на опыт В.Г. Короленко, которого он очень ценил и уважал, придерживаться нормальных дружеских отношений с его редакцией и печатать в журнале многие свои произведения.

С.Я. Елпатьевский правильно подчеркивает широкий характер демократизма общественно-политических и исторических взглядов Мамина-Сибиряка. В нем не было отгороженно-го, резко ограниченного плехановского «отсюда и до сюда», которое мешало бы ему вести знакомства и быть более или менее близким с широкими, разнообразными кругами творческой российской интеллигенции. Главный круг его знакомств были литераторы всех направлений, «верхи» и «низы» русской литературы всех направлений, «кроме подлых».

Этой любви к народу в широком его понимании (рабочих горнозаводского Урала, крестьян Зауралья, интеллигентов Перми и Екатеринбурга и других уральских городов, которые он знал, а также российских столиц) он оставался верен всю свою жизнь. С другой стороны, для него было характерно негативное отношение к «верхам» российского общества, к тем толстосумам и дикарям, богатства которых он такими яркими и беспощадными красками изобразил в своих романах и, прежде всего, в «Приваловских миллионах», «Горное гнездо», «Три конца», «Золото», в десятках «Уральских рассказов».

Значительное внимание С.Я. Елпатьевский уделил анализу Маминым-Сибиряком особенностей жизни и быта уральского горнозаводского населения. Это, по его мнению, объяснялось тем, что он его (население) очень хорошо знал. Знал его привычки, его образ жизни, его занятия, у него были обширные связи и знакомства с рабочими уральских заводов. Уральские люди «особенные», – подчеркивал мемуарист, – и эта особенность их объяснялась, во-первых, тем отбором, который они проходили перед тем, как решиться бежать на Урал. Это были искатели лучшей жизни, землепроходцы, отчаянные люди, для которых не было характерно чувство «русской покорности, смирения и незлобливости, мягкости и гибкости – это были люди суровые, с большим чувством собственного достоинства и более смелые, нередко бесстрашные люди»⁴⁹.

В повседневном общении у них также сохранился ряд особенностей: старинные русские песни, особая интонация голоса и редкостные слова, давно забытые в центральной России. Там говор на «О», отмечал мемуарист, там меньшее количество слов, короткие фразы, старинные крепкие остроты, сильные

жесты, суровая нежность. Там сильные люди. С.Я. Елпатьевский писал о том, что он не встречал в России таких «могучих тел, как на уральских заводах». Он удивлялся необыкновенным фигурам забойщиков на золотых приисках Енисейской тайги, тех, которые шли впереди траншей и отбивали кайлом горную породу. Его удивлению был положен конец сопровождавшим Сергея Яковлевича золотопромышленником, сказавшим: «Да ведь это екатеринбургские». Мамин-Сибиряк был уральский человек, и он знал Урал, как может быть мало кто знал. И это знание вылилось в его творчество.

Жизнь писателя в конце XX века продолжалась в замедленных формах обыденного и творческого самовыражения. Он значительно меньше, чем в прошлом, писал, проявлял меньшую общественную активность. Однако последнее не означает его полной творческой пассивности. Дмитрий Наркисович пытался кое-что делать в суженных рамках, предлагаемых ему ухудшающимся состоянием здоровья.

25 января 1897 г. состоялось открытие Союза русских писателей. Д.Н. Мамин-Сибиряк был избран членом первого комитета Союза. В мае 1898 года мать и сестра писателя переезжают на жительство в Чердынь. Писатель проявляет интерес к этому краю, поражающему «своей бедностью». Переписка с матерью будет одним из важных источников, подпитывающих творчество писателя, особенно в последние годы его жизни. 6 февраля 1900 года писатель вступает в брак с О.Ф. Гувале. Стремясь как-то расшевелить начинающего проявлять пассивность писателя, О.Ф. Гувале повезла его в 1900 году в Крым. Здесь состоялись его встречи с известными русскими писателями А.М. Горьким, А.П. Чеховым, И.А. Буниным и др. Всего писатель был в Крыму четыре раза – в 1897, 1900, 1902 и 1905 годах.

В июле 1902 г. Мамин-Сибиряк вместе Н.К. Михайловским совершает поездку на Кавказ, по дороге он посещает Ялту. В сентябре этого года Дмитрий Наркисович переезжает из Петербурга в Царское село на постоянное место жительства. Писатель прожил в Царском селе около двенадцати лет. Здесь его посещали литературные друзья. В 1908 году он переехал в Петербург, где писал все меньше и меньше. Он чувствовал и сознавал, что сделал в литературе много, сделал все, что мог. Новых произведений он писал все меньше и меньше, а в основном занимался переизданием того, что было напечатано ранее. За переиздание ранее опубликованного ему хорошо платили. За год это выражалось в большой сумме

5000-6000 рублей. На эти деньги было можно жить. Однако писатель мечтал о том, что примет участие в литературной работе, но силы уходили. А за этим медленно и незаметно подкрадывалась болезнь. 4 августа 1911 года Мамин-Сибиряк был в своем любимом Павловске «на музыке». Здесь с ним случился удар, после которого он уже не смог поправиться. Паралич правой руки и ноги привели к тому, что писатель до конца жизни находился в постели. Здесь ему пришлось встретить 40-летний юбилей своей литературной деятельности. А.М. Горький пишет ему из Капри: «В день сорокалетия великого труда Вашего люди, которым Ваши книги помогли понять и полюбить русский народ, русский язык, – почтительно и благодарно кланяются Вам, писателю воистину русскому. Когда писатель чувствует свою кровную связь с народом, – отмечал М. Горький, – это дает красоту и силу ему. Вы всю жизнь чувствовали творческую связь эту и прекрасно показали Вашими книгами, открыв нам целую область русской жизни, до Вас незнакомую нам. Земле родной есть за что благодарить Вас, друг и учитель наш». Письмо А.М. Горького было подписано многими эмигрантами, жившими на Капри и в Италии⁵⁰, т.е. представителями левого революционного лагеря, и выражало оценку творчества писателя именно с этих позиций.

О том, как происходило чествование Мамина-Сибиряка 26 октября 1912 года, мы узнаем из дневника Ф.Ф. Фидлера. Ровно в 4 часа мы, члены юбилейного Комитета, в лице проф. С.А. Венгерова, А.А. Измайлова, Е.П. Карпова, акад. Д.Н. Овсяннико-Куликовского, И.Н. Потапенко и Ф.Ф. Фидлера, собрались на парадной лестнице дома № 3 по Верейской, около швейцарской, и поднялись в квартиру № 16. Жена и дочь писателя встретили нас и сообщили, что слабость Мамина дошла до того, что он за всю последнюю ночь ни разу не мог даже окликнуть кого-нибудь. При нем, конечно, дежурили. Потом Ольга Францевна подошла к нему, дала ему каких-то подкрепляющих капель и впустила членов юбилейного комитета. «Юбиляр» сидел на кровати, довольно высоко прислоненный к подушкам, с опущенной головой и неподвижно устремленным в одеяло взглядом. Я сел на стул в его ногах и прочел наш адрес, страшно волнуясь и спеша. «Вот-вот он умрет! – думалось мне», – записал в своем дневнике Ф.Ф. Фидлер.

Во все время чтения фигура Мамина представляла из себя изваяние. Когда я кончил, он не только не сказал ни слова, но даже не моргнул. Немые и неподвижные, стояли члены комитета в слабоосвещенной комнате. Во время панихиды среди

присутствующих царит больше оживления!..

С.А. Венгеров прочел привет от московского Общества любителей русской словесности. Гробовое молчание. Потом я перечислил только фамилии самых выдающихся и известных представителей литературы под их телеграммами и письмами и поставил обрамленную фотографическую группу членов юбилейного комитета на оттоманку у стены против постели. Кое-кто из нашей делегации подошел к постели и назвал себя, пожимая неподвижную руку чествуемого, – он не поднял глаз, не шевельнул пальцем и не произнес ни звука.

В глубоком потрясении, один за другим, мы отступили и последовали за кивнувшей нам на столовую Ольгой Францевной. Все бесшумно сели за стол, но никто не ел и не пил. Вошла на цыпочках Аленушка и сообщила, что папа заснул. Шепот гостей стал едва слышным... Ольга Францевна рассказывала, что Мамин сегодня днем удивленно спросил о причине необычной суматохи в квартире; когда ему напомнили, что сегодня ведь его юбилей, он воскликнул: «Такой радостный день, а я должен умирать!» – и заплакал... Она пошла к больному, вернулась минут через пять и сообщила, что он только что прошептал: «Я ничего не ответил!.. Но я отвечу в другой раз... в столовой... со стаканом вина!..» В пять часов вечера члены юбилейного комитета ушли⁵¹.

А в 1 час ночи 2 ноября Д.Н. Мамин-Сибиряк скончался. 4 ноября 1912 года состоялись похороны Мамина-Сибиряка на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Однако оно не было окончательным местом его упокоения. В 1956 году останки писателя, его жены М.М. Гейнрих-Абрамовой и его дочери Аленушки были перенесены на Волково кладбище и перезахоронены там.

Вспоминая по свежим следам его похороны, С.Я. Елпатьевский писал: «Сколько он написал и как он писал, мало кому теперь известно... Во время похоронной процессии мимо него шли люди, а он оставался на Вереysкой улице, забытый и покинутый... И я не знаю другого – как бы сказать, – более ироничного или трагического юбилея, как справленного над Маминым, над умиравшим и лишь изредка приходившим в сознание писателем. Люди вспоминали о забытом и покинутом писателе, когда лежал он распростертый на смертном одре, когда звуки жизни уже не доносились до него, прочитали над ним адрес, как отходную молитву. Такой юбилей закончил писательскую жизнь Мамина-Сибиряка, завершивши и подчеркнувши его литературную судьбу»⁵².

Для того чтобы подчеркнуть необычность жизненного и творческого пути писателя, С.Я. Елпатьевский сконцентрировал внимание на его внешнем облике. «Он лежал в гробу, — писал он, — и ничего не осталось от живого Мамина, которого я так близко знал, которого я только два года не видел. Мне много приходилось провожать в могилу близких людей. Изменяла их болезнь, изменяла смерть, но я в первый раз видел, как в мертвом ничего не осталось от живого, так по-другому и даже по-противоположному перестроилось мертвое лицо.

Это было так поразительно, что потом мне невольно приходило в голову, что если бы судебная власть заставила меня показать под присягой, кто лежит в гробу, я бы с глубоким убеждением присягнул, что это не Мамин. Не в том дело, что он был худой и бледный, и что лицо из круглого стало продолговатым, а в том, что не осталось ничего, совсем ничего от Мамина, которого я знал двадцать два года, от его смелого облика, его насмешливого выражения лица. Закрыты были большие его глаза, и грустно, и жалобно, и как-то покорно сложились губы под незнакомыми мне редкими усами. Не было бороды у него, и старые буйные волосы легли мягкими тонкими волосиками над его высоким лбом. И, что было самое поразительное, лицо его приняло древний иконописный облик долго постившегося и много молившегося человека, русского человека из давнего прошлого, старого письма. И так подходили к этому лицу и монахиня, что читала в углу протяжным голосом старые протяжные молитвы, и альт, удивительно надрывным и болезненным голосом певший «вечная память», и ладан, и кадило, и свечи... Строгое скорбное лицо словно наблюдало с подушки, так ли все, по-старому, истово, как должно...»⁵³

У гроба Мамина-Сибиряка было сиротливо и бедно людьми, а молодежи совсем не было. Телеграммы к юбилею запоздали. Однако С.Я. Елпатьевский высказывает твердое убеждение, что если умер Мамин-Сибиряк, то не умерли его художественные произведения, что они не умрут, что к творчеству люди еще вернуться⁵⁴.

И действительно, в советский период произведения писателя издавались миллионными тиражами. Однако при этом его творчество сближалось с левым крылом революционного движения, с которым он не имел никаких организационных связей. Теперь наступило время для реконструкции мировоззрения и настоящих общественно-политических взглядов писателя.

Биография писателя имеет для нас существенное значение, потому что она дает зарисовки той общественной среды, в

которую был погружен, которую он талантливо отражал в меру возможностей своего таланта, определяемого масштабами личности замечательного писателя-демократа. Особенности общественной среды наблюдаемой, питающей творчество писателя и окружающей им, в свою очередь определялись своеобразием Уральского региона. Именно они составили ту социологическую художественную нишу, которая нашла в лице Д.Н. Мамина-Сибиряка своего несравненного выразителя. Спираясь на жизненный опыт писателя, попытаемся рассмотреть и проанализировать особенности его мировоззрения, питавшие его творчество, отметив, что значимость биографии писателя в современной общественной литературе трактуется несколько по-иному, чем прежде.

В современной западной философской литературе, а затем и в нашей отечественной, модным стало использовать понятие «нарратива». Narrate означает вербальное изложение, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способа бытия повествовательного, обобщающего текста. Основная цель анализа – выработать общую для биографии и поведения человека в определенной ситуации формулу, в которой выражена доминирующая сторона жизненного опыта и отношения к происходящему, а также построение теоретической модели биографических процессов, характерных для соответствующих индивидов и социальных групп.

С этой точки зрения, нарративный анализ биографии Д.Н. Мамина-Сибиряка преследует цель выработать общую для биографии и поведения писателя определенную формулу, в которой выражена доминирующая сторона жизненного опыта и отношения к происходящему в общественной жизни России. Такой мировоззренческой доминантой, характерной для всего творческого пути Д.Н. Мамина-Сибиряка, является его демократизм – выражение и отстаивание интересов широких народных масс Урала, поскольку именно этим регионом он преимущественно занимался, хорошо его знал и описывал.

Биография писателя дает нам собственно нарративное (повествующее о событиях его жизненного пути) описание его жизненной траектории. Она открывает нам возможности для перехода к ненарративным (содержащим аргументацию, оценки и т.п.) элементам различных сторон его мировоззрения, что и будет представлять содержание последующих глав монографии.

Чисто нарративная, биографическая сторона жизни Д.Н. Мамина-Сибиряка дает нам ситуационно независимую

константу самоидентификации рассказчика. Она представляет собой вмонтированный в социальную реальность России второй половины XIX века вектор индивидуальной формы жизненного пути писателя. В этом плане она дает нам исходное социальное поле для социально-философского анализа различных структурных срезов его мировоззрения.

Наибольшее значение в нарративном анализе имеет стратегия минимального и максимального контраста. Данные понятия применительно к жизненному и творческому пути Д.Н. Мамина-Сибиряка мы используем своеобразно. Под стратегией минимального контраста мы понимаем совпадение элементарных структур жизненного пути писателя с общероссийской направленностью их в это время. Это наименее социально значимые точки биографии Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Стратегия максимального контраста, как нам представляется, нацелена на поиск тех инновационных пиков в творчестве писателя, которые представляют наибольшее отклонение, своеобразные прорывы в его творческом самовыражении. С этой точки зрения наибольший интерес для нас представляют 80-90-е годы XIX века, в течение которых с наибольшей рельефностью проявилось творческое своеобразие Д.Н. Мамина-Сибиряка, новаторское отражение им ряда сторон социальной действительности Урала этого периода.

Метод максимального контраста позволяет выделять и рельефно изображать те стороны социально меняющегося бытия Урала, которые писатель наблюдал в течение последней трети XIX века.

Реализация этой стратегии в социально-философском аспекте приводит к образованию или расширению той системы категорий, которая служит для описания базовых характеристик биографических процессов и их структурных образований. Наибольшее значение из них для нас имеет категория «биографического потенциала», которую мы в форме нарративного описания пытались обрисовать в данной главе. Данное описание, о нашем мнению, является необходимым фундаментальным основанием для того разностороннего комплекса философско-мировоззренческих категорий, в системе которых мы попытались оценить творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Глава II. Природа и человек в творческой лаборатории писателя

Мир людей и мир уральской природы – вот что занимало Мамина-Сибиряка и было объектом его художественного творчества. Природа первична. Она существовала до человека. Она будет существовать и после него, если он своим неразумием уничтожит себя. Человечество только брало из природы ее богатства, беспечно считая, что они бесконечны и вечны, и не заботясь о том, чтобы помочь природе их возобновлять. В лучшем случае эта взаимосвязь была поэтичной: человек наслаждался красотой природы, призывал к уважению и любви к ней. Именно таким подходом к уральской природе пропитаны многочисленные произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка. Каким восхищением и чувством благоговейной любви пропитаны многочисленные страницы произведений писателя, посвященные описанию уральской природы.

Среди массы различных подходов и определений природы одно из наиболее устоявшихся – понимание природы в широком смысле слова, как всего окружающего нас мира во всем бесконечном многообразии его проявлений.

В узком смысле слова под природой понимается весь материальный мир, за исключением общества, как совокупность естественных условий его существования. Для Д.Н. Мамина-Сибиряка характерно понимание природы в первом, более широком смысле. Природа в его творчестве – это естественная основа жизнедеятельности человека и общества в целом. Вне природы человек не существует. В творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка природа выполняет две функции – *идеализирующую* и *компенсаторную*. Первая связана с подъемом человеческого духа при созерцании человеком красот уральской природы. Вторая – заключается в снятии напряжений после тяжелого заводского и сельскохозяйственного труда.

Природа в произведениях Мамина-Сибиряка способна смягчать душевые судороги человека, вызванные разными неприятностями жизни, имеющими личностный и общественный характер.

В автобиографическом очерке «Зеленые горы» писатель такими проникновенными лирическими строками описывает благотворное влияние уральских гор на его настроение и мировосприятие. «Милые зеленые горы!.. Когда мне делается грустно, я уношусь мыслью в родные зеленые горы, мне начинает казаться, что и небо там выше и яснее, и люди такие доб-

рые, и сам я делаюсь лучше. Да, я опять хожу по этим горам, – с удовольствием вспоминал писатель свои многочисленные посещения Урала, поднимаюсь на каменные кручи, спускаюсь в глубокие лога, подолгу сижу возле горных ключиков, дышу чудным горным воздухом, напоенным ароматом горных трав и цветов, и без конца слушаю, что шепчет столетний лес... Мне кажется, что со мной вместе по зеленым горам ходит тень дорогого когда-то человека, память о котором неразрывно связана вот с этими зелеными горами, где он являлся единственным хозяином. Без этого странного человека в горах чего-то недостает, и я иногда на охоте невольно вздрагивал и пугался, когда слышал его голос и осторожные, крадущиеся шаги»¹. Конечно, в таком значительном философском вопросе у Мамин-Сибиряка были предшественники. Иначе и быть не могло – слишком основополагающей и значимой была для человечества данная проблема. Здесь перед нами возникает вопрос о том, как он использовал результаты труда своих предшественников, в какой форме, соглашался ли он с ними или нет. Эта проблема встает перед нами, если мы хотим показать оригинальность художественного по форме и философского по содержанию литературного мастерства писателя.

Обычно писатель не идет на подражательность в чистом виде. Он всегда ищет, он хочет проявить свою оригинальность, свою непохожесть на других. Он хочет пролагать свои, новые пути в литературе, освещающие данную проблему. Д.Н. Мамин-Сибиряк, по его собственному признанию, содержащемуся в его автобиографическом романе «Черты из жизни Пепко», прямо писал о том, что свои «описания природы я начал с подражания тем образцам, которые помещены в хрестоматиях как образцовые», и поясняет это конкретными примерами. «Сначала я писал, – продолжает он напыщенно, – риторическим стилем а la Гоголь, потом старательно усвоил себе манеру красивых описаний а la Тургенева и только под конец понял, что и гоголевская природа и тургеневская – обе не русские, и под ними может смело подписаться всякая другая природа за очень немногими исключениями»².

Писателю представляется, «Что настоящая равнинная Русь чувствуется только у Л. Толстого, а горная – у Лермонтова, – эти два автора, – подчеркивает Мамин-Сибиряк, – навсегда остались для меня недостижимыми образцами»³. Писатель выражает здесь описание природы, понимание ее в общечеловеческой форме и в национально-особенной. Первая является общечеловеческой и разрабатывается, если иметь в виду ху-

дожественную литературу, художественными литературами всех народов мира. Вторая – берет такие особенности в изображении природы в литературе, которые характерны только для определенных народов, в данном случае русского. Эти две формы изображения природы в художественной литературе с философской точки зрения можно представить как восхождение от абстрактного к конкретному, последнее, конечно, является более богатым по своему содержанию.

Однако уровень глубины постижения и отражения данных проблем в художественной литературе может быть различным. Тургеневские описания природы отличаются глубиной, точностью, богатством и разнообразием средств в описании различных природных явлений. Здесь содержание так довлеет над формой, так интересует писателя, что он не обращает специального внимания на те условия, которые обуславливают национальные особенности восприятия феномена природы.

Гоголь и особенно Тургенев ставили своей задачей показать на высшем уровне эти общечеловеческие краски природы. В результате получалась максимальная нагрузка на органы восприятия читателя. Часть читателей не может и не желает следовать за ним. Читатель чувствует односторонность в изображении природы, некоторую абстрактность, отсутствие связи с тем, что он видит в местных природных явлениях, и утомленный, разочарованный, он часто закрывает книгу, не дочитывая ее до конца. Д.Н. Мамин-Сибиряк пришел к выводу, что общие описания природы, концентрация в них внимания на общем все-таки беднее, чем целевая установка писателя на местные особенности описания природных явлений. Она позволяет высветить и раскрыть больше совершенств и особенностей природных явлений и, таким образом, показать глубину и сложность именно русской природы, которая больше всего интересует русского человека.

Связь с местными особенностями природы создавала у читателя интерес к ним, к тому, что он лучше знал, часто наблюдал, и это вызывало у него интерес. Большое разнообразие в описании местных природных явлений создавало у читателя, во-первых, интерес к ним, во-вторых, открывало для Мамин-Сибиряка новую, свою собственную нишу в описании явлений уральской природы.

«Над выработкой пейзажа, – писал он в романе «Черты из жизни Пепко», – я бился больше двух лет, причем мне много помогли русские художники-пейзажисты нового реального направления. Я не пропускал ни одной выставки, подробно озна-

комился с галереями Эрмитажа и только здесь понял, как далеко ушли русские пейзажисты по сравнению с литературными описаниями»⁴. Они «схватили» ту затаенную скромную красоту, которая навевает специально-русскую хорошую тоску на севере; они поняли чарующую прелесть русского юга, того юга, который в конце концов подавляет роскошью своих красок и богатством светотени. На этом основании «и там и тут» развивалась специально наша русская поэзия, оригинальная, мощная, безграничная и без конца родная.

Писатель выделяет и специально подчеркивает некоторые особенности красоты природы России, которые произвели на него очень большое впечатление. К таким особенностям русской природы он относит, прежде всего, понятие красоты. «Красота вообще – вещь слишком условная, а красота типичная – величина определенная». Под типичной красотой писатель понимает северные сумерки и рассветы с их шелковым небом, молочной мглой и трепетным полуосвещением, северные белые ночи, кровавые зори, когда в июне утро с вечером сходятся, все это было наше родное, – специально подчеркивает он, – от чего поет и горит огнем русская душа. Последнее относится и к русской южной природе, которую писатель меньше знал в смысле ее тонких особенностей воздействия на русскую душу, и потому описывал значительно суше и более кратко. «Бархатные синие южные ночи с золотыми звездами, безбрежная даль южной степи, захватывающий простор синего южного моря – тоже наше и тоже с оттенками какого-то глубоко неудовлетворенного чувства».

Краски природы русского севера Мамин-Сибиряк лучше знал и больше любил, и это нашло свое выражение в тонкостях изобразительных средств, которые он применял для характеристики красот северной природы. «Бледная северная зелень, – скороспелка, бледные северные цветики, контрастирующая траурная окраска вечно-зеленого хвойного леса с его молитвенно-строгими готическими линиями, унылая средне-русская равнина с ее врачующим простором, разливы могучих рек, – все это только служило дополнением могучей южной красоты, горевшей тысячью ярких живых красок-цветов, смуглой, кожистой, точно вечно лакированной южной зеленью, округлившись купами южных деревьев». Южная природа представляется Мамину-Сибиряку более богатой, пышной, нарядной, однако все его симпатии на стороне этой «бедной, северной, долинной природы». Она нравится ему как «нелюбимое дитя в семье родной». Свои описания природы писатель основывает на тех

личных наблюдениях, которые он получил в юности, «бродя по лесу и степи» с ружьем. «С каким удовольствием, – отмечал писатель, – я проверял свои описания природы по лучшим картинам, исправлял и постепенно доходил до понимания этого захватывающего чувства природы. Мне много помогло еще и то, что я с детства бродил с ружьем по степи и в лесу и не один десяток ночей провел под открытым небом на охотничьих привалах. Под рукой был необходимый живой материал, и я разрабатывал его с упоением влюбленного, радуясь каждому удачному штриху, каждому удачному эпитету или сравнению»⁵.

Особенности развития мысли Мамина-Сибиряка, как и любого другого писателя, заключаются в том, что он мыслил образами, поэтому понятийный каркас его строя мыслей скрыт от непосредственного восприятия читателей, и его нужно специально извлекать из его текстов и восстанавливать его системность, насколько это возможно, путем реконструкции.

Последняя должна коснуться, прежде всего, ключевого в данном отношении понятия «национальные особенности русской природы». Они, конечно, относятся к национальным восприятиям природы, так как за пределами этого понятия «русской природы» как таковой не существует. Вся природа, в том числе и природа России, зависит от природных условий.

Говоря о национальном восприятии русской природы, Мамин-Сибиряк выделяет среди них «песню», в которой выражается душа народа и общий душевный тон. Под ним мы понимаем конкретное восприятие природы русским народом, т.е. те чувства, которые она у него вызывает. Причем, они, в свою очередь, подразделяются на те природные условия, которые существуют в данной местности. Мы имеем в виду прежде всего почвенно-климатические условия, обуславливающие особенности русского менталитета, а именно особенности тех чувств, которые оно вызывает. Сюда относятся особенности тех чувств, которые вызывает природа у русского человека, а именно, «радость», «печаль», «стремление к совершенству», «нравственное превосходство человека над природой», принципы отношения природы к «своим детям» и «отношение человека к другой жизни». Радость – это чувство удовлетворения человека от того, что он совершил. В данном случае человек радуется тем явлениям природы, которые он наблюдает в данный момент. Однако при этом у него возникает и чувство печали. Оно вытекает из невозможности всегда или хотя бы в течение длительного времени наблюдать прекрасные, по его представлению, картины природы. Тоска возникает у человека из-за

невозможности вечно наблюдать их.

Наблюдая прекрасные картины природы, у него возникает «стремление к совершенству», т.е. к тому, чтобы самому создавать прекрасное, совершенное, самому быть лучше в своих поступках и действиях, в своем поведении.

Человек – высший, самый совершенный продукт (результат) развития природы. Поэтому он отличается по своим принципам по отношению ко всему живому и не живому. Это отличие заключается в том, что природа дает своим «детям» равные возможности развития и совершенствования. Она одинаково относится ко всем, не выделяя из своих «детей» ни любимцев, ни пасынков. Они никого специально не лечит и не губит. В результате возникают те растения и животные, которые обладают наибольшим жизненным потенциалом, т.е. являются наиболее сильными и приспособленными к соответствующим природным условиям. В этом заложены универсальные природные принципы перспектив развития соответствующих видов растений и животных.

Человек как высший продукт развития природы приобретает более высокое нравственное качество, а именно – помощь своим детям, своим слабым собратьям, которые в силу каких-либо конкретных условий бытия являются неприспособленными к жизни или обладают этим качеством в каких-то отношениях в меньшей мере, чем он, – «эталонный» в данных условиях жизни человек. Этот нравственный принцип в культуре нового времени получил название принципа человечности (гуманизма). Он формирует новое, более высокое, чем природа, отношение к жизни, которое величайший гуманист XX века Альберт Швейцер назвал принципом благоговения (уважения) другой жизни.

Он включает в свое содержание универсальный принцип природы в снятом подчиненном виде и над ним надстраивает принцип благоговения перед жизнью. Возникает вопрос: а как быть с такими явлениями человеческой жизни как фашизм, геноцид и другие, которые по сути своего проявления противоречат принципу уважения ко всякой другой жизни? Они должны быть преобразованы человеком, опираясь на безграничные, в этом смысле, возможности разума.

Из особенностей русской природы Мамин-Сибиряк особо выделял, любил и преимущественно описывал в своих художественных произведениях природу того края, которую он хорошо знал и больше всего любил – природу Урала. В данном случае его чувство к ней было основано не на каком-то собственном

капризе, а на ее величайшем разнообразии, означающем ее неисчерпаемое богатство. Основу этого богатства составляет ее естественное разнообразие.

По свидетельству одного из руководителей журнала «Русское богатство», человека и писателя, хорошо знавшего Мамина-Сибиряка, он изобразил в своем художественном творчестве Урал, весь Урал, и вернул его своей родной земле прошедшим через великое художественное восприятие, претворенным ярким художественным творчеством. Он изобразил в своих художественных произведениях все то, что «внес в его душу Урал, его суровость и поэзию, буйную радость уральской весны и угрюмую печаль окутанных мглою узких долин и темных лесов и душу уральских людей, хищных и кротких, отчаянных и молитвенных»⁶. Особенности природы Урала и ее влияние на формирование особого типа людей, приспособленных жить в этих суровых условиях, схвачены здесь С.Я. Елпатьевским очень точно.

Для нас важно то, что в художественных произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка пейзаж, описание природы играют не только существенную роль, но и то, что эта роль понимается им во многом по-новому, не так, как скажем, в произведениях И.С. Тургенева или Л.Н. Толстого.

В произведениях Мамина-Сибиряка действия героев и действующих лиц происходят на фоне величественной уральской природы, которая, с одной стороны, дает ему материал, позволяющий улучшить условия жизни, а с другой, – противостоит ему и мешает создавать эти условия (Чусовая, разбивающая барки с медью, чугуном и другой продукцией уральских заводов).

Изображение природы у И.С. Тургенева связано с чувствами, эмоциями человека. Тургеневские герои очень тонко реагируют на богатые краски природы; они вызывают у них тончайшие душевные переживания, которые оттеняют по-разному те жизненные ситуации, в которые они попали. Эти описания природы в произведениях И.С. Тургенева иногда совпадают с чувствами и размышлениями его действующих лиц, а иногда контрастируют с ними, призывая героев на борьбу с ними, иногда же представляют своеобразный реквием, необычайно красивую и тонкую отходную, прощание с жизнью, например, его «Senilia» (старческие размышления, старческие заметки). Эти стихотворения в прозе представляют потрясающие по своей художественной тонкости и совершенству изображения природы, контрастирующей как вечная проблема вечного бытия при-

роды и кратковременностью человеческой жизни. Утонченная культура писателя, его большой ум, громадный арсенал изобразительных, художественных возможностей позволяли ему концентрировать внимание именно на этих сторонах взаимодействия природы и человека, по-разному оттеняя ее и все-таки связывая ее с чувственным миром человека.

У Л.Н. Толстого изображения природы выполняют универсальную, функциональную роль, т.е. они всегда есть, всегда действия (деятельность) чувства, переживания человека происходят на лоне природы, и она так или иначе окрашивает их. Самый общий философский уровень, до которого поднимается Л.Н. Толстой в изображении природы, связан у него с противопоставлением природы и человечества. В романе «Война и мир» писатель противопоставляет вечный мир прекрасной природы и результаты воздействия на нее огромных масс людей, идущих вначале с запада на восток, а потом обратно. Здесь есть также страницы, посвященные неразумности действий огромных масс народа, и описанию прекрасных условий, созданных для них природой, несмотря на ее трагические диссонансы, создаваемые ею иногда для человека. С особой художественной силой негативную оценку человеческой деятельности, калечащей природу, писатель дает в романе «Воскресение», в подтексте романа как бы давая понять, что необходимо не только духовное возрождение его героев, но и всего человечества.

Д.Н. Мамин-Сибиряк не поднимается до дихотомии двух предельно общих понятий: «природа» и «человечество». В его романах изображение природы и человека конкретно, т.е. определенные действующие лица или коллективы людей производят тот или иной род деятельности на фоне природы. Вот этот деятельностный аспект и подчеркивает И. Дергачев в монографии «Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество»⁷. Это проявляется в самом способе передачи пейзажной живописи. Обычно мир человека, – отмечает И. Дергачев, – характеризуется сравнениями из мира природы. У Мамин-Сибиряка, наоборот, «своеобразие природы часто передается при помощи сравнений из сферы человеческой деятельности».

Это своеобразие, будучи субъективным по-своему происхождению и характеру, создает дополнительную возможность расширения изобразительных средств в показе явлений природы. В сущности – это обратная сторона изобразительных средств природного ареала, идущая от человека.

Писатель редко использует пейзаж для раскрытия, любо-

вания явлениями природы. Он конкретно изображает их, и эта глубинная связь явлений природы, ее красок и необычных сочетаний характеризуется в произведениях Мамина-Сибиряка глубиной и содержательностью, она связана с конкретной человеческой деятельностью. Пейзаж часто рисуется с постоянной, находящейся в неизменных условиях, точки отсчета. Ею может быть и крыльцо приисковой конторы, и место привала для охотничьей артели, а иногда в произведениях Мамина-Сибиряка точка отсчета, то есть наблюдения за явлениями природы, находится в изменяющихся условиях. В рассказе «Бойцы» – это движущаяся барка, которая «в камнях» на Чусовой позволяет адекватно показать направленность свирепого потока на камни прибрежных скал, и одновременно фиксировать рациональные, осмысленные действия людей по предотвращению, казалось бы, неизбежной катастрофы.

Другой точкой отсчета, специально заданной, находящейся за пределами изобразительных возможностей Мамина-Сибиряка, являлось бы изображение поединка речного потока и людей в этом наиболее опасном месте Чусовой, находясь на ее берегу. Особенность этого наблюдения будет заключаться в его внешнем характере. Она не дает возможности показать изнутри, непосредственно с барки, согласованную деятельность людей по сохранению демидовских грузов и полной сохранности их в этом опасном месте реки и доставке их в Пермь.

При изображении природных явлений Мамин-Сибиряк соблюдает и правильно передает ощущение пространственной перспективы. От общего плана, скажем, виднеющегося на горизонте уральского леса, он переходит затем ко все более крупному изображению в деталях, которое позволяет видеть, а следовательно, дает художнику возможность описывать конкретные породы деревьев, особенности зеленого покрова в лесу и т.д.

Экологические проблемы во второй половине XIX века, в течение которого, в основном, протекала художественная деятельность Мамина-Сибиряка, еще не существовали. Однако писатель чутко заметил, что человек своей непродуманной деятельностью наносит природе такие раны, с которыми ей потом приходится бороться путем самовосстановления. Он показывает, как зарастают растительностью те перекопанные, «перебуровленные» места земной поверхности, где золотоискатели искали золото, он описывает, как они обезобразили поверхность земли, и, как природа спустя несколько лет после этих событий, создала новый земной ковер, хотя неровности

почвы, ямы и буераки остались, – она их выправить не смогла. В этой клеточке земной поверхности, которую природа после нанесенных ей человеком ран не сумела закрыть, и будут заключаться экологические проблемы, грозно во весь рост вставшие перед человечеством в конце XX века. И заслугой писателя, и свидетельством его художественной дальнорзости является то, что он отчетливо увидел и чутко уловил зарождение новых экологических проблем, ставших грозным бичом человечества в следующем веке.

Мамин-Сибиряк очень любил мир уральской природы. Он опозитизировал ее. Он был захвачен «полнотой» воздействия природы на человека. Писатель считал, что природа настраивает человека на полезную деятельность по преобразованию условий его жизни и по более эффективному использованию материалов природы для человеческих нужд. В произведениях Мамин-Сибиряка природа изображается во всем блеске и совершенстве своих бесконечных проявлений. Однако писатель не пускается в тонкости абстрактного противопоставления природы и человечества на предельно общем уровне, а изображает ее преимущества, во-первых, локально (это, как правило, природа Урала), во-вторых, она рисуется конкретно, будучи вплетенной в ритмы трудовой деятельности человека или во всяком случае будучи связанной с ними.

Заземляя на конкретном, на деталях описание уральской природы, Мамин-Сибиряк добивался большего богатства содержания в описаниях природы и, следовательно, большей органичности, целостности и художественной завершенности своих произведений. Мамин-Сибиряк бесконечно любил и в своих произведениях изображал преимущественно природу Урала и русского Севера. Природу Крыма и Кавказа, которую он мог наблюдать непосредственно во время своих неоднократных поездок на Юг России, он не любил и неоднократно говорил об этом своим друзьям и знакомым.

По свидетельству С.Я. Елпатьевского: «Он не сделался приверженцем Ялты: слишком много было в нем Урала и слишком глубоко сидел в нем Урал. Дмитрий Наркисович одобрял море и горы, а ту красоту ялтинской растительности, которой мы любовались, не одобрял. И кипарисы, и мудреные привозные ливанские и гималайские кедры, и магнолии, и «слишком много роз», и, кажется, единственное исключение делал для чудесной лиловой глицинии, которая длинными пахучими гроздьями увивала его балкон в «Джалите»⁸. Писатель не раз корил Елпатьевского за то, что он тоже, будучи «северным че-

ловеком», изменил своему северу и перекинулся на сторону юга. Всю свою антипатию к ялтинской пышной растительности он изливал на укусное дерево и грозил С.Я. Елпатьевскому, что он обязательно напишет роман «из ялтинской жизни», все содержание которого будет заключаться в том, что двое возлюбленных, «он» и «она», будут сидеть под тенью укусного дерева. Такого романа он, естественно, не написал. «Ему не доставало, – резюмировал С.Я. Елпатьевский, – уральской елочки, белой березки, – того, что ему милее было и пальм, и каштанов, и великолепных магнолий»⁹. Сергей Яковлевич вспоминал, как однажды, когда он разговорился с Дмитрием Наркисовичем «про наш север», тот полез в карман и вытащил оттуда аккуратно сложенный пакетик и разложил на столе уральские камешки, – «чудесные редкостные уральские камни, золотистые топазы и изумруды, и хризолиты, и таинственный александрит, что горит то красным, то зеленоватым огнем, и рубины, и сапфиры». С его лица сбегало «обычное насмешливое выражение», и он стал мне подавать по камешку и ронял короткие фразы, – где на Урале родился камешек, как при нем его вынули из земли, у кого покупал, кто и почему подарил тот или другой камешек. Он так увлекся этим, что позабыл про укусное дерево, под которым сидел с Елпатьевским. Сколько в этом чувствуется безграничной любви Дмитрия Наркисовича к родному краю, к его богатейшим недрам, к удивительно прекрасной природе. Он воспевал ее, вернее, изумительно тонко, проникновенно и поэтично описывал в своем творчестве всю жизнь. Чувство любви к уральской природе, казалось бы, вопреки рационалистическим выкладкам писателя, его соображениям о том, чтобы изображать ее как часть производственной деятельности человека, окрашивало ее всеми тонкими красками севера и делало органичной частью творчества писателя.

Широкую известность получил опубликованный в 1883 году в «Отечественных записках» рассказ «Бойцы», – очерки весеннего сплава по реке Чусовой. Рассказ представлял выхваченную прямо из жизни пеструю колоритную картину огромного человеческого труда со множеством человеческих фигур, во главе которых стоит во весь рост сплавщик Савоська, этот чудотворец, подчинивший себе толпу таких разных по своим прошлым жизненным судьбам бурлаков. Бойцы – это образное метафорическое название утесов на реке Чусовой, о которые разбивались многочисленные барки с железом, медью, чугуном и другими грузами, которые направлялись на Ни-

жегородскую и Макарьевскую ярмарки. Безмолвные гигантские гранитные чудовища «зорко стерегут» деревянные посудины, идущие мимо них, и ждут, что вот-вот оплошает кормчий, и тогда о «могучую грудь черного бойца» разобьется «утлая барка». Действие рассказа происходит на одной из нижних пристаней реки Чусовой – Каменке, на которой скопилась масса бурлаков, которых нужда загнала сюда издалека, иногда за сотни и даже тысячи верст из самых дальних мест России. Им всем нужны деньги, деньги для уплаты податей, поэтому они пришли сюда, – пишет Мамин-Сибиряк из дальних мест: из Вятки, из Архангельска, из Башкирии и из других отдаленных мест. «Это какой-то совсем серый народ, – писал писатель, – с испытанными лицами, понурым взглядом и неуклюжими тяжелыми движениями. Видно, что пришли издалека, обносились и отоцали в дороге».

Природа и неурядицы общественной жизни представлены здесь как две противоположности, две стороны противоречия... Краски, которыми рисует писатель эти две стороны, представляют собой контраст. Для описаний прелестей природы Мамин-Сибиряк употребляет самые сочные краски. «Дивная природа, величественная, полная гармонии вообще и во дни красавицы-весны в особенности, а с другой – тяжкая борьба за существование массы бурлаков, ужасы опасности для них среди бушующих волн в случае аварии барки, готовых поглотить множество человеческих жизней. С ясного голубого неба льются потоки животворящего света, земля торопливо выгоняет первую зелень, бледные северные цветочки смело пробиваются через тонкий слой тающего снега... в природе творится великая тайна обновления, и, кажется, самый воздух цветет, любовью дышит преисполняющими его силами. Прибавьте к этому освеженную, глянцевиую зелень северного леса, веселый птичий гам и трудовую возню, какими оглашаются и вода, и лес, и поля, и воздух. Это величайшее торжество и апофеоз той великой силы, которая неудержимо льется с голубого неба, каким-то чудом претворяясь в зелень, цветы, аромат, звуки птичьих песен, и все кругом наполняется удесятеренной кипучей деятельностью». Это чудесное возрождение природы, с одной стороны. А с другой – невероятная нищета толпы «чающей», т.е. желающей движения воды, то есть вскрытия реки Чусовой для того, чтобы «погнать» по ней барки и таким образом заработать и получить хотя бы нищенскую оплату за свой самоотверженный труд. «Нашим глазам представилась ужасная картина, – писал Мамин-Сибиряк, – барка быстро погружа-

лась одним концом в воду... Палуба отстала, из-под нее с грохотом и треском сыпался чугун, обезумевшие люди соскакивали с борта прямо в воду... Крики отчаянно тонувших людей перемешались с воем реки... Несколько черных точек ныряло в воде: это были спасавшиеся вплавь бурлаки. Редкий из них не тащил за собой своей котомки в зубах. Расстаться с котомкой для бурлака настолько тяжело, что он часто жертвует из-за нее жизнью. Барка ударилась о боек и начинает тонуть, а десятки бурлаков, вместо того чтобы спастись вплавь, лезут под палубы за своими котомками, где часто их и заливают водой».

С потрясающей человеческую психику правдой рисует свои впечатления от увиденного писатель-очевидец, рассказывая удивительно просто о самых драматических ситуациях своих «серых» героев. Это постоянная манера писателя. Она «волнует мягкие сердца», заставляет леденеть кровь в жилах, доставляет минуты жгучих переживаний. Писатель передачей одних только фактов, без малейшего сгущения красок, вызывает в читателе глубокое сочувствие к «этим несчастным пасынкам судьбы, которые умирают ради благосостояния отъявленных хищников» либо от простуды, либо вечного недоедания или изнурения, либо, наконец, гибнут в водной пучине.

Писателя глубоко трогает судьба несчастных сплавщиков, особенно из представителей национальных меньшинств («инородцев»). «Русская бедность и нищета, — писал он, — казались богатством по сравнению с этой степной голытьбой и жертвами медленного вымирания из самых глухих лесных дебрей. Как ни беден русский бурлак, — отмечал он, — но у него есть еще впереди что-то вроде надежды; осталось создание необходимой борьбы за свое существование, а здесь крайний север и степная Азия производили подавляющее впечатление своей мертвой апатией и полнейшей беспомощностью. Для этих людей не было будущего; они жили сегодняшним днем, чтобы медленно умереть завтра или послезавтра».

И эти жизни пропадали даром, они не шли на пользу чьему-либо «процветанию». По мнению писателя, это была эксплуатация нищих, «обкрадываемых негодьями-приказчиками». Акционерная компания, ради которой совершалось столько беззаконий, сиротели семьи — обанкротилась. Мамин-Сибиряк «во многих своих художественных произведениях следил не за жизнью массы народа, а за жизнью капиталистических хищников, которые погибали «нежданно-негаданно».

В «Бойцах» мы встречаем олицетворение силы, мужества и буйной удали, к которым писатель чувствовал непреодоли-

мое тяготение. Богатырская статья народной души ему по душе во всех ее видах. Эти симпатии к людям-богатырям он вынес из далеких лет своего детства, проведенного на Урале, где он видел жизнь заводских обитателей, кержаков, боровшихся с православными, видел их отвагу, широту размаха, или слышал об этом, и в его памяти запечатлелось виденное и слышанное, любовь ко всякого рода «богатырям», крупным или мелким, «засела» на долгие годы во впечатлительной душе талантливого летописца Урала.

В роли богатыря писатель вывел в «Бойцах» образ Савоськи – забулдыги и пьяницы, мгновенно превращающегося в героя, «удалую башку», проявлявшего «молодеческие силы» при первом столкновении с водной стихией. Смелость и находчивость Савоськи во время прохода барки у Бойцов вызывают удивление и восхищение окружавших его бурлаков, которые рабски подчиняются его могучей воле. Мамин-Сибиряк талантливо и ярко описывает ту метаморфозу внешнего облика Савоськи, которая произошла с ним во время прохода барки у Бойца. Его глаза делаются вдохновенными, в них сверкает пламень отваги, бесшабашной удали, готовность померяться силами со стихийными силами природы, встретить смерть лицом к лицу. Трубные звуки его могучего голоса словно хотят взять верх над ревом Чусовой. Гулко звучит его команда: «Веселенько похаживай, голубой!» и, глядя вдаль, он выкрикивает: «Нос налево ударь... нос–от!.. Шабаш корма...» Он слился с баркой в одно существо, – с удовольствием повествует Мамин-Сибиряк. – Нужно было видеть Савоську в трудных местах, где была горячая работа; голос его рос и крепчал, лицо оживлялось лихорадочной энергией, глаза горели огнем, прежнего Савоськи точно не бывало; на скамейке стоял совсем другой человек, который всей своей фигурой, голосом и движениями производил магическое впечатление на бурлаков. В нем чувствовалась та сила, которая действует на массы».

В «Бойцах» Мамин-Сибиряк касается своей любимой темы взаимного поедания природой и обществом друг друга. Самая деспотическая власть капитала сказывается в «Бойцах». Писатель и здесь говорит о нараставшем капитализме, перед громадной силой которого пасует всякая другая сила.

Несчастных бурлаков считали не лучше вьючного скота, обсчитывали их при помощи всевозможных штрафов, обращались с ними грубо и бесчеловечно. Приказчик Осип Иванович без всяких оснований разносил беспощадно совершенно невинных людей. «Аспиды, разбойники! Мошенники!» – ревел он,

как сумасшедший, не зная, на кого броситься, и по пути сыпал подзатыльниками и затрецинами. При расчете, благодаря системе штрафов, артель не только ничего не получала на руки, но еще и оказывалась должна заправилам кампании. Осип Иванович жалел, что вот только взять-то с них, с голытьбы, с этих бурлаков нечего. «Бойцы» являются как бы прелюдией к целому ряду идейных произведений Мамина-Сибиряка, как будто на первый взгляд хаотичных, где картины природы смешаны с картиной повседневной людской сутолоки, где столько самых разнообразных фигур, – а на самом деле стройных, выдержанных, проникнутых излюбленными мыслями, над которыми давно и долго задумывался писатель, достаточно насмотревшийся еще в ранней молодости на несовершенство жизни, на ее возмутительные явления, надругательство над человеческой личностью, бесправие, страшный произвол. Со всем исстрадавшийся и невольно проникшийся пессимистическим мирозерцанием, с тоскою пришел он к убеждению, что тайна жизни заключается, между прочим, в самоистреблении природы и человека, во взаимном их поедании.

В рассказе «В живых душах» писатель точно и образно высказал то, что так ясно представлялось его духовному взору. «Вот в этой сочной траве, – писал он, – с виду также тихо, как и в воздухе, но сколько в этот момент там и здесь погибает живых существований, может, без крика и стога, в немых конвульсиях. Одна букашка душит другую, червяк точит червяка, делаясь в свою очередь добычей кошки или ястреба. В этом концерте пожирания друг друга творится тайна жизни»⁹. Здесь писатель дает дарвиновский закон борьбы за существование. Конечно, в обществе он не действует и невозможно найти его применение в отношениях природы и общества. Об отношении человека к природе мы уже говорили выше.

В «Бойцах» Мамин-Сибиряк показал высокое художественное мастерство, здесь он одинаково спокойно изображает и удивительную красоту природы, и вопиющую нищету бурлаков, и катастрофу нагруженной товарами и переполненной людьми барки. На Мамина-Сибиряка всегда ошеломляюще действовала масса разнородных впечатлений, и ему стоило немалого труда привести их в порядок, воспользоваться ими для своих целей. «Я долго не мог заснуть, – писал он в «Бойцах», описывая свои ощущения от увиденного. – Мне мерещилось все виденное и слышанное за день, эти толпы бурлаков, пьяный Савоська, мастеровые, «каменки», ужин в караванной конторе, и, наконец, больные бурлаки и этот импровизированный пир «ве-

село́й скотинкой». Целая масса несообразностей мучительно шевелилась в голове, вызывая ряды типичных лиц, сцен и мыслей. Как разобраться в таком хаосе впечатлений, думал писатель, как согласовать отдельные житейские штрихи, для того чтобы в результате получить необходимое целостное представление. Такие задачи ставил перед собой писатель, размышляя над тем материалом, который он лично наблюдал и видел за прошедший день. Художественные достоинства очерков «Бойцы» свидетельствуют о том, что он справился с поставленной задачей. Он сумел собрать увиденный им материал, привести в систему свои мысли, создать цельное и стройное художественное повествование.

Река Чусовая являлась до постройки Горнозаводской железной дороги единственной транспортной артерией, связывающей Урал с центральной Россией, поэтому здесь особенно остро проявлялось взаимодействие природы и общества, первая как бы не хотела отдавать свои богатства и караулила их. Человек же, побеждая природу, все-таки отнимал у нее эти богатства, проявляя при этом стойкость, самоотверженность и героизм. И это взаимодействие талантливо изобразил Д.Н. Мамин-Сибиряк, оставив о себе добрую память у последующих поколений.

Глава III. Проблема взаимоотношений народа и его верхов в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка

Существенное различие между верхами уральского общества, уральскими горнозаводчиками и горнозаводским населением Урала заключалось в особенностях проведения времени. Если мы будем рассматривать уральских горнозаводчиков с этой точки зрения, то, прежде всего, конечно, обратим внимание на их праздность. Они не знали, чем занять свободное время, которого у них было очень много. В романах и рассказах писателя это выражалось в том, что заводчики ведут малоподвижный образ жизни, они не знают, как освободиться от праздности, то есть занять пустоту свободного времени.

Горнозаводчики решают проблему свободного времени путем искусственного его заполнения. Целая свора окружающей заводчиков «придворной камарильи» подает им советы о том, как и чем заняться, как сделать интересным времяпрепровождение: это, прежде всего, балы, пикники, маскарады, различного рода «званные» вечера; участие в различного рода играх, в так называемых деловых клубах, а там игра в бильярд, в карты, в различного рода постановки

Эта городская псевдозанятость дополнялась так называемыми «выездами» на природу: здесь нужно прежде всего отметить охоту, для которой содержались большие своры гончих вместе с обслуживающим их персоналом. Кроме охоты, веселящей тело и дух хозяев уральской промышленности, они принимали участие в играх на лоне природы. Именно такая масовка с участием Лаптева описана в романе Мамина-Сибиряка «Горное гнездо».

Все виды произвольных занятий по интересам были призваны занять место труда, как целесообразности по управлению производством и по контролю за ним, которым они не занимались, поручив его целому штату управляющих, выполняющих данные функции.

Описанная выше жизнь уральских горнозаводчиков была характерна для крепостнической России. После отмены крепостного права она должна была претерпеть радикальные изменения. Однако этого не произошло. В эти отношения вмешалось правительство России. Целой системой нормативных актов оно попыталось сократить или, во всяком случае, пролонгировать, насколько это будет возможно, существующую на Урале в горной промышленности систему общественных отношений. Многочисленной системой льгот, различного рода суб-

сидий, имущественного отделения горнозаводского населения оно пыталось сохранить существующие в горной промышленности Урала имущественные отношения, слегка подновив их.

Если, благодаря поддержке правительства России, горнозаводчики могли, в основном, продолжать прежний образ жизни, то для уральских купцов данная схема жизнедеятельности была неприемлемой и попросту невозможной. Они должны были по характеру своей деятельности активно включиться в систему продажи товаров, которая за счет разницы их стоимости обеспечивала им доходы и жизненный достаток. Своей активностью купцы теснили горнозаводчиков, создавая им серьезную конкуренцию, и последние могли продолжать свое существование только благодаря поддержке правительства России, о чем мы выше уже подробно говорили.

Однако занятые получением прибыли, иногда в очень непростых и трудных условиях, не обладая соответствующим образованием и культурой, купцы, как показывает Мамин-Сибиряк, со своими приобретенными капиталами поступали не всегда цивилизованно. Они широко, с чисто русским размахом проматывали их. Структура времяпрепровождения купцов делилась на две неравноценных составляющих: приобретение капитала и его использование, одной из форм которого было его «прокучивание», о котором мы уже говорили. За исключением этой части непроизводительного использования времени, временной ресурс деятельности купца характеризовался такими количественными и качественными показателями как энергия, предприимчивость, напористость, дальновидность. Для богатых русских купцов, так же как и для их «братьев» за рубежом, было характерно умение просчитывать ходы финансовых и имущественных сделок на много операций вперед и предвидеть не только ближайшие, но и отдаленные результаты и последствия. Это была энергичная, идущая к господству в экономике России, часть буржуазии. Недостатками ее времяпрепровождения были неадекватные ее общественным позициям культура и образованность, а отсюда узкий кругозор, концентрация умственных усилий только на той части интересов, которая была связана с приобретением прибыли. Писатель не дает нам зарисовок, отражающих будущее этой части буржуазии. Оно представляется ему неясным. И эта неясность вытекала и была связана с позицией народа, который в произведениях Мамин-Сибиряка выступал антагонистом буржуазии и обуржуазившейся части дворянства.

Структура времяпрепровождения народа, занятого на гор-

ных заводах Урала, характеризовалась дифференцируемостью, которая вытекала из дифференциаций занятий самого населения и его разного имущественного, а также профессионального положения. Однако для всего населения горных заводов Урала было характерно, прежде всего, занятие тяжелым физическим трудом. Из монотонности содержания труда вытекало отсутствие интереса к нему со стороны подавляющей части рабочего класса, занятой разными видами этого труда. Последнее приводило к тому, что производительность труда рабочих, а фактически приписанных к заводам крестьян была низкой. Последнее обуславливалось тем, что при крепостничестве труд был фактически для заводчиков дармовым, и это не стимулировало технический прогресс. Кроме монотонности труда, а, следовательно, одномерности проведения рабочего времени для последнего было характерно почти полное отсутствие в нем элементов творчества, а также квалификационного мастерства. Это особенно касалось рабочих, занятых не на прямом, а на подсобном производстве, а таких на горных заводах Урала было подавляющее большинство. По подсчетам Мамина-Сибиряка, на Висим-Шайтанском заводе на 168 рабочих основного производственного цикла приходилось 1205 подсобных рабочих.

При таких условиях труд подсобных рабочих: углекопов, лесорубов, транспортных рабочих, занятых погрузочно-разгрузочными работами, с одной стороны, был очень тяжелым, а с другой – фактически лишенным интеллектуального содержания и со временем, с усвоением рабочим данной профессии, был совершенно неинтересным для него. Его принуждало к труду крепостное право, прикрепленность целых деревень к заводам, следовательно, обязанность работать на них.

С точки зрения функционального содержания основное рабочее время у подсобных рабочих делилось на необходимое и дополнительное. Необходимое рабочее время включало в себя те часы работы, в которые рабочий ежедневно, кроме выходных дней и праздников, был занят на производстве. Эта часть рабочего времени была основной. Рабочий день на горных заводах и золотых приисках Урала продолжался по 10 часов, а на подсобном производстве в зависимости от характера мог быть и больше.

Дополнительное рабочее время представляло собой те несколько часов в сутки, которые оставались рабочему для выполнения подсобных работ по дому, по приусадебному участку, по выполнению обязанностей в семье и т.п.

Дополнительное время было источником саморазвития личности рабочего. Основной формой данного саморазвития выступали его занятия по интересам. Для мужчин – это могло быть плотницкое, столярное и слесарное мастерство, изготовление изделий из бересты, из дерева, из коры, из глины, из черных и цветных металлов, из камня и других природных материалов. Именно здесь, в этой сфере творческого труда, происходило развитие инновационных потенций личности. Для женщин сферой саморазвития интеллекта была проблема украшения интерьера крестьянского жилища, одежды и отчасти обуви членов семьи. Важную сферу женского домашнего труда представляла проблема разных способов приготовления пищи, ее хранения и консервации. Мамин-Сибиряк во многих своих произведениях разного жанра дает подробное описание образа жизни и быта горнозаводского населения. Он показывает, как, под влиянием каких конкретных условий формировалась личность рабочего горнозаводской промышленности Урала. Писатель подробно в ряде романов, в частности, в романе «Три конца», показывает те изменения в психологии, в образе мышления горнозаводского населения, которые произошли под влиянием реформы 19 февраля 1861 года.

Он уловил и отчетливо усвоил, что в результате ее рабочие и крестьяне получили личную свободу, но это очень мало значило, поскольку заводчики при поддержке местных и центральных властей постарались отнять у них главное их состояние – земельную собственность. Однако, несмотря на открытый и прикрытый грабеж народа, совершенный в период проведения реформы, по мнению писателя, она все-таки означала крупный шаг вперед в общественном развитии страны.

При крепостнических порядках выбора вида труда – способ самореализации личности – выражался в том, что он совершался насильственно, без учета интересов рабочего. После реформы такую возможность самореализации и самовыражения, пусть урезанную и усеченную, народ все-таки получил. Реализация личных творческих потенций миллионов прежде закрепощенных индивидов послужила толчком для быстрого развития страны, которая, по свидетельству В.И. Ленина, нисколько не заинтересованного в преувеличении успехов развития экономики царской России, за несколько десятилетий пореформенного развития достигла того, что на Западе потребовало целые века.

Структура необходимого времени у пореформенного рабочего и крестьянина изменилась, и главным в этом измене-

нии, по свидетельству Мамина-Сибиряка, было возрастание свободного, творческого труда. В конечном счете, это было выгодно и личности каждого индивида, ибо он мог выбирать, пусть и с ограничениями, тот вид труда, который ему доставлял интерес, и это приводило к экономическому росту страны, являвшемуся результатом более высокопроизводительного труда трудящихся классов (рабочих и крестьян).

Кроме того, свободный раскрепощенный труд вызывал в жизни усиленную потребность в техническом прогрессе, которая, в свою очередь, также приводила к форсированному развитию страны. Мамина-Сибиряка возмущали те многочисленные пережитки крепостничества, которые сохранились в социально-экономическом строе России после реформы 1861 года. Он видел в них основные причины трудностей пореформенного развития страны, от которых в течение десятилетий мучались и страдали многомиллионные народные массы.

Для писателя сущностное значение имело будущее страны. В этом смысле он большое значение придавал жизненным планам молодежи. В романе «Весенние грозы» Мамин-Сибиряк показывает жизненный выбор ряда представителей молодежной интеллигенции. Их выбор получает одобрение писателя только в том случае, если при этом они считаются с интересами других людей, что является выражением демократических взглядов писателя. Активный труд, характерный для ряда действующих лиц романа: Кубова, Огнева, Клепиковой, вызывает положительное отношение к ним автора. Писатель не преувеличивает эту сторону дела. Он считает, что данные персонажи романа не самоотверженно, героически трудятся, а просто знают свое дело и выполняют его добросовестно. Поездку действующих лиц романа «Весенние грозы» в деревню Мамин-Сибиряк считает не результатом влияния народнических идей, а простого, трезвого расчета. Надо же кому-то в деревне работать. Везде есть люди, которых нужно учить, лечить, знакомить с современными фабриками жизни. Для героев романа сельские мужики так же подвержены влиянию власти денег, как и жители города. В середине 90^х годов Мамин-Сибиряк рассматривал деятельность интеллигенции не как выполнение ею долга перед народом, а как обычный труд вместе со своим народом.

В романе «Ранние всходы» писатель в лице Маши Честюниной, приехавшей в Петербург из провинции, учится на медицинских курсах, рисует брожение юношеских сил, ее участие в студенческих кружках, подготовка и обсуждение рефератов и

т.п. Политическое брожение в среде студенчества рассматривается Маминым-Сибиряком как стремление некоторых студентов сыграть роль исторических личностей. В конце романа Маша Честюнина уезжает в провинцию вместе с Андреем Ивановичем Нестеровым и работает в земстве. И эта деятельность рассматривается писателем не как выполнение долга интеллигенции перед народом, а как жизненная необходимость, связанная с необходимостью реализации полученных знаний.

Основная дихотомия в творчестве писателя, проходящая стержневой нитью через все его произведения, – это взаимоотношения народа Урала и его верхов: богачей, заводчиков и купцов. По своей мировоззренческой направленности Д.Н. Мамин-Сибиряк был демократом. Именно эта демократическая направленность мировоззрения писателя накладывала решающий отпечаток на описание всех проблем, которые оставались и, так или иначе, решались в его произведениях. На формирование демократических интенций Д.Н. Мамина-Сибиряка решающее влияние оказала эпоха подъема общественного движения в России в 60^х-70^х годов, которая привела к отмене крепостного права, а затем к реформам местного самоуправления, которые в своей совокупности означали существенный шаг в развитии страны по направлению к демократическому обществу. Однако реформы не были доведены до конца, более того, они были свернуты. И эта приостановка, нерешенность многих проблем демократического преобразования России вызвала к жизни революционно-народническое движение 70^х годов, которое оказало заметное влияние на мировоззрение Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Однако по своему мировоззрению в целом, он не был народником, а был реформистским демократом, испытывавшим в разные периоды своей творческой эволюции существенное влияние народничества, никогда полностью с ним не соглашавшись.

Возникает вопрос: что собой представляла система общественно-политических и исторических взглядов писателя, и каковы были ее основные детерминации в общественной жизни. Раскрытие данных проблем является сложным вопросом, требующим для своего решения целого ряда предварительных пояснений.

Писатель нигде не изложил систему своих взглядов в логически цельной и стройной систематизированной форме. Он четко разделял результаты своих творческих усилий на две формы: 1) эпистолярное наследие и очерки этнографического

характера. От писателя осталось свыше 1700 писем, которые в своем огромном большинстве ждут опубликования в новом 20-ти томном полном собрании сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка. И очерки, и письма представляют вид литературы, выраженной в логической форме; 2) художественное творчество писателя представляют несколько сот произведений, в которых отражено общественное бытие Урала второй половины XIX века. Художественная форма позволяет представлять единичные явления, выбранные так удачно, что они, возведенные в ранг типовых, дают необычайно тонкое и адекватное постижение социальной действительности того времени, когда жил писатель, и в более ранние периоды. Не случайно писатель еще во времена обучения в Пермской духовной семинарии интросоциализировался прошлым Уральского края.

Если мы будем рассматривать мировоззрение писателя в целом, как демократическое, то это значит, что: 1) писатель был на стороне народа; 2) считал его главной движущей силой истории; 3) видел в нем стержневую основу всех теорий общественного прогресса в его материальной форме. Демократия, в представлении Мамина-Сибиряка, – это: 1) принцип решения вопросов развития общества на основе большинства; 2) любой необходимый для общества вопрос решается по мере зрелости и готовности масс к его решению; 3) зрелость народа, его участие в управлении делами общества реально определяется просвещением масс, ростом их политического опыта, а также уровнем соответствия общественного сознания общественному бытию; 4) наличие в составе народа особой группы людей (интеллигенции), способной вести его за собой.

Д.Н. Мамин-Сибиряк был эволюционистом по своим взглядам на процесс развития общества. Он не верил в возможность революции в России. «Людей не переделаешь», – неоднократно жаловался он в своих письмах к матери, и это несмотря на то, что он был свидетелем революции 1905-1907 г. В произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка, посвященных Уралу, центральной проблемой, обеспечивавшей развитие общества, является противоречие между народом и господствующими классами (заводчиками и купцами).

Трехтомный роман «Каменный пояс», представляющий широкую панораму жизни народа Урала, задуманный Мамин-Сибиряком, не был написан¹. 2 сентября 1883 года вышел в свет третий том этого романа – «Приваловские миллионы», над которым он работал девять лет. Он был опубликован в либеральном журнале «Дело».

Роман отразил бурное развитие капитализма на Урале, его герои погружены в жизнь, где господствуют буржуазные общественные отношения. Центральной идеей романа в философском смысле является противоречие между народом и людьми «господствующего круга». Народ – объект размышлений, дум и забот о нем наиболее умных и дальновидных героев романа: Привалова, Лоскутова, Надежды и Константина Бахаревых. Народная сатирическая оценка «хозяев» уральской жизни составляет основу авторской, сливаясь с ней в художественном единстве². Противоречие между народом и его хозяевами акцентируется средствами художественного выражения, оно скрытно присутствует в делах, в поступках, в поведении, во всем образе жизни и мыслей «хозяев» жизни, которым, однако, писатель не симпатизирует, а дает понять, что их дело, в конечном счете, обречено. Однако эту обреченность писатель видит не в той форме, не в том способе, каким эти хищники наживы первоначального капиталистического накопления действовали, наживали свои богатства, а потом «проматывали» их, а отрицанием системы капитализма, рыночных отношений как таковой. Было бы беспардонным упрощением реального общественного процесса капиталистического развития России в изображении его Маминым-Сибиряком, если бы мы приписали ему видение перспектив социалистического будущего России. Его не было, а имела место попытка писателя на широком художественном полотне романа показать борьбу хищников, какими причинами она обуславливалась и к чему, в конечном счете, приводила.

Капитализм жесток – показывает всей системой средств художественного отражения реальности Мамин-Сибиряк, однако все дело в том, что он, во-первых, более производителен, чем старый «крепостной» порядок, а, во-вторых, он жесток потому, что таковы те люди в «обществе», трудом которых ему приходится утверждаться. Именно внимание к роли человеческой стороны предпринимательства лежит в основе симпатии писателя к старику Бахареву, который одержим не только маньеризмом безудержного стяжательства, но и не лишен чувства ответственности за последствия того дела, которое он разворачивает. Как нам представляется, определенная идеализация образа Бахарева в романе обуславливается не идеализацией патриархальности, отсталых общественных отношений Урала, а масштабами личности Бахарева, его умением делать «дела», а не только приверженностью народа к старине, к тем формам общественных отношений, которые когда-то были, и при кото-

рых народу якобы жилось лучше. У писателя в его черновых бумагах имеется и идеализация первых Демидовых, которые мяли и душили все, что противилось установлению их господства. Заслуга писателя заключается в том, что он в своем романе убедительными красками рисует противоречия внутри лагеря хозяев уральской жизни. Естественно, при этом возникает вопрос: чем обуславливались эти противоречия, какие причины их вызывали?

Они вызывались генезисом, то есть происхождением уральских богачей. Д.Н. Мамин-Сибиряк выделяет три типа уральских дельцов.

1) Предприниматели типа старика Бахарева, вышедшие из купцов. Они стали хозяевами жизни благодаря неумной энергии, умению делать дела, своеобразной талантливости в сфере предпринимательских операций.

2) Дельцы из дворян. В «Приваловских миллионах» таким является Ляховский. Эта группа хозяев уральских заводов обладала образованием и культурой, что обуславливало их особое поведение как по отношению к своим коллегам в сфере деловых отношений, так и к народу. Однако эта культура, в частности, у Ляховского, с каждым годом тускнела под влиянием той среды, в которой он должен был жить и работать, а также тех дел, которыми он должен был повседневно заниматься. Ляховский, как опекун, гробит Привалова. Однако он сам становится жертвой другого дельца – Половодова, который стремится полностью прибрать к своим рукам опекунство над приваловскими заводами и благодаря содействию Пуццило-Малахинского – управителя имуществом Привалова, это ему, в конце концов, удается.

Показывая мелочность экономики Ляховского и в то же время незнание им своих дел, писатель показывает, что дельцы и промышленники из помещичьего класса по ряду параметров своей деятельности уступали нуворишам новой формации, вышедшим из низов общества, из простого народа. Это дельцы типа Половодова, которые выходят победителями из экономических схваток с деятелями старой формации. В экономической схватке с ними новоиспеченные нувориши были лучше подготовлены всей своей предшествующей деятельностью. Если они где-то и в чем-то зевали, проявляли неоперативность в делах, то они разорялись и не поднимались на верх экономического Олимпа.

Половодовская культура в изображении Мамина-Сибиряка является внешней, наносной и ненастоящей. Он меняет ее в

зависимости от своего, авторитетного на данный момент жизни, окружения. Этот делец в конечном счете терпит фиаско, и этим писатель показывает, какой сложный характер носит внутриклассовая борьба между хозяевами уральской жизни, как своеобразно в ней меняются местами победители и побежденные. Этим дельцам, для которых нажива была подобна красной тряпке для быка, писателем противопоставлен третий тип заводчиков – Сергей Привалов, который переходит на позиции народничества и стремится отобрать у опекунов принадлежавшие ему заводы. Однако он намерен это сделать совсем не для того, чтобы самому получать с них прибыль и, таким образом, блаженствовать, а для того, чтобы вернуть заводы рабочим, которые своими руками их строили, а так же тот долг башкирам, на земле которых построены заводы.

Д.Н. Мамин-Сибиряк связывает Сергея Привалова с народническим мировоззрением, с идеей народников о долге интеллигента перед народом, с которой идеолог народничества П.Л. Лавров (Миртов) выступил в 1869 г. Одним из основных положений народнической доктрины было положение о признании капитализма регрессом, упадком, о том, что Россия в своем общественном развитии пойдет особым путем, который заключается в том, что через общину, минуя капитализм, она сразу перейдет к социализму. В духе указанных констатаций народнической теории Сергей Александрович Привалов в кабинете Бахарева ораторствовал о том, что он ничего не имеет против промышленности вообще и против «железной промышленности, в частности». Однако он признает это только в теории или применительно к Западу³. Дальше в духе народнической теории он говорил о том, что он «против» развития заводского дела на Урале. «Это болезненный нарост, который питается за счет здоровых народных сил». Потому, что «горное дело на Урале осталось только благодаря безумным привилегиям и монополиям, даровым трудом миллионов людей при несправедливейшей эксплуатации чисто национальных богатств, так что в результате получается такой печальный вывод: Урал со всеми своими неистощимыми богатствами стоил правительству в десять раз дороже того, сколько он принес пользы... И вдобавок – эти невероятные жертвы правительства не принесут и в будущем никакой пользы, потому что наши старые заводы все до одного должны ликвидировать свои дела, как только правительство откажется вести их на помочах. Стоит только отменить правительству тариф на привозные материалы, оградить казенные леса от расхищения заводчиками,

обложить их производительность в той мере, как обложен труд всякого мужика – и все погибнет сразу»⁴. В ответ на эти народнические положения относительно развития горной промышленности Урала, Бахарев возражал, – Но ведь эти затраты правительство делало не из личной пользы, а чтобы создать крупную заводскую промышленность. Примеры Англии, Франции, наконец, Америки – везде одно и то же. Сначала правительство и нация, – резонно утверждал он, – несомненно, теряли от покровительственной системы, чтобы потом наверстать свои убытки с лихвой и вывести промышленность на всемирный рынок.

– Там это действительно так, – возражал Привалов, – а у нас получается противоположный результат: наша политика относительно заводов вместо развития промышленности создала целое поколение государственных нищих, которые, лежа на неисчислимых соковищах, едва пропитывают себя милостыней. Результат получился как раз обратный: вместо развития горной промышленности мы загородили ей дорогу чудовищной монополией.

Выслушав горячую защиту народнической теории применительно к развитию горной промышленности Урала, Бахарев, похлопав Привалова по плечу, заявил: «А ты все-таки утопист и мечтатель». В этих словах писателем выражено не только отношение финансовых воротил Урала к народнической доктрине, означающей их точку зрения на возможность и необходимость капиталистического развития горной промышленности края, но и кое-что из мировоззренческих позиций самого автора. В этой связи кстати заметим, что старик Бахарев – это одна из фигур хозяев края, которая, вопреки его взглядам, не разделяемым Маминым-Сибиряком, тем не менее пользуется его симпатией. Писатель, сочувствуя народнической теории, не верил в возможности ее реализации. Наблюдая развитие капитализма на Урале, отмечая все его зверства и беспощадную поступь, он, тем не менее, видел, что капитализм в пореформенное двадцатилетие достиг многого. К тому же к моменту окончания романа ему стало ясно, что в единоборстве с царизмом «Народная воля» потерпела поражение.

Все дальнейшие шаги С.А. Привалова в романе, все его попытки практически претворить народническую теорию в жизнь окрашены определенным неверием писателя, его пониманием того обстоятельства, что эта борьба чем-то напоминает подвиги Дон Кихота сражавшегося бутафорским мечом с ветряными мельницами. Писатель как бы хочет сказать, – ко-

нечно, в народнической доктрине есть рациональное содержание, конечно, в ней имеется много справедливого. Однако сама идея отрицательного отношения к развитию горной промышленности Урала, желание Привалова заниматься сельским хозяйством, создание им мельницы, школы для крестьянских детей, в которых работали девушки из состоятельных семей – все это, с точки зрения Мамина-Сибиряка, с одной стороны, прекрасно, но с другой, – это переворот всей системы общественных отношений России. Для этого, по мнению писателя, будет мало и школ, и больниц, и народных предприятий, да и весь замысел «хождения в народ» для этого является недостаточным.

Привалов одержим идеей народнического долга интеллигенции перед народом, поэтому он так мучительно переживает проезд в Шатровский завод башкирских старшин для переговоров о башкирских землях, «замежеванных в дачу Шатровских заводов еще в конце прошлого столетия». Дело об этом «замежевании» велось с небольшими перерывами целых сто лет. Истцы этого дела успели два раза умереть и два раза родиться. Слабая сторона дела заключалась в том, что услужливый землемер, в пылу усердия замежевал целую башкирскую деревню Бухтармы. Главная трудность дела для Привалова заключалась в том, что даже приблизительно невозможно было определить те межи и границы, о которых шел спор. Те границы урочища и березовой рощи, такого-то камня или «старого пня» давно уже не существовали. Да и самая деревня Бухтармы успела за сто лет выгореть десять раз⁵. Когда башкирам, наконец, было объявлено, что барин поедет в город и там будет хлопотать, они с молчаливой грустью выслушали его слова, сели на коней и молча тронулись в свою Бухтарму. Они понимали, что нужного им решения и на этот раз получить не удалось.

Писатель понимал, что личные переживания Привалова, жалеющего обманутых сто лет назад башкир, – это только его чувства, характеризующие его как человека, а общественные отношения, складывающиеся на Урале после реформы 19 февраля 1861 года, зависели от количества земли, которое получили от заводов разные категории работавшего на них населения. Они определялись на основе условий, зафиксированных в Уставной грамоте. Просматривая Уставную грамоту Шатровских заводов, Привалов пришел к выводу о том, что она была составлена каким-то отчаянным приказным «крючкомвором и докой». Просматривая эту бумагу двадцать лет спустя,

Привалов удивлялся пронизательности и широте взгляда ее составителя. В ней все было предусмотрено, взвешено, выговорено и оговорено. Конечно, все выгоды, оговоренные в Уставной грамоте, были на стороне заводов, центр тяжести лежал в наделе мастеровых земель. И этот пункт в Уставной грамоте был отработан с «особенным мастерством». В результате громадное население Шатровских заводов в 40 тысяч человек оказалось совершенно обезземеленным, и сама жизнь этого населения находилась в зависимости от благосклонности начальства. Уставная грамота была подписана какими-то старичками, которые «под пьяную руку» подмахнули её за все общество. И дело пошло гулять по всем «мытарствам». Мастеровые и крестьяне Шатровских заводов всеми способами пытались доказать неправильность составленной Уставной грамоты и то, что общество совсем не уполномочило подписывать ее каких-то «сомнительных старичков». Мужики нанимали адвокатов, посылали ходяков, спорили и шумели с мировым посредником, но из этого решительно ничего не выходило⁶.

Именно здесь, в способах и формах решения земельного вопроса закладывались основы развития социальной структуры пореформенного Урала. О том, какое большое значение придавал этому вопросу Д.Н. Мамин-Сибиряк, свидетельствует то, что он на этом специально останавливался в другом своем романе «Горное гнездо».

Составленный Родионом Антоновичем Сахаровым проект Уставной грамоты действительно был в своём роде шедевром. Он обеспечил за Кукарскими заводами такие преимущества, которые с головой выдавали десятки тысяч заводского населения в руки заводовладельца. Даже сомнительные статьи, которые, казалось бы, невозможно было обойти, были опутаны таким туманом крючкотворства, такой двусмысленностью изложения, что можно было только удивляться «великой творческой силе приказного крючкотворства»⁷.

В этой Уставной грамоте совсем не было указано число сельских работников, которым землевладелец обязан был выделить крестьянский надел, так что в мастеровые попали все крестьяне тех деревень, которые находились в округе Кукарских (Демидовских – В.С.) заводов. Все мастеровые по новой грамоте пользовались выгоном, покосами и лесом «на прежних основаниях», пока заводовладелец не изменит их по собственному усмотрению и пока мастеровые работают на заводах. В виде особой милости заводовладельца мастеровые получали от него *в дар* свои дома и усадьбы. Содержание школ, церквей

и больниц, как отмечалось в Уставной грамоте, остается на том же усмотрении заводовладельца, который может по своему желанию лишить эти учреждения материального обеспечения.

Центр тяжести Уставной грамоты, сочиненной Р.А. Сахаровым, заключался в том, что она касалась только мастеровых и давала им известные условные гарантии только при условии, что они будут работать на заводах. Все остальное население, которое не принимало непосредственного участия в заводской работе, совсем не шло в счет. В результате на стороне заводовладельца остались все выгоды, даже был оговорен оброк за пользование покосами и выгонами с тех мастеровых, которые почему-либо не находятся на заводской работе. Понимая, что это настоящий грабег горнозаводского населения, Мамин-Сибиряк писал: «Помещикам, наградивших своих бывших крепостных кошачьими даровыми наделами, во сне никогда не снилось ничего подобного, особенно, если принять во внимание то обстоятельство, что Лаптев был даже не заводовладелец в юридическом смысле, а только «пользовался» своими полумиллионами десятин богатейшей в свете земли на посессионном праве».

Благодаря проекту Р.А. Сахарова Кукарское заводоуправление брало не только со всех посторонних, но даже со своих собственных мастеровых за пользование казенной землей весьма почтительный оброк – пятьдесят копеек и дороже за каждую десятину. Спорный юридический вопрос о правах посессионных владельцев на недра земли, в случае нахождения в них минеральных сокровищ, также был оговорен Уставной грамотой в пользу заводовладельца так, что мастеровые не могли быть уверены, что у них не отберут для заводских целей даже те усадебные клочки, которые им принадлежат по закону, но великодушно были подарены им заводовладельцем⁸.

В романах «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца» писатель показывает, как в результате реформы 19 февраля 1861 года было ограблено горнозаводское население Урала, как бессовестно и беспардонно нажились за его счет владельцы уральских горных заводов. Какие же общественные отношения сложились в пореформенную эпоху между этими двумя субстратами общественных отношений? Начнем с того, как относился народ к этому грабежу его со стороны владельцев уральских горных заводов. Естественно, что отрицательно. Народ понял, что он был ограблен. Однако это «понимание» выразилось в разных формах его борьбы за восстановление попранной справедливости. Значительная часть на-

рода составила то молчаливое большинство, которое за грабеж и несправедливость, совершенную по отношению к нему, «ограничивались проклятиями» по адресу капитала и власти денег и не предпринимали никаких акций протеста. Другая часть горнозаводского населения пыталась протестовать против этого насилия и грабежа, но делала это оригинальным путем, путем различных ходатайств, обращенных к заводовладельцу и к властям, как к местным, так и центральным. Отдельным ходатаям удавалось доходить до самого императора Александра II, масса жалоб попадала в суды разного уровня, в том числе и в Сенат. В большинстве случаев все обращения недовольной части горнозаводского населения Урала кончались безрезультатно. И только в отдельных единичных случаях представителям горнозаводского населения удавалось частично восстановить «попранную» справедливость. В романе «Горное гнездо» Мамин-Сибиряк описывает сцену подачи прошения недовольными крестьянами в руки приехавшего на завод заводовладельца А.К. Лаптева (П.П. Демидова – В.С.). Можно не сомневаться в отрицательном решении этого ходатайства, на глазах крестьян исчезнувшего в портфелях многочисленной свиты заводовладельца⁹.

Наконец, в отдельных случаях, связанных с насилием, дело доходило до вспышек недовольства со стороны ограбленного горнозаводского населения. В романе «Три конца» писатель описывает забастовки сплавщиков и углепоставщиков. Забастовки будут тем способом, той формой, в которой будет решаться вопрос о перетягивании каната на ту сторону, чья сила больше, вплоть до Октябрьской революции.

Уральские горнозаводчики, как правило, жили за счет труда крепостных крестьян, приписанных к заводам, или купленных заводчиками у помещиков и привезенных затем на Урал. После реформы 1861 г., освободив рабочих от прикрепления к заводам, их владельцы не дали им земли, и рабочие вынуждены были оставаться на заводах и работать за минимальную заработную плату. Они понимали, что в сложившихся условиях они должны содержать семьи и продолжать работать на заводах или выезжать в другие места, чаще всего в Сибирь, и находить работу в промышленности на заводах или заниматься сельским хозяйством там же. Основная масса уральского горнозаводского населения осталась на заводах или стала заниматься ремеслом (кузнечным, изготовлением конской сбруи, изготовлением обуви, одежды, сельскохозяйственного инвентаря). Одновременно рабочие ряда уральских заводов в тече-

ние десятилетий, вплоть до Октябрьской революции, судились со своими хозяевами и добивались получения хотя бы части тех земель, которые они имели до освобождения их в 1861 году.

Таковы были те два лагеря, которые противостояли друг другу в пореформенное время, со всеми их потребностями и интересами отраженные в произведениях Мамина-Сибиряка. Конечно, внутри каждого из них имелись свои существенные различия, и писатель отражал их подробно в романе на уровне пролонгированной жизни, а также с точки зрения единичных жизненных случаев и ситуаций в многочисленных рассказах. Особый интерес представляют те произведения писателя, в которых он пытается разрешить противоречия между народом и хозяевами уральской жизни.

Литература конца XIX века, остро ощущая пробуждающуюся активность народа, обратилась к исследованию народных движений прошлого, того духа борьбы и протеста, который не раз разгорался в трудные периоды российской истории. Мамин-Сибиряк откликнулся на эту общественную потребность повестью «Охонины брови». Повесть была напечатана в 1892 году и противостояла основному потоку исторической беллетристики того времени. Повесть «Охонины брови» была произведением новаторским, активизирующим поиски героической народной линии, народного протеста.

Пугачевское движение привлекало внимание писателя, начиная с семидесятых годов. В очерках «От Урала до Москвы» писатель останавливается на мудрости пугачевского плана пойти на Урал, где ему была обеспечена поддержка восстания. Писатель намеревался написать роман «Железный закон», в котором хотел осветить «отсидивание» Далматова монастыря. В 1890 году писатель побывал в местах действия повести – в Шадринске, Далматове, Каменске. Он тщательно собирал материалы для задуманного произведения. Сам Пугачев в повести не действует, но о нем говорят, отношением к нему определяется разделение людей на два лагеря. Мамин-Сибиряк показал народный характер пугачевского движения. В нем участвуют не только крестьяне, но и рабочие завода, принадлежавшего Гарусову, а также башкиры. Казачество в повести представлено ярче всего фигурой Белоуса. Его предупреждает об опасности местный крестьянин Брехун. Вина за восстание возлагается на самих угнетателей, хозяев жизни. Стихия народного восстания освещена с сочувствием, она пронизана фольклорными мотивами: воли, свободного труда. Даже сам воевода Полуэкт Степанович Чушкин говорит игумену Моисею: «А вы

сами виноваты... Затеснили вконец крестьян, вот теперь и расхлебывайте кашу. Озлобился народ, озверел...»

В повести показана противоположность интересов господ и народа. Игумен не прав, обвиняя дьячка Арефу в действиях против монастыря. Но он прав потому, что мыслит этот маленький человек так же как народ, вражду которого отчетливо осуждает игумен Моисей. Арефа понимает противоположность интересов заводчика Гарусова и тех, кто работает на него. В словесном поединке с Гарусовым он оказывается мудрее потому, что судит обо всем с народной точки зрения. Мамин-Сибиряк убедительно показывает невозможность для людей из народа оставаться вне народной судьбы. Писатель освещает события в повести «Охонины брови» народным сознанием, дает их в оценках этого сознания. Скрытым лейтмотивом в подтексте повести является мысль писателя о том, что восстание вспыхнуло потому, что жить народу на уральских горных заводах стало невозможно. Именно поэтому рабочие этих заводов активно поддержали Пугачева.

Если с точки зрения хозяев заводов рабочие являются производительным скотом, из которого битьем надо выколачивать то, что они могут дать, на что они способны, то отношение рабочих, их основная мировоззренческая установка заключалась в том, что, конечно, они хозяева, конечно, они распоряжаются на заводах, конечно, на них нужен порядок, хозяйский глаз и т.п., но это должно быть поставлено в рамки определенных человеческих отношений, основным моментом которых должно быть то, что они оставляют рабочему просвет, в котором он может жить и содержать семью. А поскольку это наиболее «ретивыми» заводчиками нарушалось, они активно поддержали «дубинщину», а затем и восстание Пугачева.

Являясь демократом-просветителем по своим общественно-политическим взглядам, Мамин-Сибиряк признает право народа на восстание. Это право у него вытекает из права человека на жизнь. Жизнь – это высшая ценность в системе демократического мировоззрения, и когда народ угнетением доведен до того предела, при котором жизнь становится невозможна – при таких условиях возможно и должно реализовываться право на протест в его активных формах, в том числе и в форме восстания. Таким образом, право народа на восстание является у писателя показателем и выразителем общенародной справедливости, которая вытекает непосредственно из признания человеческой жизни высшей ценностью.

При этом возникает другой вопрос, а именно, имеет ли право масса народа на отмщение своим угнетателям. На пер-

вый взгляд это представляется естественным и справедливым. Однако внимательное чтение повести приводит нас к другим выводам. Главные герои повести – дьячок Арефа, его дочь Охоня, воевода П.С. Чушкин – это не жестокие люди. Писатель не одобряет жестоких расправ народа над его угнетателями. По его мнению – это могут быть только единичные акты, произведенные в состоянии аффекта.

Мамин-Сибиряк не был революционером, поэтому программам восставших он не уделял должного внимания, и в повести более или менее отчетливо в качестве такой программной ценности заявлена воля, то есть свобода. Дьячок Арефа, перейдя на сторону восставших, занимался перепиской пугачевских манифестов, в которых от имени императора Петра III казакам, раскольникам, рабочим заводов и крестьянам была обещана воля. Здесь опять-таки в качестве мобилизующего мотива, призванного привлекать людей в лагерь восставших, выставлена общедемократическая ценность. Она была общечеловеческой по своему содержанию и должна была создавать условия для формирования широкой, народной по своему характеру, армии восстания.

Уже из того положения, что восстание, как форма народного протеста, имеет свое оправдание как спасение жизни народа от гнева озверевших представителей господствующего класса, вытекает, что так же поступать восставший народ не должен. Он должен возвыситься до понимания общечеловеческих интересов, т.е. должен вести себя по-человечески. А тех его многочисленных представителей, которые не были подготовлены к этому условиями предшествующей жизни, которые были не прочь использовать период народного восстания для того чтобы пожить и пограбить, – их писатель называет «сбродом», «шайкой», «лихими людьми». Они грабят, жгут, зорят гнезда родовитой знати и дают, таким образом, выход накопившемуся чувству ненависти, злобы, отчаянной решимости. Причина восстания Пугачева, изображенная в повести Мамина-Сибиряка «Охонины брови», заключается в гневе и отчаянии трудовой массы, которой не осталось другого выхода.

За несколько лет до пугачевского восстания именно уральский рабочий из раскольников подал Пугачеву мысль о том, что ему нужно будет назваться Петром III и начинать восстание на Урале, и что рабочие уральских заводов поддержат его. Восстание Пугачева было удачным до тех пор, пока он получал подпитку от уральских заводов, когда же он начал поход на Казань, этой поддержки он лишился, и это ухудшило его положение и, в конечном счете, ускорило его поражение.

Глава IV. Смысл жизни народа и его хозяев в изображении уральского писателя

И «верхи», и «низы» уральского общества имели определенный смысл жизни, хотя данное понятие ими не только не использовалось, но в обыденном его понимании зачастую многими его представителями не ставилось перед собой. Смысл жизни представляет собой регулятивное понятие, присущее любой развитой саморегулирующейся системе, которая оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы, показывает, во имя чего необходима предписываемая ей деятельность, – в конечном счете именно такая, а не другая жизнь! Социальное положение индивидов и групп общества, их потребности и интересы, стремления и ожидания, принципы и нормы поведения определяют массовые представления о смысле жизни, которые при каждом общественном строе имеют специфический, только ему присущий, характер, обнаруживая при этом моменты повторяемости.

Многие представители народа и господствующих классов в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка фактически обосновывали и защищали такие цели и идеалы, в которых выражались интересы господствующих классов непосредственно или опосредованно. Смысл жизни у многих из них усматривается в достижении определенных потребительских стандартов и индивидуального благополучия. Это характерно не только для представителей господствующих классов, но и многих представителей народа. Многим из них недоступна «тайна бытия», – содействие назревшим задачам общественного развития. Народ, как демократическая масса, во многих произведениях Мамина-Сибиряка не поднимается до исторических задач развития общества. Смысл жизни многие индивиды в романах писателя («Золото», «Хлеб», «Три конца») видят в удовлетворении своих текущих потребностей. Это происходит у них путем формирования соответствующих целевых установок. В данном случае цель – это планируемый результат индивидуальной трудовой деятельности. Целевые установки индивидуальной трудовой деятельности большинства представителей народа в романах и рассказах Мамина-Сибиряка носят стандартный и рецептурный характер. Они вытекают из конкретных ситуаций трудовой деятельности индивидов, задаются конкретными обстоятельствами их личной жизни.

В этом отношении особый интерес представляет роман Мамина-Сибиряка «Золото». Здесь необычайно ярко писатель

показывает, что цель жизни старателей заключается в том, чтобы найти золотую жилу, найти самородок, *найти и приобрести благо*, на дне которого есть золото. И это вытекает у писателя из самого понятия смысла жизни. Ведь само понятие «смысл» означает внеположенную сущность феномена, оправдывающую его существование, которая связывает его с более широким пластом реальности. Смысл феномена не может быть сведен к его конкретной цели, поскольку такая цель есть желательное состояние этого феномена и, тем самым, не является внеположенной по отношению к нему сущностью.

Такая цель нуждается в осмыслении через более высокую цель, а последняя – через следующую и т.д. В результате таких размышлений мы приходим к гегелевской «дурной бесконечности» или к трансцендентной цели, укорененной в боге.

Значительное понимание для раскрытия понятия «смысл жизни» в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка даёт герменевтический подход. В герменевтике понятие «смысла» представляет реконструкцию намерений автора этого текста. С точки зрения герменевтики понятие «смысл» существует не в самом знаке, а составляет интенцию автора, внеположенную самому тексту, однако воплотившуюся в нем и давшую этому тексту онтологические основания существовать как факт культуры.

С точки зрения материализма «смысл жизни» находится в ней самой. Тогда получается, что сохранение жизни и рост жизненной активности оказываются высшими ценностями. Смысл жизни в эволюционной этике Г. Спенсера, с трудами которого Мамин-Сибиряк был знаком, в конечном счете, сводится к сокращению, воспроизводству и освобождению от страданий, а отсюда следует, что каждый может быть счастлив только в той мере, в какой он приближается к богу. Писатель не был религиозно верующим человеком, поэтому у него данное понятие своеобразным образом трансформировалось в понятие «общего блага». Под последним Мамин-Сибиряк понимал такую человеческую активность, которая приводит к улучшению жизни многих других людей. Не являясь утопистом, писатель далек от мысли о том, что могут быть открыты рецепты деятельности человека, которые бы позволяли при их практической реализации все человечество сделать счастливым. Поэтому поиск «смысла жизни» в интерпретации Мамина-Сибиряка направлен на открытие онтологических оснований собственного бытия. Поэтому герои его произведений, мечущиеся в сумятице повседневной жизни, всецело поглощены

ею, и очень редко обладают таким кругозором, который позволил бы им далеко выходить за рамки повседневной действительности. Они следуют рецептурному образу жизни, то есть живут, как все, и их деятельность чаще всего носит стандартный характер. Однако если бы это было только всегда так, то чтение произведений писателя не доставляло бы читателю особого интереса, не учило бы его, не показывало бы ему, как выходить из нестандартных жизненных ситуаций.

Для произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка характерно, что его герои ищут смысл жизни. Этот поиск оказывается необходимым, когда рушатся все опоры жизни, и человек «повисает» в метафизической пустоте. Человек в произведениях писателя в этих условиях стремится найти оптимальный выход для себя лично и для тех своих близких и знакомых людей, которые, как ему представляется, в силу разных причин заслуживают этого. Однако круг этих людей, как правило, достаточно узок. Он никогда не выходит за пределы ареала личного знакомства героя.

У «хозяев жизни», уральских заводчиков он существенно расширяется и обезличивается. Демидовы не знали тех нескольких десятков тысяч рабочих, которые работали на их заводах и своим тяжелым трудом создавали им комфорт и удобства в жизни. Естественно, что у магнатов уральской промышленности не могло возникнуть мыслей о преобразовании всего российского общества, а тем более соображений о трансформации его в мировом масштабе. У них возникала проблемная коллизия, которая заключалась в том, что или «творчески» хозяйничать на заводах, основывать десятки новых, как это делали первые Демидовы, а конкретно Акинфий Демидов, или жить в свое удовольствие преимущественно за рубежом, за пределами России, где-нибудь в Италии или в других странах Западной Европы или, наконец, в Петербурге, в лучшем случае в течение своей жизни раз или два посетить уральские заводы, а все остальные решения любого характера, касающиеся заводов, за исключением прибыли, получаемой от них, их не касались. Это особенно ярко проявилось в жизни и деятельности П.П. Демидова.

В произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка нет идеи творчества нового общества на основе ценностно-ориентированной коллективной воли к будущему. Поэтому герои его произведений, к какому бы классу общества не принадлежали, по-разному, но, как правило, не утопически планируют смысл своей и чужой жизни, своих близких и дальних. Последнее касает-

ся, разумеется, «хозяев» уральской жизни, поскольку они связаны с несравненно большим количеством людей, чем любые представители демократически настроенной народной массы, а большинство народа по своим взглядам не являлось даже таковым.

В своих произведениях Д.Н. Мамин-Сибиряк показывает, что вера в смысл жизни связана с верой в человека, как носителя этого смысла. Человек обладает величайшим достоинством «обладателя смысла жизни». Смысл жизни должен быть построен на основе истинного знания о мире. Это знание о мире русский философ Е.Н. Трубецкой фиксирует в суждении о «смысле-истине». Данное понятие в интерпретации русского философа антиномично. Оно трансцендентно, сверхиндивидуально, сверхвременно, безусловно и имманентно. Оно есть содержание индивидуального сознания. Отсюда делается вывод, что либо истина есть акт безусловного сознания, либо истины вовсе нет. «Безусловное сознание» есть подлинно сущее и действенное. Субъект может постичь истину лишь посредством приобщения к «безусловному сознанию», либо истины вовсе нет. «Абсолютное сознание» Е.Н. Трубецким интерпретируется не как отвлеченная мысль, а как духовно-чувственное сознание или видение, т.е. оно конкретно, — это «мировое око». Вера в смысл жизни связана с верой в человека, как носителя этого смысла. Человек обладает «смыслом жизни». Однако здесь возникает вечная коллизия между целями государства и достоинством человека. Государству зачастую нужны недостойные люди для выполнения определенных целей.

Оно стремится стать «смертным богом» для человека. Это ведет к утрате человека и культуры, что на практике продемонстрировали тоталитарные режимы XX века. Спасение человечества заключается, с точки зрения Д.Н. Мамина-Сибиряка, в его совести. Однако это этическое понятие не способно вместить все проблемы, стоявшие перед человеком и человечеством. Поэтому перед человечеством вообще и перед народом края в особенности стоит проблема приобщения его к знанию, к культуре, и путем, ведущим к достижению данной цели, по мнению писателя, является образование.

Писатель высоко оценивал потенциал образования для подъема экономики Урала и страны в целом на более высокий уровень экономического и технического развития. Это значение в общественном смысле, а в личностном плане просвещение будет иметь еще большее значение для формирования нравственно здоровых личностей, которые будут способны сделать

межчеловеческие, межличностные отношения более гармоничными, чем это было ранее. В произведениях Мамина-Сибиряка еще нет мыслей о тех негативных последствиях просвещения, которые связаны с «дозированным» и «канализированным» просвещением, он еще не был знаком с воспитательными «экспериментами» тоталитарных режимов, которые использовали просвещение в своих узко корпоративных целях для оболванивания подрастающего поколения и воспитания его в духе безоговорочного одобрения и следования сложившейся в данной стране форме тоталитаризма.

Если понятие «смысл жизни» означает внеположенную сущность феномена, оправдывающую его существование, связывающую его с более широким пластом реальности, то в чем же заключался он для уральских заводчиков, владельцев золотых приисков и купцов в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы»?

Обрисовку данного понятия мы будем давать на основании четвертого варианта романа, который был опубликован в либеральном журнале «Дело» в 1883 году. Подготовительные варианты романа, опубликованные теперь в двух частях второго тома полного собрания сочинений писателя дают очень много материала для проникновения в творческую лабораторию писателя, для получения конкретных выводов о том, как и почему данные действующие лица и в данных ситуациях вошли в окончательный текст романа. Но нас интересует другое, а именно – в чем видели смысл жизни нувориши новых зарождающихся капиталистических отношений. Конечно, все они так или иначе служили «маммоне», золотому тельцу, процессу получения сверхприбылей зачастую преступными бесчеловечными способами. В картинной галерее владельцев золотых приисков и крупных металлургических заводов, которых писатель изобразил в романе, одно из центральных мест принадлежит Василию Назаровичу Бахареву. Писатель симпатизирует этому персонажу романа. Бахарев озабочен, он видит смысл своей жизни не только в том, чтобы получить максимальную прибыль, не только в том, чтобы обойти конкурентов, но и в том, что он чувствует и понимает ответственность за состояние дел, за судьбу многих людей, которые с ним связаны.

Мамин-Сибиряк с определенной симпатией, вытекающей из его понимания и определенной идеализации Василия Назаровича, рисует его внешний облик, его портрет. «Коренастая, широкоплечая фигура старика Бахарева тяжело повернулась в своем ореоле. Эта громадная голова с остатками седых кудрей

и седой включенной бородой была красива оригинальной старческой красотой. Небольшие пронизательные серые глаза смотрели пытливо и сурово, но теперь были полны любви и теплой ласки. Самым удивительным в этом суровом лице со сросшимися седыми бровями и всегда плотно сжатым губами была улыбка. Она точно освещала все лицо. Так умеют смеяться только дети да слишком серьезные и энергичные старики»¹. Именно таким стариком и был в изображении Мамина-Сибиряка В.Н. Бахарев.

Он вел дела крупнейшего золотопромышленника Гуляева. После смерти Гуляева, в лице которого писатель изобразил образ екатеринбургского золотопромышленника Льва Расторгуева, Бахарев открыл крупнейшие золотые россыпи в глубине Саянских гор. Бахарев вел эти дела в компании с Александром Приваловым. От этих дел он ничего не имел, кроме знания приискового дела и «несокрушимой энергии». Неудачи только разжигали его «прямую натуру», и он с новыми силами шагал через почти непреодолимые препятствия. Разведки в Саянских горах унесли у Бахарева его последние сбережения. И он вынужден был принять к себе в компанию А. Привалова, то есть вести разведку уже на приваловские капиталы. А. Привалов относился к Бахареву со слепым доверием. Первый прииск, открытый на безымянной горной речке, был назван в честь жены А. Привалова. Этот прииск оказался богатейшим. В течение десяти лет он дал чистой прибыли больше десяти миллионов. Если Бахарев был занят энергичной деятельностью, и в этом он видел смысл своей жизни, по открытию новых месторождений золота, по умелому ведению дел на уже работающих приисках, то его компаньон по добыче золота А. Привалов, получив в свои руки баснословные богатства, распорядился ими по своему.

Беспримерное, чудовищное богатство А. Привалова создало ему жизнь «баснословную» в летописях Урала. Этот золотопромышленник готов был платить десятки тысяч рублей за всякое новое удовольствие, которое могло хотя бы на время оживить его притупленные нервы. Гуляевский дом в узле был отделан с царственной роскошью. В этом дворце русская натура развернулась во всю свою ширь. С утра до ночи в приваловских палатах стоял пир горой, и в этом разлитом море угощались званый и незваный.

Жизнь, не сдерживаемая более ничем, не знала середины и лилась через край широкой волной, захватывая все на своем пути. Но обыкновенной роскоши, обыкновенного мотовства

этим неистовым детям природы было мало. Какой-то дикий разум овладел всеми: на целые десятки верст дорога устилась красным сукном, чтобы только проехать по ней пьяной компании на бешеных тройках, лошадей не только поят, но даже мочут шампанским; бесчисленные гости располагаются как у себя дома, и их угощают целым гаремом из крепостных красавиц. Александр Привалов, потерявший голову в этой бесконечной оргии – «задурил». Притупившиеся нервы, расслабленные развратом чувства уже не могли возбуждаться вином и удовольствиями. Нужны были человеческие страдания, вопли, человеческая кровь². Такой образ жизни в конце концов завершился гибелью А. Привалова, который смысл жизни видел во все более изощренных удовольствиях. После смерти Привалова его заводы были отданы под опеку, в качестве опекуна был назначен В.Н. Бахарев.

В образе А. Привалова в романе выведена та часть крупных уральских дельцов, которая смысл жизни видела в получении удовольствий, являвшихся следствием неэффективного использования финансовых средств. Бесцельное, с социальной точки зрения, проматывание капиталов – вот что являлось смыслом жизни этих представителей уральской элиты того времени. Другие «хозяева» жизни, изображенные в романе, являются вариациями дельцов, которые смысл жизни видели в том, чтобы «ублагодотворять» себя, чтобы получать от жизни удовольствие, формы которого у них, правда, различались. Так, для Ляховского в качестве наивысшего удовольствия выступала карточная игра. Для того, чтобы участвовать в ней, а она требовала много денег, Ляховский часто попадает по этой причине в смешные ситуации. Он экономит на метлах, на овсе для лошади и не замечает нависшего над ним разорения.

Другому дельцу, изображенному в романе «Приваловские миллионы» – Половодову, присуще самолюбование, игра в собственную значительность, для этого он пускает в ход цветистые фразы, чтобы замаскировать свои настоящие интересы и потребности. Беспрецедентная гибкость и эластичность Половодова выразилась в том, что он, земский деятель, становится директором банка. В лице Половодова Мамин-Сибиряк изображает ту часть уральских хозяев жизни, которые были связаны с органами местного самоуправления, земства и т.п. В «Приваловских миллионах» все эти «хозяева» жизни влюблены в богатство, в деньги, в капитал и в приобщении к нему в разных формах видят смысл своей жизни. В конечном счете, все их дела и поступки сводятся к одной цели, к увеличению

собственных прибылей.

Однако есть в романе и те представители господствующего класса, которые смысл своей жизни видят в другом, а именно, в том, чтобы использовать свои средства на благо других. К их числу в романе принадлежит Сергей Александрович Привалов, Константин Бахарев, Надежда Бахарева. С.А. Привалов не только намеревался вернуть башкирам земли, которые были захвачены у них в период основания шатровских заводов и тем самым восстановить историческую справедливость, он одержим мыслью о том, чтобы развивать на Урале сельское хозяйство, первым практическим шагом в этом направлении он построил мельницу для крестьян. Надежда Васильевна Бахарева мечтала создать школу для крестьянских детей, лечить крестьян. Однако эти народнические мечтания в романе, в конечном счете, обречены на неудачу. И Привалов сам понимает это.

В Ирбитском театре, наблюдая из ложи купеческую публику, разместившуюся в театре, С.А. Привалов почувствовал, что это такая силища, которой им не победить. «Привалов долго рассматривал ряды кресел и стульев. На них разместилось все, что было именитого на десятки тысяч верст: московские тузы по коммерции, сибирские промышленники, фабриканты, водочные короли, скупщики хлеба и сала, торговцы пушшиной, краснорядцы и т.д. От каждого пахло десятками и сотнями тысяч. Было несколько миллионеров преимущественно с сибирской стороны».

– Картина, – говорил Николай Веревкин, мотая головой в партер. – Вот вам наша будущая буржуазия, которая тряхнет любезным отечеством по-своему... Силища, батенька, страшная!..

Привалов чувствовал себя частью этого громадного целого, которое шевелилось в партере, как тысячеголовое чудовище. Ведь это целое было неизмеримо велико и влекло к себе с такой неудержимой силой... Вольготное существование только и возможно в этой форме, а все остальное должно фигурировать в пассивных ролях. Даже злобы к этому целому Привалов не находил в себе: оно явилось только колоссальным фактом, который был прав сам по себе, в силу своего существования. «Куда ему бежать от всей этой ужасающей человеческой нескладицы, бежать от самого себя»? Привалов «сознавал себя немного той жалкой единицей, которая служит только материалом в какой-то сильной творческой руке»³.

Сложности общественной и личной жизни, пьянство и карты привели Привалова к мысли о том, чтобы встретиться с На-

деждой Васильевной. Перед ним встал вопрос о том, стоит ли ему жить и если стоит, то для чего. «Умирать... – мелькнуло в голове Привалова. – Да, это было бы хорошо: все расчеты с жизнью покончить разом и разом освободиться от всех тяжелых воспоминаний и неприятностей». Привалов размышляет: «Для кого и для чего он теперь будет жить? Тянуть изо дня в день лямку, как тянут другие, – это слишком скучная вещь, для которой не стоило трудиться. Даже то дело, для которого он столько работал, теперь как-то начинало терять интерес в его глазах. Он припомнил Ирбитскую ярмарку, где лицом к лицу видел ту страшную силу, с которой хотел бороться. Его идея в этом стройном и могучем хоре себялюбивых интересов, безжалостной эксплуатации, организованного обмана и какой-то органической подлости, жалко терялась, как последний крик утопающего»⁴.

Если Привалов интуитивно почувствовал и начал понимать, что капитал – это такая силища, с которой народникам не справиться, то Надежда Васильевна Бахарева еще убеждена в том, что нужно бороться. «В Надежде Васильевне теперь говорила, – писал Мамин-Сибиряк, – практическая отцовская жилка, и вместе с тем она увлекалась грандиозной картиной неравной, отчаянной борьбы с подавляющим своим численным составом и средствами неприятелем. Именно такая борьба была полна смысла, и для нее стоило жить на свете. Стыдно и позорно опускать руки именно в тот момент, когда дело уже поставлено и остается только его развивать»⁵.

Разность по времени осознания победного шествия капитализма в России у Привалова и Н.В. Бахаревой обусловлена конкретными и объективными, и субъективными обстоятельствами, а именно: знакомством с конкретными фактами развития экономики России, с реальными масштабами народнического движения и т.п. В этих условиях брак Привалова и Бахаревой свидетельствовал о том, что мировосприятие Привалова, пришедшего к выводу о том, что капитал – это такая силища, которую народникам не победить – возобладала, и концовка романа «Приваловские миллионы» убедительно свидетельствует об этом. Через три года в солнечные дни на Нагорной улице в Узле можно было встретить старика, который выводил из подъезда приваловского дома полуторогодовалого мальчика. Это был законный внук Василия Назарыча Павел Привалов⁶. Все это свидетельствует о том, что Мамин-Сибиряк уже в начале 80^х годов (роман вышел из печати в 1883 г.) признает победу капиталистических отношений в России. Это означает, что раз-

очаровавшаяся часть буржуазии, которая придерживалась народнических взглядов, примкнула к творчески работающей части капиталистов и стала заниматься в сфере общественно-политических отношений практикой «малых дел» и видеть в этом смысл жизни, разлитой в сфере обыденного сознания.

Наименее приспособленной частью господствующего класса России к деятельности в новых условиях свободного найма, которые установились в стране после реформы 19 февраля 1861 года, оказались крупные заводчики-феодалы, получившие заводы как дар от государства. К числу таких заводчиков на Урале принадлежали Демидовы.

Мамин-Сибиряк не видел лично П.П. Демидова, не беседовал с ним, не брал у него интервью, поэтому он дает отражение его мыслей на основе тех действий, которые тот предпринимал по управлению заводами. Деятельность П.П. Демидова в отличие от основателей данной династии уральских горнозаводчиков характеризовалась тем, что он переложил дела, связанные с управлением заводами, на свой аппарат управления. Сам предпочитал жить в свое удовольствие, которое он понимал широко, знал в этом толк и занимался им постоянно. Приехав на уральские заводы и находясь здесь в течение трех недель, П.П. Демидов в дела заводоуправления не вникал, производственных цехов и рудников не посещал, реформированием условий труда и быта пятидесятитысячного населения горного округа (ему принадлежало 11 заводов – В.С.) не занимался. Смысл жизни П.П. Демидова, который изображен в романе Мамин-Сибиряка «Горное гнездо», сводится к ее гедонистической функции. Удовольствие – вот то, что представляло интерес для П.П. Демидова. Ради этого удовольствия, ради создания видимости его участия в управлении Уральскими горными заводами он приехал на Урал.

Многотысячные массы народа ждали от него решения своих насущных задач, оформления новых условий найма для работы на заводах, справедливого решения земельного вопроса. Однако всем этим П.П. Демидов предпочитал не заниматься. Когда же новизна и занятость комплекса предложенных ему удовольствий стала истощаться, он внезапно уехал в Петербург. Мамин-Сибиряк писал об этом так: как барин Павел Павлыч ни с чем приехал на Урал и ни с чем уехал, предоставив обновление дела своим приспешникам⁷. Все обновление, которое коснулось уральских заводов в результате посещения их П.П. Демидовым, свелось к неизбежному сокращению рабочих и служащих, а с другой – прибавили крупной сошке жалованья,

а дело так и осталось на прежнем положении. Центральную роль в разрешении противоречия между рабочими демидовских заводов и заводоуправлением сыграла Уставная грамота, которая должна была сформулировать условия разрешения земельного вопроса на заводах. Эта грамота, представлявшая «перл канцелярской казуистики», была составлена Я.С. Колногоровым, помощником управляющего Тагильскими заводами, отца М.Я. Алексеевой – первой жены Д.Н. Мамин-Сибиряка. Писатель позаимствовал у него ряд черт для создания образа Родиона Антоновича Сахарова, а в образе Раисы Павловны Горемыкиной были отражены некоторые стороны характера М.Я. Алексеевой. В характеристике, данной П.П. Демидову в очерке «Один из анекдотичных людей», Д.Н. Мамин-Сибиряк писал, что как человек, как тип П.П. Демидов является крайне сложным явлением, выработавшимся под давлением совершенно исключительных условий истории уральского горного дела.

Под этими «сложностями» мы должны иметь в виду противоречия между теми знаниями (технологическими и социальными), которые П.П. Демидов получил в университете, и теми, которые действительно были необходимы для оптимального руководства Тагильскими заводами. В результате П.П. Демидов, а в романе «Горное гнездо» Е.К. Лаптев, вынужден все дела, связанные с решением вопроса о переходе от крепостного труда к вольнонаемному, перепоручить генералу М.Г. Блинову, в действительности профессору и генералу Добровольскому, который в 1864 году выпустил специальную книгу о поездке с Демидовым на Урал⁸.

Роман «Горное гнездо» был напечатан в демократическом журнале «Отечественные записки» в 1884 году, причем редактор журнала М.Я. Салтыков-Щедрин очень хвалил роман и торопил писателя с присылкой его окончания. В результате этого писатель ускорил доработку романа, и это позволило завершить его публикацию, несмотря на то, что апрельский номер журнала был последним.

Большое внимание в романе Мамин-Сибиряк уделил интеллигенции. Лавровская теория о долге интеллигенции народу дается здесь в резко сатирическом ключе. Интеллигенты разного уровня образования, культуры, знаний, производственного, практического опыта показываются в романе преимущественно с одной, а именно, – критической стороны.

Д.Н. Мамин-Сибиряк, с одной стороны, давая такие резко сатирические зарисовки образа жизни, поведения, характери-

стики служебных отношений, желает, чтобы этого не было, чтобы интеллигенты исправились, думали о будущем народа и страны, работали бы напряженно для этого будущего. С другой стороны, он проникнут значительной долей пессимизма. Он не верит, что это так и будет в действительности.

С ядовитой иронией, желчным сарказмом писатель пишет о продажности интеллигенции. Он уже не в духе Мартовских писем думает о выполнении интеллигенцией долга перед народом, а пишет о том, что она (интеллигенция) зорко смотрит вперед для того чтобы удачней выбрать хозяина, такого, который дороже, чем другие, оплатит ее услуги. Мамин-Сибиряк как бы хочет подчеркнуть культ золотого тельца, а не выполнение долга перед народом – вот что маячит на горизонте перед российскими интеллигентами и определяет направленность ее деятельности, ее служебного рвения. В романе «Горное гнездо» это подтверждается словами М.Г. Блинова о том, что он продался Лаптеву как рабочий, но не продавал ему своих убеждений. Генерал (он же профессор – В.С.) не замечает, что этой фразой он выдает себя с головой, что если он продает Лаптеву свой труд, следовательно, он не противоречит его убеждениям, а последние составляют его часть.

Мамин-Сибиряк предоставляет Блинову все возможности для того, чтобы развернуть его аргументацию до конца, но лишь для того, чтобы вслед за тем обрушить на него разоблачительную речь В.К. Прозорова. «По мере увеличения силы заводовладельца будет возрастать благосостояние его рабочих, – размышляет М.Г. Блинов. – Логика самая простая: лучше заводам – лучше заводладельцу и рабочим, тем более, что с расширением производства будет прогрессировать запрос на рабочие руки». На это Прозоров возражает: «Ты продал душу черту, то есть капиталистам, а теперь утешаешься разными софизмами. Ты хочешь затянуть мертвой петлей десятки тысяч людей во имя своих экономических фантазий. Иначе я не могу назвать твоей системы... Что это такое, – пытается дать оценку теории Блинова В.К. Прозоров, – вся эта ученая галиматья, если ее разобрать хорошенько? Самая некрасивая подтасовка научных выводов, чтобы угодить золотому тельцу».

Мамин-Сибиряк не только дискредитирует теоретическую беспомощность генерала Блинова устами Прозорова, но он придает последнему статус самого остроумного и злоязычного человека в романе, острого словца которого опасаются самые умные герои романа. Натравленный Вершининым на метрессу генерала Блинова, Виталий Кузьмич охарактеризовал ее как

«зубочистку с музыкой», которую он не любит. Разгневанная болванка метнула молнию в сторону генерала, считая, что «дерзость Прозорова» против нее была делом «не кого-нибудь другого», а Раисы Павловны. Она была отдана на посмеяние этим дурам, благодаря «умению» генерала поставить себя в обществе. За это, конечно, Нина Леонтьевна отомстит одновременно и Прозорову, и Блинову. Первого она уберет с работы, а второго тем, что сделает это руками генерала.

Наибольший обличительный заряд против интеллигенции писатель также вложил в уста пьяницы В.К. Прозорова, которые он произносит в будуаре Раисы Павловны в конце романа. «Вы думаете, царица Раиса, я плачу о том, что Лукреция будет фигурировать в роли еще одной жертвы русского горного дела – о нет! Это в воздухе; понимаете, мы дышим этим... Проституцией заражена наука, проституция в искусстве, в нарядах, в мысли, а что же можно сказать против одного факта, который является ничтожной составной частью общего «прогресса». Не об этом плачу, царица Раиса, а о том, что Виталий Прозоров, пьяница и потерянный человек во всех отношениях, является единственным честным человеком, последним римлянином»...⁹ В уста Прозорова Мамин-Сибиряк вложил в сжатом спрессованном виде не только обличительную тираду против современного наступающего беспощадного капитализма, но и перечень тех мероприятий, которые на первых порах могли бы хоть как-то заштопать дыры в деятельности Кукарского заводоуправления. «Господи, – восклицает он, – какое время, какие люди, какая глупость и какая безграничная подлость!»! Ее он видит в том, что «Тетюев с Родькой теперь совсем подтянут мужиков, а генерал будет конопатить их подлости проституированной ученостью... Я вчера шел по мосту, – продолжает свою обличительную филиппику Прозоров, – там сидит здоровенный мужик с выжженными глазами... Ему на заводской работе в горе выжгло глаза, и он сидит пятнадцатый год нищим на глазах у всех, и Кукарское заводоуправление пальца не разогнет для него. Да это что! Ничтожная пылинка, одна капля в море... Это только иллюстрация к тому, что мы должны были сделать и не сделали. В Кукарских заводах нет даже богадельни для престарелых, нет пенсий изработавшимся и увечным, нет приюта для сирот... Конечно, все это филантропия, но и филантропия лучше той мутной воды, какую разводит генерал Мирон (Блинов – В.С.)».

Обличительный пафос Прозорова своим острием обращается против попытки генерала М.Г. Блинова доказать правиль-

ность его теории о гармонии интересов хозяев и рабочих. «Посмотрите, какой разврат царит на заводах, – восклицает Прозоров, – какая масса совершенно специфических преступлений, созданных специально заводской жизнью, а мы... Наука, святая наука, и та пошла в кабалу к золоту тельцу!» Прозоров уверен, что капитализм прочно утвердился на русской земле: «И вашему царству, царица Раиса, не будет конца... Будьте спокойны за свое будущее – оно ваше»¹⁰.

П.В. Быков считал, что монолог Прозорова – это крик наболевшего сердца самого автора, преисполненного скорбного пессимизма¹¹. Видимо, «из цензурных соображений» писатель вложил тезис о том, что смысл жизни и служебной деятельности интеллигенции заключается в том, чтобы пойти на службу капиталу, в уста пьяницы В.К. Прозорова. Не забудем, что окончание романа печаталось в последнем апрельском номере журнала «Отечественные записки» за 1884 г., разрешенного цензурой. Эта служба капиталу в романе изображается не как служба чему-то достойному, а, наоборот, как служба человеку, который представлял собой типичный образчик вырождения. Не честность, не ум, не дарование ценит заводчик в своих подчиненных, в заводских служащих, представителях уральской интеллигенции, а только умение угодить своему хозяину, обратиться на себя его внимание какой-нибудь удачной шуткой, из ряда вон выходящим кушаньем. Секретарь заводского заводоуправления, подленький холоп, вдруг выползает вперед потому, что для развлечения барина изобретает какую-то татарскую борьбу, а старший лесничий удостоивается благодарности растроганного набоба за то, что на закуску подал ему маринад из губы лося. И вся орава крупных и мелких паразитов занята только тем, чтобы развлечь скучающего набоба. Они поняли, что разбудить внимание хозяина заводов относительно заводских дел, вопросов, касающихся улучшения производства – невозможно. Об этом, в частности, свидетельствует прощальное письмо Лаптева Прейну, в котором он просит передать генералу Блинову, что он во всем полагается на них и «вперед» заявляет о своем полном согласии «на все», что они сделают для заводов¹².

Все содержание романа «Горное гнездо» – это приезд набоба Лаптева на Урал, ухаживание за ним, интриги, связанные с этим, жестокая борьба соперничающих негодяев проходят перед читателем красной феерией, переходящей порой в комедию и кончающейся веселым фарсом, когда набоб внезапно, никого не предупредив, уезжает из своего царства, оставив и

крестьян, ждавших его как Бога, и земцев, ждавших его для решения хозяйственных и других важных вопросов, и всю горнозаводскую администрацию с разинутыми ртами и с болью разочарований и обманутых надежд¹³. В раскрытии этих положений заключается содержание романа, смысл жизни заводчика Е.К. Лаптева, который дается писателем в резко шаржированном виде, в соответствии с этим и служебная функция интеллигенции изображается так же в резко критическом плане.

После отъезда Лаптева в Петербург за ним потянулся длинный обоз его прихлебателей, чиновников разного уровня от генерала М.Г. Блинова и его пассии Нины Леонтьевны до Раисы Павловны Горемыкиной с Лушей. Поскольку намечавшийся роман Лаптева с Лушей составлял одну из центральных композиционных линий романа «Горное гнездо», которая затем переходит в увлечение Луши Прейном, писатель намеревался показать, как будут складываться их отношения в дальнейшем в период жизни Луши в Петербурге.

Через два года Мамин-Сибиряк написал новый роман «На улице», вышедший отдельным изданием под заглавием «Бурный поток». В критике того времени данный роман был оценен как явственное продолжение «Горного гнезда». Основанием для такого суждения явилось то, что в новом романе писатель как бы продолжает резко обличительную линию, высказанную в романе «Горное гнездо» В.К. Прозоровым Раисе Павловне Горемыкиной о том, что в современном обществе наука и искусство попадают в кабалу к золотому тельцу, и повсюду в обществе царит безграничная подлость.

На Прозоровском монологе построен сюжет романа «На улице». Перед читателем романа проходит галерея лиц, принадлежавших к миру петербургской улицы. Перед читателем проходит мир высокопробных дельцов, продажных представителей науки и печати. Эта петербургская улица со своей могучей властью представляет оживленный базар суеты, тщеславия, на котором по «сходной» цене покупаются дарования, честь, совесть, знания, настойчивость, т.е. человеческие качества, которые нужны крупным капиталистам. Этот рынок существует для широкого использования капиталов этого рода. Он, как язва, действует на талант, на все выдающееся и имеющее цену в данном обществе.

Мамин-Сибиряк выводит в этом романе на свет и непорядочных, и положительных людей, подпавших под власть улицы. Литературовед И. Дергачев в монографии, посвященной творчеству Мамина-Сибиряка, проводит идентификацию дей-

ствующих лиц романа «Горное гнездо», которые под другими фамилиями перебрались в роман «На улице» и действуют в нем. Раиса Павловна фигурирует здесь под именем Калерии Ипполитовны, Тетюев действует под фамилией Богомолов, Прейн стал Мороз-Доганским, а Луша – Сусанной¹⁴. Таким образом, в романе, с одной стороны, перед читателем проходят лица из «Горного гнезда», а с другой – представители улицы. Первая тема осталась недоконченной, а вторая только затронута. Этот композиционный просчет автора романа сказался на отношении к его оценке со стороны Мамина-Сибиряка. Он оценивал его не слишком высоко.

Яркие и выразительные фигуры – действующие лица романа «Горное гнездо», попав в Петербург, «поблекли». Они стали теперь не вершителями народных судеб, представителями «улицы». Власть улицы основывается на господстве рыночных отношений. Одним из центральных действующих лиц романа «На улице» является журналист Покатилов. Его активная натура постоянно ищет нового дела. Он мечтает о создании собственного большого печатного органа. Мороз-Доганский нуждается в печатном органе, поэтому он дает Покатилову деньги на газету. Газета «Северное сиянье» сразу приобретает известность, подписка на нее растет, а Покатилов пожинает лавры, сделавшись завоевателем улицы. Однако все это продолжается недолго, Мороз-Доганский разоряет Покатилова и кончает жизнь самоубийством. С помощью своей красавицы-жены Мороз-Доганский обобрал Теплоухова (в «Горном гнезде» Лаптева), человека не совсем нормального. После скоропостижной смерти Теплоухова возбуждается процесс, в котором Покатилов оказался на скамье подсудимых за подложный вексель, здесь же оказалась и Сусанна Мороз-Доганская, в которую давно влюблен Покатилов. Прекрасная пара, соединившись, отправилась в Сибирь. «Улица скушала их»¹⁵. Улица скушала так же и Чвокова, талантливого экономиста.

Общество стало бесстыдным рынком, и в нем Сусанна сознательно обменивает свое женское обаяние и красоту на обеспеченную жизнь, на поклонников, власть. Сусанна «На улице» получила фактически все, о чем мечтала Луша. Однако именно здесь она обнаружила внутреннюю пустоту такой жизни, кажущуюся издали такой привлекательной, такой манящей.

Буржуазный быт, представляющийся ярким, устойчивым, дающим личности всю полноту возможностей, при вступлении в него быстро приоткрывает свою исчерпанность, враждеб-

ность человеку и человечности.

В романе «На улице» это выражается в том, что Сусанна задыхается в атмосфере лжи. В результате получается, что человеческие чувства, и среди них самое светлое – любовь, приносятся в жертву золотому тельцу, и это, в конечном счете, приводит к несчастью. Между целью жизни, как частью ее смысла, и достигнутым результатом получается противоречие, которое является следствием несоответствия цели тем средствам, которые избираются для ее достижения. Неадекватные цели средства деформируют саму цель. И это касается не только семейных, межличностных отношений, но отношений между большими группами людей: социальными слоями, классами и т.п.

Экономист Нилушка Чвоков в беседе с Покатиловым так определяет свой смысл жизни, замечая в нем противоречия и несообразности: «Я живой человек... человек живого дела, ну и приходится служить подлецам, потому что честного дела у нас нет... Нужно дело, а его нет, вот и путаешься с подлецами... деваться-то некуда умному человеку. Много нас таких ученых подлецов развелось. Время такое, братику. Пока умные да честные люди хорошие слова разговаривали, подлецы да дураки успели все дела переделать».

Здесь повторяется многократно звучавшая на страницах народнической печати того времени мысль о том, что пока передавая интеллигенция дебатировала вопросы об идеале будущего общественного строя России, о путях дальнейшего развития страны, о формах «сознательной работы» во имя прогресса – в России успел установиться капитализм. И он диктует действующим лицам литературных произведений формы поведения. Таким образом, в романе «Бурный поток» («На улице») Мамин-Сибиряк вновь повторяет тезис о невозможности победы в России народнического социализма, поскольку в ней уже победили и установились капиталистические общественные отношения.

В этих условиях смысл жизни российская интеллигенция, во всяком случае ее подавляющая часть, видела в том, чтобы служить деятелям новой установившейся общественной формации, какими бы они не были глупыми, если следовать той оценке их интеллектуальных качеств, которыми их наделял Нилушка Чвоков, у которого, по свидетельству сотрудника газеты «Искорки» Семена Гавриловича, был не ум, а «какое-то дикое счастье». Капиталистическая улица переделывала все, что на нее попадает.

Если в романе «Бурный поток» изображены интеллигенты и дельцы петербургского света, то в романе «Золото» Мамин-Сибиряк показывает жизнь старателей, рабочих и низших служащих приисков Урала. Разведанные к тому времени (вторая половина XIX века) минеральные богатства края были очень велики: это не только громадные залежи высококачественных железных руд, но и редких драгоценных металлов золота, алмазов, платины, драгоценных камней, малахита и др.

В романе «Золото» Мамин-Сибиряк показал читателю живописные, насыщенные драматическими коллизиями, картины развития уральской золотопромышленности. Это были действительно картины человеческой алчности, сопровождающейся всеми ужасами межчеловеческих отношений, которые имели место при добыче драгоценного металла. Действие романа разворачивается на Балчуговской и Кедровской дачах, где старатели «лезут из кожи», и хищничество доходит до того, что человеческая жизнь по отношению к золоту обесценивается. Писатель разворачивает перед читателем картины золотой лихорадки в духе тех, которые имели место на золотых приисках Аляски и Калифорнии, получивших бессмертие под пером Джека Лондона.

Пароксизмы золотой лихорадки были вызваны снятием казенного запрета с громадной золотоносной Кедровой дачи, богатой золотыми россыпями. «Довольно жадничать казне! – раздался клич среди золотоискателей Балчуговской дачи – теперь над добычей золота может трудиться всякий, кто хочет».

Золотая лихорадка сводит с ума самых способных людей, когда они начинают чувствовать близость счастья, перед которым все преклоняются, - близость золота. Оно радикально развращает население, занимающееся добычей золота. Самые стойкие, самые выдержанные люди живут «как мотыльки» на огне, «опаленные ядовитым дыханием золотого молоха»... А в результате этой неистовой лихорадки рушатся устои старой патриархальной семьи, золотостаратели воруют друг у друга, звереют в атмосфере легкой добычи и, в конечном счете, в большинстве своем, остаются ни с чем, проживая свои нечестно нажитые «прибытки».

Писатель раскрывает в романе положение старателей после отмены крепостного права. Мансветовская компания, владея землей, заставляет старателей отдавать золото по цене, назначенной ею. Однако старатели пытаются получить за свой труд больше, отсюда появление скупщиков золота (Ястребов, Каблуков), которые платят за золото дороже, чем компания.

Мамин-Сибиряк показывает, что золотоискательская артель – это отнюдь не форма народной промышленности, как утверждали народники. Артель Кишкина точно также эксплуатируется компанией, как и рабочие предприятий. Доход компаний вытекает из ее права на землю, из-за чего она получает колоссальную прибыль. Старатели, видя существующее кругом неравенство, стремление одних людей нажиться на труде других, сознательно переносят эти отношения внутрь артели. Ее расслоению способствует также неравенство вложенных в нее средств. Писатель фактически вскрывает капиталистическую природу кооператива тружеников, показывая артель как групповую форму собственности со всеми присущими ей недостатками.

Под давлением крупного капитала обозначился процесс расслоения старателей на две группы: на мелких хозяйчиков, перерастающих потом в крупных предпринимателей в результате эксплуатации труда кустарей и пролетариев, а также пролетариев, живущих продажей своей рабочей силы. Мамин-Сибиряк рисует старательскую артель не как идеальную форму народного производства, кстати, таким утверждениям и взглядам он отдал дань признания в 70^е годы, а как ту форму общественного хозяйства, в которую капитализм внедрил и создает в нем внутренний антагонизм.

В условиях капитализма мелкое артельное хозяйство не имеет ни устойчивости, ни перспективы. В каждом кустаре сидит «мелкий» Кишкин, стремящийся любым способом нажиться за счет других. Кишкин в романе Мамин-Сибиряка «Золото» рисуется как человек, который не имел своих денег. Он начал работу на деньги Кожина, Яши Малого, Матюшки и Мины Клейменого. Когда артель начала работать, Кишкин постарался избавиться от своих клиентов с тем, чтобы всю возможно большую прибыль присвоить себе и ни с кем не делить.

Большую роль в индивидуальной судьбе старателей, подчеркивал Мамин-Сибиряк, играли индивидуальные особенности и психология личности. Золото создавало возможности мгновенной наживы, однако особенности психологии личности сказывались при этом существенным, а чаще всего и решающим образом. Сам Кишкин с горькой укоризной вспоминает о том, сколько через его руки прошло денег, и куда они ушли¹⁶. Он их пропил и проиграл в карты. Легкость получения в случае «удачи» денег означала и «легкость» их ухода. И все это имело место среди серой, монотонной, заполненной тяжелым физическим трудом жизни.

В условиях возможности легкой наживы по-разному проявляется понимание ими основных смысложизненных ориентиров. Они определяются целым комплексом свойств, сформированных предшествующими условиями труда и быта, семейного воспитания и условий труда, которые существовали в обществе. При крепостном праве прииск принадлежал заводчику, и старатели должны были работать на золотых приисках и получать за свой труд те гроши, которое обеспечивали самое скромное их существование. Пореформенная эпоха открыла перед старателями возможность личного обогащения, поскольку громадные площади, богатые жильным и россыпным золотом, поступили в продажу. В этих условиях старатели в одиночку или группами получили возможность приобрести золотоносную землю, развивать самостоятельное мелкое производство и сбывать намытое золото компании или скупщикам, в любом случае эксплуатируясь ими в большей или меньшей степени. В любом случае выхода из рамок капиталистической системы хозяйства для старателей не было. Понимание этих условий, а также разные психологические и социальные условия воспитания действующих лиц, изображенных в романе, обусловило их различные смысложизненные установки.

Управляющий приисками инженер Карачунский понимал, что для развития прииска, для повышения эффективности добычи золота нужны технические усовершенствования, нужно вложение денег, в то время как компании нужны только растущие дивиденды. Таким образом, Мамин-Сибиряк показывает, что угнетение не есть следствие дурной воли отдельных людей. Карачунский пользуется как и его предшественники незаконными доходами, но не столько из корысти, которой у него нет, а по традиции, в силу сложившейся системы общественных отношений. Его личная и служебная трагедия – свидетельство его нетипичности в складывающейся системе капиталистических общественных отношений. Писатель хотел этим показать, что такие люди как Карачунский в качестве управляющих золотыми приисками не годятся. Они недостаточно хищники и поэтому не выдерживают конкуренции с другими. Смысложизненные ценности Карачунского лежат не на магистральном пути общественного признания – личное обогащение, не считаясь ни с чем, а на индивидуально понимаемом гедонистическом удовольствии (любовь, охота и т.п.). Этим он выклинивался из поведения коллег своего круга и должен был уйти. Его самоубийство не свидетельство слабости, шаткости формирующихся в России капиталистических отношений, а, наоборот,

свидетельство их силы и бесчеловечности, свидетельство слабости и отсутствия общественного признания тех жизненных ценностей, которых придерживался Карачунский.

Сменивший его на посту управляющего золотым прииском инженер Оников в отношениях с рабочими придерживался других методов управления, и это вызвало их протест. Однако и он действует не по своей воле, а только более прямо и обнаженно выполняет веление самой системы, руководствуясь интересами компании, а не развития добычи золота на прииске. В противоречии между интересами развития производства и компании, заинтересованной только в росте его доходности, он становится на сторону руководства компании, а это узко понятые интересы сегодняшнего дня, в то время как правильно понятые интересы развития производства – это дальновидное понимание растущих дивидендов и необходимое условие их роста.

Одно из центральных мест в романе занимает большая семья Родиона Потапыча Зыкова. Он прошел суровую школу труда, сумел подняться до должности штейгера. Родион Потапыч любит свой труд. Новые общественные отношения «вольного найма» ему понять трудно. Он не принимает распад привычных ему нравственных понятий. Смысл жизни он видит в работе, которая представляется ему основой твердости, устойчивости среди окружающего его распада семейно-нравственных и производственных отношений. И только когда он осознает всю силу развращающего влияния наживы, когда он видит, что золото ведет к убийству, он затопляет шахту, которой было отдано столько труда.

Смысл жизни Родион Зыков видит в труде и в порядке, больше он не задумывался ни о чем. Его семья под влиянием капиталистических общественных отношений распадается. Жажда урвать побольше разводит членов семьи в разные стороны. Бабушка Лукерья становится стяжательницей, приманивая на внучек приисковых богачей. А ведь когда-то она была праведницей. Дочь Зыкова Марья использует свои способы для добывания денег. Дочь Зыкова Феня, убегом вышедшая замуж за кержача Кожина, возвращена домой. Она живет у бабушки Лукерьи, а затем становится любовницей Карачунского. Кожин изводит свою новую жену и за ее истязательства идет на каторгу. После смерти Карачунского Феня отправляется с Кожиным.

Колоритной фигурой, поражающей воображение своим цинизмом и бесчеловечностью, является личность кабатчика Ермошки, который периодически изводит свою жену Дарью,

напоминая ей постоянно, чтобы она поскорее умерла, и чтобы он мог пожить «в свое удовольствие». Не ограничиваясь этими напоминаниями, он бьет ее «смертным боем» с тем, чтобы приблизить ее конец. В основе таких межлических отношений лежит тлетворная и все развращающая власть золота, именно оно дало возможность Ермошке внезапно обогатиться и стать кабатчиком. А отсюда у него, при отсутствии соответствующей культуры, возникло желание приобрести молодую жену и реализовать идею «пожить в свое удовольствие», в чем он видит смысл жизни.

Драматические коллизии, развертывающиеся по поводу приобретения драгоценного металла, потребовали от автора романа соответствующей системы изобразительных средств.

Стремление передать возможные способы понимания и оценки действительности на уровне обыденного сознания порождает особенность стиля романа. Мамин-Сибиряк воспроизводит голоса жизни, поток устной речи. Это впечатление усиливается тем, что в словах автора постоянно обнаруживаются вкрапления стилевых примет речи персонажей, относящихся к простонародной среде¹⁷. К числу таких «вкраплений» относится образ «золотой свиньи», в существование которой рабочие «глубоко верили». «Золотая свинья» – это образ, созданный народной фантазией, которым народ показывал свое двойственно-противоречивое отношение к драгоценному металлу: с одной стороны они не прочь были бы ею завладеть, а с другой – это нечто такое, что находится за пределами их реальных возможностей. Поэтому отношение рабочих к термину «золотая свинья» ироничное в своей основе. Здесь проявилось интуитивное постижение народом того негативного, что таилось в добыче золота.

В артели, организованной старым чиновником Кишкиным, «золотая свинья» никому не попала в руки. Здесь возникли свои противоречия; они были связаны с тем, что у членов артели появился страх, заключавшийся в том, что кто-то кого-то будет обманывать, кому-то достанется больше золота. Все это расшатывает артель и, в конечном счете, все заканчивается катастрофой. Золотая сила перевернула вверх дном всю жизнь людей в романе Мамин-Сибиряка «Золото». Под ее страшной пятой, под действием магической силы золота совершилось страшное растление нравов, люди перестали быть людьми, озверели, стали подлецами, готовыми на всё.

С одной стороны, в романе Мамин-Сибиряка «Золото» показана реальная жизнь, существовавшая на золотых приис-

ках Урала того времени, с другой, – она такая трагичная и не характерная для других производств края того времени потому, что золото создавало такую возможность обогащения, как никакие другие виды производства. Поэтому рабочие не выдерживали «искуса» возможности видимого обогащения и нравственно разлагались.

Роману «Золото» в творчестве Мамина-Сибиряка предшествуют очерки приисковой жизни «Золотуха», которые были опубликованы в демократическом журнале «Отечественные записки» № 2 за 1883 год. Мамин-Сибиряк очень гордился этим произведением и неизменно включал его во все последующие собрания своих сочинений. «Непривлекательные стороны приисковой жизни» в очерках приводятся писателем «без всяких прикрас и без пощады». Писатель подчеркивает, что «на прииске, рядом с каторжным трудом и грошовыми заработками, царили пьянство и разгульная жизнь».

Зарботки старателей, – подчеркивал писатель, – пожалуй, и окупали бы скромные потребности их быта, но они носили слишком неопределенный, случайный характер, так что даже большие получки являлись только дикой копеечкой, которая шла не на пользу хозяйству, а вела к его разорению. Человек, который безрассудно, не жалея, расходовал свои физические силы, должен был хоть чем-то вознаградить себя за постоянные лишения, за вечные голодовки и холодовки. В этих условиях водка являлась неотвратимым следствием целой системы роковых причин. Разгульная приисковая жизнь в своем основании главным образом обязана была пришлым бессемейным старателям. «Эта толпа оборванцев, – писал Мамин-Сибиряк, – разносила по приискам ту же заразу, какая процветает на всех фабриках, заводах и промыслах». «Пьянство и разврат, – продолжает критические размышления писатель, – дети одной матери, имя которой – нужда».

Писатель подробно разъясняет, что старательский способ добычи золота – самый дешевый, «и никакие машины не в состоянии будут конкурировать с человеком, которого заставляет работать крайняя нужда».

Мамин-Сибиряк показывал в очерках, что те условия, которые были созданы после отмены крепостного права и с переходом к частной золотой промышленности, являлись неудачной попыткой разрешения вопроса о «золотом деле». Эти условия так регламентировали добычу золота, что «загораживали» дорогу старателю самостоятельно заняться добычей золота. Зато они открывали дорогу крупному капиталу, круп-

ным собственникам, которые наживались на даровом труде старателей.

Писатель делает вывод: из всего добываемого в России золота 70 % добывается старательским путем, и только 30 % – механической промывкой. Дешевый труд старателей делает экономически невыгодным применение машин. Мамин-Сибиряк производит экономические выкладки, которые сводятся к тому, что за каждый золотник сдаваемого государству золота старатель получает максимум 2 рубля, а крупный золотопромышленник сдает его государству за 5 рублей, следовательно, капиталист имеет с каждого сдаваемого золотника золота 3 рубля. В России в 1880 году было добыто 2641 пуд золота, 70% из них составили 1848 пудов золота, добытых старателями.

От этого количества золота, считал Мамин-Сибиряк, золотопромышленники отложили себе в 1880 году довольно крупную сумму в 21.288.960 рублей. Несомненно, что такая арифметика не могла не вызвать одобрения редактора «Отечественных записок» М.Е. Салтыкова-Щедрина, а его позиция являлась окончательной и решающей при определении вопроса о публикации соответствующих материалов в журнале.

Мамин-Сибиряк в серии своих романов освещал разные истории общественных отношений, связанных с развитием промышленности края. Последним большим романом, посвященным развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве Зауралья, был большой роман «Хлеб», впервые опубликованный в восьми номерах «Русской мысли» за 1895 год. Это уже не царство золота, меди, железа, самоцветов – это богатырь совершенно иного рода – степное Зауралье. Роман «Хлеб» связан с окончательным переломом в экономической жизни хлебородного края. Еще дремали черноземные равнины у подошвы седого насупившегося старца Урала, но пришел благодетельный муж капитал и разбудил их.

Перед нами богатейшая зауральская житница, население которой совершенно не знало крепостного права, и экономическая жизнь края развивалась естественным путем, минуя всякую опеку и покровительственное вмешательство. Уральское купечество сплавляло по реке Ключевой баржи с хлебом, которые шли из Зауралья и Оренбургских степей. Торговля хлебом сосредотачивалась в городе Заполье, находящемся в низовьях реки Ключевой – главной артерии Зауралья, в котором осело «крепкое хлебопашенное население». Благодатный зауральский чернозем давал баснословные урожаи, не нуждаясь ни в

каких удобрениях. У народа было всего в достатке – и земли, и хлеба, и скотины.

Этот благодатный край привлек внимание писателя, посвятившего ему свой большой последний роман. Возникает вопрос: почему он это сделал, чем привлекло его к себе именно Зауралье?

Либеральная печать России того времени утверждала, что главной причиной отставания сельского хозяйства страны и периодически повторявшихся голодовок крестьян является безземелье, как следствие крепостничества и отсутствия культуры земледелия. Отсюда делался вывод о необходимости свободного и беспрепятственного развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве.

В романе Мамин-Сибиряка «Хлеб» местом действия было избрано Зауралье, которое не страдало от безземелья, не знало ни помещиков, ни пережитков крепостничества. Здесь рисовались процессы всепоглощающего проникновения капитализма во все сферы деревенской жизни и голод, как следствие этого проникновения. Такую идею, необычную для того времени, не признавали многие интеллигенты, считающие себя передовыми. Действие романа развивается по следующему сценарию: в застойную провинциальную глушь Зауралья приезжает Михей Зотыч Колобов с сыновьями. Он хочет завоевать хлебный рынок Зауралья. Для того, чтобы прочнее осесть на новом месте, он считает необходимым женить своего сына Галлактиона на дочери купца Малыгина. Прототипом Михея Колобова был Климентий Константинович Ушков, который действительно основал крупное мукомольное производство в долине реки Исети, откуда хлеб широким потоком пошел на всероссийский рынок. Сын Ушкова Михаил развивал промышленность края, а Савва, близкий многими чертами Симону, был мечтателем, человеком неуравновешенным¹⁹.

Завязкой романа Мамин-Сибиряк считал быстрое вторжение капиталов в хлебное Зауралье. События в романе развиваются в двух планах: общие социальные процессы и действия отдельных людей, использующих эти процессы на пользу себе или разоряемых ими. В романе хлебный рынок быстро подметает всю пшеницу, и один неурожайный год ставит край перед тяжелейшим испытанием.

Писатель рисует смену старых купеческих торгово-промышленных фирм новыми банковскими, порождающими, с одной стороны, большой размах, а с другой – меньшую гуманность, поскольку «зло обезличивается». Купечество Заполя

разоряется. На первый план выдвигаются новые дельцы, люди образованные, «но без души». Такими в романе рисуются адвокат Меньшиков, коммерсанты Ечкин, Штоф и др.

Мамин-Сибиряк считает, что постоянное расширение производства диктуется конкурентной борьбой. Михею Колобову казалось, что ему достаточно одной мельницы, что ее размеры обеспечивают необходимые масштабы хлебных операций. Однако наступил такой момент, когда вести дело, не вкладывая новых капиталов, уже невозможно. Старый Колобов обращается за банковским кредитом и терпит крах.

Предпринимательская деятельность рисуется Маминым-Сибиряком, как носящая «отчужденный характер». Делец «новой формации» Б.Б. Стабровский наживает огромные капиталы на винокурении, на спаивании крестьян. Писателя поражило противоречие между грабительским характером деятельности подобных дельцов и их личной культурой, образованностью, пониманием искусства. Культура Болеслава Брониславича Стабровского не противоречит его деловому кодексу дельца. Наоборот, она служит для него определенным средством для подыскания новых форм деловых отношений. Культура позволяет ему также видеть дальше других компаньонов, находить дополнительные пути решения деловых вопросов, чего не могут делать дельцы, не знающие ее. Благодаря культуре он выбирает такие решения, которые не являются окончательными, чтобы не портить отношения с коллегами по бизнесу, которые ему в будущем могут пригодиться. Культура – это дальнбойное орудие в бизнесе.

Система капитализма, как форма организации общества, естественно, бездушна. Но она действительно зависит от того, какого образования и культуры люди будут ею руководить. В.Д. Боборыкин прав, считая, что умные купцы будут по-доброму вести свои дела. Критический запал Д.Н. Мамин-Сибиряка против капитала вызван воспитательными целями. С особой наглядностью это видно на судьбе Галактиона Михеича Колобова. Это центральная фигура романа Мамин-Сибиряка «Хлеб». В романе он тяготеет узостью масштабов своей деятельности. Он мечтает развернуться в полную силу своих возможностей. Последнее, как считает он, возможно только на путях частного предпринимательства.

Галактион Колобов успешно развивает свое дело. Однако здесь он не может остановиться. Каждая ступень его подъема по лестнице предпринимательских операций обнаруживает и раскрывает перед ним возможности для еще более широких

операций, требующих, правда, для своей реализации новых денег. В погоне за ними теряются представления о нравственных нормах. По отношению к обобранному им тестю он не чувствует никаких угрызений совести.

Когда Б.Б. Стабровский на его предложение заняться не водкой, а другим делом, ответил: «Что делать, сейчас вернее водки у нас нет дела», Галактион понимает это и начинает уже «терять сознание разницы между промышленным добром и промышленным злом. Это делалось постепенно шаг за шагом. У Галактиона начинала вырабатываться философия крупных капиталистов», заключающаяся в том, что «мир создан специально для них, а также для их пользы существуют и другие людишки»¹⁹.

Радуясь тому, как расширяется «дело», Галактион все чаще ощущал внутреннюю пустоту. В нем умирает человечность, вытесняемая «деловым духом». Зато его дело растет, ширится, становится все более масштабным. На деньги, предоставленные ему компаньонами в голодный год, когда цены на хлеб многократно выросли, он совершает операцию, обещающую ему прибыль в размере двух миллионов, а вместе с этим еще большие возможности действовать на хлебном рынке Зауралья. Но тут автор совершенно неожиданно для читателей выносит в финал романа самоубийство Галактиона. Этот конец героя не является логическим завершением его эволюции. Галактион Колобов поработан той силой денег, которая нужна была ему не сама по себе, а как средство и способ ничем не урезанного проявления собственных сил. Однако эти силы по мере его деловых успехов внутренне нравственно подтачивались и таяли, становились все более уязвимыми.

Смерть Галактиона Колобова в этом смысле не кара за совершенные грехи, а награда за перенесенные страдания и битвы в сфере коммерческих отношений. Именно они надломили и сломили его. Мамин-Сибиряк выбирает единственно возможный путь для того, чтобы сохранить герою «человеческое лицо». В том случае, если бы Галактион остался живым, в сознании читателей осталось бы впечатление потерь и утрат, ведущих человека к бесславию и к подлости.

Смерть же предполагает мгновенную вспышку озарения в сознании читателей, заключающуюся в понимании того, что не тому кумиру служил, не тем делом занимался. Именно это в какой-то мере примиряет читателей с Галактионом, вызывает у них мысли о возможной враждебности капиталистической действительности по отношению к человеку. Так можно объяснить

критический запал Мамина-Сибиряка против капитализма.

В конце романа появляется отец Галактиона, настроенный религиозно. Он приходит к сыну напомнить ему о «совести».

Подняв руку с раскольниковым крестом, он кричит хриплым голосом: «Если ты не боишься суда земного, так есть суд Божий... Ты кровь христианскую пьешь... Люди мрут с голода, а ты с ихнего голода миллионы хочешь наживать»...²⁰, и он предает сына проклятию. Упреки в том, что с чего бы Михею Зотычу Колобову, обходившемуся без особой совестливости всю жизнь, теперь вдруг вспомнить о ней, одновременно справедливы и нет. Дело в том, что масштабы наживы сына на страданиях голодных крестьян превзошли все, что мог предполагать отец Галактиона. И это вызвало состояние тревоги у отца за сына. Мамин-Сибиряк вводит в роман мотив морали, напоминает о связи человека с обществом узлами морали.

Совесьть – это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом. Но форма этого осознания такова, что она выступает как долг и ответственность человека перед самим собой. Руководствуясь личной совестью, человек судит свои поступки, а также поступки своих близких и, в частности, детей, за которых он как родитель чувствует определенную ответственность. Поэтому Михей Зотыч не вмешивался в дела своего сына до тех пор, пока предпринимательские акции последнего соответствовали его представлениям о деловом кодексе, который у него сформировался в процессе предшествующей предпринимательской практики.

Когда же он увидел, что дело вышло за эти рамки, что нарушены элементарные основы справедливости, он возмутился этим и откровенно высказал свое отношение к этим делам сына и предал его проклятию. Слова отца явились для Галактиона не причиной самоубийства, а скорее всего поводом, включившим давно замкнутый круг и придавший ему внутренний импульс и решимость.

С социальной точки зрения выступление отца против Галактиона представляет протест среднего купечества против финансовых и банковских воротил Зауралья.

Отлично понимая, какой дырявой является совесть у крупных капиталистов, писатель все-таки апеллирует к ней. Однако в отличие от народников, он не возлагает надежду на пробуждение в душах крупных предпринимателей чувства справедливости. Понятие совести в романе «Хлеб» стоит перед духовным взором читателя, оставаясь неопороченной ценностью, однако ценностью, хранящейся в запасах этической памяти, но

не осуществляемой сегодня в жизни.

Имейте совесть и поступайте по-человечески по отношению к простому народу, – хочет сказать крупным воротилам делового мира Мамин-Сибиряк. Однако желание повисает в воздухе, и прямого призыва в романе мы не находим. Это вытекает из двойственного понимания писателем значения совести в ходе развития общества. С одной стороны, совесть – это эффективное средство улучшения межчеловеческих отношений. И в этом смысле она не сказала да и вряд ли когда-нибудь скажет свое последнее слово. Ее значение по мере развития общества будет возрастать. С другой стороны, писатель убежден, что призывы к совести, обращенные к крупным капиталистам, пользы обществу не принесут. Это двойственное отношение писателя к функциональным свойствам совести привели к тому, что он художественно-тонко указал на совесть как на носительницу надежд на лучшее будущее родного края. И в этих надеждах на лучшее будущее писатель отводил нравственному критерию «совести» значительное место. В этом смысле сказывался известный утопизм его общественно-политических взглядов.

Рядом с капиталистами, идущими снизу вверх и пришедшими к краху, в романе «Хлеб» рисуются интеллигенты, которым Мамин-Сибиряк симпатизирует, хотя и не видит в них решающей силы общественного развития. Доктор Кочетов напоминает по своим инвективам, направленным против хищных акул финансового мира Зауралья, пьяницу Прозорова из романа Мамина-Сибиряка «Горное гнездо». Они бьют в точку, но не могут привести ни к каким изменениям.

Если в романах, кроме «Золота», которые мы выше рассматривали, Мамин-Сибиряк изображал в основном жизнь представителей господствующего класса, то в романе «Три конца», который был опубликован в «Русской мысли» в 1890 г., писатель изобразил народную среду в ее отношении к угнетающим силам. В романе «Три конца» дается восприятие рабочими типичного уральского завода реформы 19 февраля 1861 года. За Ключевским заводом легко угадывается Висимо-Шайтанский, а главный завод Мурманский – Нижнетагильский. «Три конца» – это роман о потоке жизни с ее социально-экономическими противоречиями, которые писателям рассматриваются в трех концах Ключевского завода: хохляцком, туляцком и кержацком.

Писатель признает, что крепостничество, как экономическая система, при которой подневольный труд создавал мил-

лионные богатства заводчиков, давно уже стал путами, которые сковывали дальнейшее развитие промышленности. Воля – вот что дает действительное движение сюжету. Оценка этого феномена различными группами населения отражает сложность понимания новых отношений и восприятие их, как преемственно связанных с крепостничеством. Все полны недоверия. Опасение, не упрячут ли волю управители и приказчики, сменяется размышлениями, как же теперь все повернется. После обсуждения манифеста о воле на заводе боялись говорить – кто знает, что еще будет?

Мамин-Сибиряк понимает, что личное освобождение – это шаг вперед. Это находит выражение в горячей речи Мухина о человеческом достоинстве, которое попиралось при крепостном праве. Однако скоро рабочие начинают понимать, что свобода от произвола занимает незначительное место в их жизни. Свободой сыт не будешь.

Общая оценка экономического положения завода и перспектив его развития после реформы находит выражение в размышлениях о действиях управляющих: здесь сталкиваются две точки зрения – старого крепостного управляющего Луки Назарыча, управлятеля Ключевского завода, получившего образование за границей, инженера Мухина из крепостных и дельца новой буржуазной формации Голиковского, который сменил Луку Назарыча.

Лука Назарыч – это практический знаток горного дела, а с другой стороны – это верный раб, охраняющий интересы господ. «Страшный самодур, державший в железных тисках целый горный округ», – говорит о нем Мамин-Сибиряк. Лука Назарыч не понимает новых задач социально-экономического развития, цепляется за старые крепостнические формы хозяйства. Все это ярко проявляется в его конфликте с Мухиным.

Мухин – крепостной инженер, знакомый с европейским опытом. Он понимает необходимость технического прогресса. Мухин ощущает свою ответственность за судьбы рабочих, стараясь принимать во внимание их интересы. Он считает, что крепостные отношения на заводах должны были пасть. Даровой крепостной труд необходимо заменить дешевым, машинным. Однако призывы Мухина практически ни к чему не приводят. Монопольное положение уральских горнопромышленников, наличие дешевой рабочей силы обеспечивало владельцам заводов крупные доходы и без всяких технических усовершенствований.

Луку Назарыча, не сумевшего сохранить заводовладельцу

прежние размеры прибыли, сменил инженер Голиковский. Главное, чем он характеризуется – это то, что основное внимание он обращает на формальную сторону дела – на канцелярские тонкости.

Определяющая черта Голиковского – полное безразличие к заводу и к людям. Голиковский фактически сохранил прежнее крепостное производство, не вводя коренных усовершенствований, стремясь системой штрафов, сокращений и прижимов поднять доходы владельцев. В разговоре с Мухиным он подчеркивает, что смотрит на рабочую силу как на всякую машину, и только. Каждая машина стоит столько-то и должна давать такой-то процент выгодной работы, а раз этого нет – я выкидываю ее за борт... Лучший пример для нас в этом отношении – Англия. А у нас рабочие массы страшно распушены, их необходимо субординировать.

Писатель подчеркивает в образе действий Голиковского резкое противопоставление интересов хозяев и рабочих, что подготавливало выход на дорогу открытой классовой борьбы.

Особенности экономического развития Урала находили свое отражение в персонажах романа. В характере заводских тружеников мы видим не только черты, присущие рабочему классу капиталистического общества, а также обусловленные остатками крепостничества. Именно вопрос о земельных наделах являлся одним из самых сложных и болезненных, долгие десятилетия волновавших уральское население. Кадровая армия рабочих считает заводской труд единственно возможным для себя трудом. По-иному мыслили свое дальнейшее устройство крестьяне из центральных губерний России. Им крестьянский труд представлялся более независимым и свободным.

Однако в противовес народнической теории Мамин-Сибиряк показывает, что возвращение к крестьянскому труду не вносит умиротворения, не освобождает человека. Инициатор переселения Тит Горбатый, как и многие другие, возвращается на завод.

Привязанность населения к заводу усадьбами, выгонами, сенокосными угодьями заставляет соглашаться на работу на любых условиях, а это приводит к понижению заработной платы.

Никакой поблажки рабочим, – заявляет Голиковский. Он угрожает рабочим, заявляя, что если им не нравятся новые порядки, то они могут уходить на все четыре стороны. Нищета заставляет женщин идти на работу, чтобы помочь семье. Рисую женский труд, сопряженный с двойной эксплуатацией, Мамин-

Сибиряк показывает, насколько освобождает женщину от власти косной патриархальной морали включение наравне с мужчиной в производство в капиталистических условиях.

Изменившиеся формы эксплуатации порождают новые формы борьбы, характерные для начального этапа рабочего движения. Доведенные до крайности люди прибегают к стачке. Верный своим принципам «субординации», Голиковский не стал пересматривать расценки, когда цены на корм скоту и хлеб резко повысились. Мужики крепились «до последнего», а потом Самосадка забастовала вся разом, как один человек. Это было сигналом для Ключевского завода и Мурмоса, где углеставщики и подрядчики тоже забастовали. Целый заводской округ очутился в самом критическом положении: если по зимнему пути не вывезти древесного топлива, то заводы должны приостановить свое действие на целый год, а это грозило убытками на сотни тысяч рублей. Забастовка носила поступательный характер и была связана с требованиями повышения оплаты.

Стачка при погрузке каравана представляет другой пример обострившейся классовой борьбы²¹. Наносится удар в самый решающий момент в самом решающем месте. Здесь прямого давления экономических обстоятельств нет, а есть уже сознание рабочими своей силы, против которой управляющему не устоять. Однако Мамин-Сибиряк не питал никаких иллюзий в отношении значения стачек в изменении положения рабочих Урала. Даже выиграв стачку, рабочие вынуждены уходить с завода в поисках заработков, их положение не улучшается. Перспективного выхода из этого кризисного состояния писатель не дает и не знает.

К заслугам писателя в романе «Три конца» следует отнести то, что в нем Мамин-Сибиряк не идеализирует старообрядчество. Если Мельников-Печерский идеализировал скиты, то Мамин-Сибиряк рисует скиты притонами, скрытыми от глаз людей, источниками всяческого безобразия и преступлений, а не пристанищами людей, гонимых за веру, хранителей «древнего благочестия». Быт раскольников пропитан «мертвым обрядом». Отношения между людьми в кержацкой среде пропитаны недоверием. Для кержаков, – писал Мамин-Сибиряк, – в быту характерен подход с «хитрецей» к любому вопросу. Все с «хитрецей» надо делать, выведать и обмануть. Эта хитрость находит выражение в уклончивом взгляде раскольников и находит свое выражение «в слащавом» раскольничьем говоре. Характерно, что при этом писатель нигде не сопоставляет раскол с

православием, не выступает с позиций православной экзегетики.

Основой старой веры писатель считал застой, неспособность к изменениям. Ощущая и понимая это, раскольникья молодежь начинает скептически относиться к «старой вере». Это находит свое отношение в браке туляков с кержаками.

Критическое отношение Мамина-Сибиряка к раскольникам нашло свое выражение и в том, что он не идеализирует те элементы протеста, которые содержались в расколе. Раскольники «допытываются» у Петра Елисеевича, будет или не будет земля принадлежать им. И обнаружив, что заводчик лишил их земли, они организуются для того, чтобы отсудить ее у Устюжаниновых. В основе этого протеста, подчеркивает писатель, лежит идея уравнительного землепользования, которая в будущем, при социализме сыграет определенную роль, облегчая большевикам процесс сплошной коллективизации.

Интересными и трагическими в конечном счете являются в романе нравственные поиски кержачки Агланды. Писатель показывает, что невозможно решение нравственных вопросов без изменения общественных отношений. Однако как их изменить, он не знал, хотя в романе «Без названия» пытался показать возможный вариант этого изменения.

Роман печатался в журнале «Мир божий» в 1894 г. Необычное название романа было результатом длительных размышлений писателя об особенностях тех справедливых общественных отношений, которые когда-то возможно установятся в России. Они представляются писателю «неясными». И само содержание данного термина в результате длительных размышлений привело к тому, что он решил дать роману такое необычное заглавие.

Роман «Без названия», будучи художественным произведением, несет в себе несомненный элемент «учительности», трактатности, публицистичности. «Без названия» – это социально-утопический роман, резко отличающийся от всего того, что Мамин-Сибиряк писал до этого.

Сюжет романа прост. Его герой Василий Тимофеевич Окоемов – человек высокой культуры, представитель старинной дворянской фамилии, почувствовал неприемлемость паразитического образа жизни, который был характерен для людей того круга общества, к которому он принадлежал. Порвав с этим обществом, он проходит школу труда и простым матросом прибывает в Америку, где составляет себе капитал. Деловые качества в этом человеке, желание заработать сочетаются с

убежденностью в необходимости жить для других.

Окоемов организует артель интеллигентов по эксплуатации золотых приисков на Урале. Рабочие на приисках, считает он, не будут подвергаться эксплуатации ни ими лично, ни теми «бесприютными» интеллигентами, которые составляют артель. Члены артели являются «пайщиками» и получают равные доходы. На дочерних предприятиях, на заводе по производству сельскохозяйственных машин и на сельскохозяйственной ферме рабочие также получают известный процент с «чистого дохода». Увлекательный пример приводит к тому, что возникают подобные «артели» в других местах России, причем писатель называет конкретные губернии.

Роман «Без названия» является романом-притчей. В конце романа Окоемов умирает, слушая чтение Библии маленькой девочкой. Она читает ему библейский сюжет, рассказывающий, что филистимляне уверены, что Самсону не расшатать колонн храма и не свернуть с пьедестала статуй их богов Дагона и Астарты. Он смог это сделать. Таким концом романа писатель утверждает значительность дела своего героя, его способность разрушить храм несправедливости.

В основе романа лежит народническая идея артельности, общего труда и равного распределения общественного продукта. В целом ряде романов уральского цикла, в которых он изображает общественные отношения, сложившиеся при крепостном праве, а затем модернизированные реформой 1861 года, писатель давал отрицательную оценку народническим идеям, он не верил в осуществимость народнической доктрины, показывая мощную силу капитала, который победоносно шествует по стране и утверждает свое господство. В романе «Без названия» он предпринимает попытку дать проверку некоторых теоретических положений народников от артельной жизни.

Основы мировоззрения Мамина-Сибиряка здесь остаются утопическими. Он исходит из предпосылок о том, что можно сочетать промышленное капиталистическое развитие России с отношениями сотрудничества и братства между людьми, которые проповедовали народники при условии сознательного отказа капиталистов от наживы, которая представляет ничем не ограниченную форму прибыли. Мамин-Сибиряк, очевидно, исходит здесь из Спенсеровской идеи о том, что «принципы распределения» могут быть изменены людьми. Конечно, могут, но, как правило, в сторону максимально возможного повышения прибыли, а не понижения ее. Последнее невозможно в силу конкуренции, экономической выживаемости предприятий. А

конкуренция – это основной экономический закон рынка, принципы которого лежат в основе капиталистического способа производства.

Как же добиться равенства людей – ставит вопрос в романе «Без названия» Мамин-Сибиряк и отвечает – это возможно через постепенное введение артельного производства. Артельное владение производством возможно на основе высокого нравственного сознания передовых людей. Писатель придерживается в данном романе утопических взглядов. Это выражается в утопичности надежды, заключающейся в том, а откуда возьмутся эти люди с высоким нравственным сознанием.

Роман Мамина-Сибиряка «Без названия» имел прогрессивное значение, так как в нем утверждалась идея свободного труда на благо общества. Писатель пытался заглянуть в будущее. Он утверждал, что путь к лучшему будущему лежит через труд, деятельность, он звал к трудовому подвигу, он пытался возвеличить людей сильной воли, активного действия, трудовой самоотверженности. В данном романе Мамин-Сибиряк воспроизводит поучительные заблуждения демократической интеллигенции 90^х годов XIX века, провозглашает гимн творческой трудовой силе людей. В романе «Без названия» писатель показывает, что только труд может и должен быть содержанием жизни человека, что только на его основе расцветают добрые чувства и отношения между людьми. Для Окоимова и людей его артели смысл жизни заключается в труде на благо общества, на благо других людей.

Выделив два верных принципа, которые должны быть присущи людям справедливого будущего общественного устройства, а именно, труд на благо общества, на благо других людей и идею нравственного добра, Мамин-Сибиряк вместе с тем указал утопический путь, неверную дорогу, ведущую к этому справедливому типу общественного устройства. Артельная форма хозяйства не может быть универсальной формой будущих общественных отношений. Она может быть только одной из этих форм. Крупное капиталистическое машинное производство не подходит под такую организацию труда прежде всего в силу своих масштабов – на крупных капиталистических предприятиях уже тогда в 90^е годы XIX века работали тысячи людей, которых невозможно было организовать, используя артельные принципы труда и производства.

В романах Мамина-Сибиряка, если говорить о них обобщенно, показаны два класса, две большие социальные группы: народ и уральские горнозаводчики, а так же богатые купцы.

Значительную прослойку уральского общества занимала уральская интеллигенция. Она была разной по своему образованию – и крепостнической, выслужившейся до административных постов, и получившей образование в странах Западной Европы. Она была преимущественно технически-административной. Гуманитарной интеллигенции на Урале было мало.

Интеллигенция в романе Мамина-Сибиряка изображается им в ее служилой роли. Она должна служить и служит хозяевам – таков был сложившийся тогда порядок общественных отношений, который, с одной стороны, препятствовал представителям интеллигенции проявить свои знания, технические навыки и способности, а с другой – этому препятствовали узкие рамки производственных отношений, обусловленные крепостным правом, а после реформы 1861 года – его пережитками.

Смысложизненные ориентации народа и господствующих слоев уральской элиты общества в романах Мамина-Сибиряка, естественно, были полярно противоположными. Смысл жизни народа в период существования в России крепостнических отношений определялся интересами его выживания.

Горнозаводской рабочий, независимо от того, какой он придерживался веры, православной или старообрядческой, какой он был национальности (русским, украинцем или башкиром), не имел возможности реализовать свои жизненные потребности и интересы. Он мог их реализовать только в очень урезанном виде. И только отдельные талантливые самородки, такие как Федот Якимыч в повести «Братья Гордеевы», выходили в люди. Основная часть жизни уходила у них на очень тяжелый труд в рудниках, в горячих цехах, в лесу на заготовке дров и углежжении и т.п. Рабочий день был продолжительным, а оставшееся свободное время у рабочего было занято домашними делами: заготовкой сена для скота, обустройством жилища, семейными делами. Редкие праздники сопровождались обильной выпивкой и выражением того, что наболело на душе: песнями, плясками, кулачными боями. Что касается выражения способностей человека в форме устного народного творчества, изготовления ручных поделок и т.п., то эти стороны проявления талантливости народа не имели специального освещения в романах писателя. Очень редко в его произведениях мелькнет образ народного умельца (слесарь Карпушка в повести «Братья Гордеевы» и др.).

Смысложизненные ценности основной части народа на горных заводах Урала в произведениях Мамина-Сибиряка изо-

бражаются как транслирование жизненного опыта своих предков при крепостном праве и как заметное оживление творческих потенций в пореформенную эпоху, что было связано с личной свободой и, следовательно, с возросшими возможностями самоутверждения и самореализации личности. Однако груз традиций и сохранившихся крепостнических пережитков способствовали консервации старых традиционных жизненных ценностей и, следовательно, старого полукрепостнического образа жизни. Все они были так или иначе связаны с проблемой возможности жить, обеспечить элементарное выживание.

Ценности социальной группы владельцев заводов были совершенно иными. На первом месте у них были ценности, связанные с приятным времяпрепровождением. Об этом мы узнаем, читая о проведении времени Е.К. Лаптевым на уральских заводах. Это и разного рода пикники на лоне природы, и охота, организованная заранее по всем правилам, обеспечивающая беспроигрышный результат, и торжественные встречи с заводской общественностью. Однако это было такое времяпрепровождение, что оно за три недели надоело Лаптеву, и он сбежал от своей свиты в Петербург. Жизнь в столице Российской империи для заводладельца 11 заводов П.П. Демидова, получавшего ежегодно 1,5 млн. рублей чистого дохода, позволяла ему приобщаться ко всем «удовольствиям» петербургского высшего света. Однако, не ограничиваясь балами, куртагами, зваными обедами и другими увеселительными заведениями, включая театр и разного рода цыганские ансамбли, Демидовы значительную часть времени проводили за границей.

Здесь к их услугам были все средства, доставляющие удовольствие самых культурных стран Европы: Париж и Ницца, Швейцария и Италия – вот где русские богачи проводили массу свободного времени. Фактически вся жизнь у них была таковой, так как основательно управлением своих заводов и судьбой людей, работавших на них, они не занимались, поручив это дело своим управляющим. Смысл жизни у Демидовых, а именно о них писал Мамин-Сибиряк, заключался в том, чтобы находить все более изысканные и неизвестные удовольствия, добываясь того, чтобы вся жизнь представляла сплошное удовольствие. В эту жизнь неприятным диссонансом иногда вривались низы заводского населения, напоминавшие о себе, о том, что у них что-то не ладно. Потребность в удовольствиях, в сладкой жизни у элиты Урала выступает в произведениях Мамин-Сибиряка как своеобразная нужда, сформированная особым образом жизни, который характерен для «крепостническо-

го порядка».

Нужда конкретизируется, перерастает в интересы, представляющие собой целеустремленное отношение заводчиков Урала к объекту его потребности. Предмет интереса осваивается заводчиками посредством их целенаправленной деятельности. Читая романы Мамина-Сибиряка «Горное гнездо», «Приваловские миллионы», «Бурный поток» и др. мы видим, что интересы элиты общества проявляются как побуждения, которые представляют волевые импульсы, направляющие их деятельность в определенном направлении. И это направление задается целью, под которой понимается планируемый результат действия. Этот результат для заводчиков в произведениях Мамина-Сибиряка сводится к его гедонистической функции во всем ее конкретном многообразии. Целевые установки, в конечном счете, составляют смысл жизни хозяев горных заводов Урала, и они выражаются в том, чтобы оставить возможность престижного потребления духовных и материальных жизненных ценностей и своим детям. В этой передаче жизненного опыта для них существенное значение имеет идеал, т.е. образ наилучшего порядка, на который нужно ориентироваться, с которого нужно брать пример.

Для Демидовых такими идеалами для подражания были овеянные романтикой образы первых заводчиков, много сделавших для устройства горного дела на Урале. Однако все образы заводчиков, при всем различии отношения к ним писателя, не пользуются его симпатией. Осуждение их в произведениях писателя основано не на их личных качествах, а на их социальном положении, на их цели и смысле жизни, на том способе, каким они получали средства для жизни.

Глава V. Личность и народ на грани революции

Другим социальным типом после крупного горнозаводчика Лаптева, после миллионера Привалова, после многочисленных представителей уральского «дна» социально-экономической жизни края значительный интерес представляет личность интеллигента, подававшего большие надежды в 70^е годы, однако смятого политической реакцией 80^х годов, П.В. Сажина (Д.Д. Смышляева) в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Именинник». В 70^е годы XIX века Смышляев слыл именно именинником, ибо именно в эти годы (1870-1879) он был председателем Пермской губернской земской управы, приступил к выпуску сборников Пермского земства, которые получили общероссийскую известность и признание в литературных кругах русского общества. В эти годы он получил признание и в широких кругах русского земства.

Очень редко колоритные фигуры краевого или даже русского масштаба становятся действующими лицами художественных произведений при их жизни. Это обусловлено тем, что такой личности нужно поразить воображение писателя, дать ему основание и повод для художественного изображения, «типа» соответствующих деятелей в определенных исторических условиях. Последнее дает возможность художественного воплощения личности, ее общественных идеалов и тех условий, в которых протекала ее деятельность, а также причин ее краха и неудач, данных не рационально, а образно, что необходимо для ее художественного осмысления, в зависимости от индивидуальных мировоззренческих ориентиров литературного героя.

В результате получается более широкое, а, следовательно, и более жизнеспособное описание типа, которое живет затем в веках и обеспечивает объяснение соответствующих общественных процессов в течение длительного времени. Несомненно, Д.Д. Смышляев принадлежал к незаурядным людям и заслуживал такого прижизненного, а тем более посмертного воспроизведения.

В России, считал Мамин-Сибиряк, всегда так – «вначале вознесут не по заслугам, а потом запинаят и заключают из-за какой-то мелочи». Нам представляется, что писатель не был противником земства, при всех его недостатках, он был против тех контрреформ, которые урезали и ущемили и без того недостаточно широкие права земства в 80^е годы XIX века.

Демократическая настроенность творчества Мамина-

Сибиряка, особенно отчетливо проявляющаяся в его начале, дала основание советским литературоведам чуть ли не за «волосы притягивать» его максимально близко к социал-демократам. В этом отношении литературное наследие писателя в советский период, с точки зрения объективности его оценок, определенным образом пострадало.

Через одного человека и его судьбу Мамин-Сибиряк пытался показать историю российского общественного движения периода его подъема 1860-1870-х г. Естественно, что это было возможно только благодаря использованию всего комплекса средств художественного перевоплощения социальной действительности, которым он владел мастерски.

Творчество Мамина-Сибиряка – это целая эпоха в художественном самовыражении народного менталитета Урала второй половины XIX века. Рисую эту полосу становления народного самосознания, писатель опирался на народную мудрость, на предания и легенды Урала, в которых отразился мир желаемых народу образов, где существуют радужные общественные отношения, а умные люди живут и действуют на фоне величественной уральской природы и среди тех общественных отношений, которые созданы во многом ими самими.

Неясность путей достижения лучшего будущего вынуждала писателя внимательно всматриваться в контуры тех способов и приемов, посредством которых общество пыталось обрести право на лучшую и более достойную человеческую жизнь.

Уже само название романа символично. В нем заключена художественная коллизия, которая выражается в том, что П.В. Сажин (Смышляев) один выражал наступающее в 1860-1870-х годах XIX века демократическое движение, его сложную структуру, его социальную неоднородность и разные интересы его участников. Перевоплощение позволило Д.Н. Мамину-Сибиряку создать образно-зримое представление о действительности периода подъема общественного движения России. Личные достоинства и недостатки образа руководителя движения в крае налагали определенные отпечатки на характер движения, на его цели и средства их достижения. Рассмотрим их, насколько это возможно, путем анализа опубликованной версии романа.

Заметим, прежде всего, что писатель не только отражает, он изображает жизнь такой, какой он ее понимает в ее проблематичном движении к неясному социальному будущему.

Чуткость художника, его литературный талант может вы-

ражаться в том, что он фиксирует мельчайшие показатели социального движения, не осознаваемые самим писателем, и в таком виде показывает их читателю. Поэтому художественно нарисованная картина при ее адекватной интерпретации получается более тонкой и точной копией действительности, чем это представляется рациональности писателя. Большой талант художника слова позволяет ему рисовать также полотна общественной жизни, которые превосходят ее понимание писателем в рациональных понятиях современной ему эпохи.

Мамин-Сибиряк пытался показать свое понимание и видение социальных процессов, происходивших в 1860-1870^е годы на Урале. Здесь возникает проблема адекватной интерпретации общественно-политических взглядов писателя. В этот период времени (в 1870^е годы и позднее) он испытывает определенное влияние демократических идей, которые однако не были им четко понятийно оформлены. Неясно понимая процессы общественного развития России, писатель средствами художественного, во многом интуитивного постижения действительности добивался того, что социальная действительность Урала, изображаемая им в романах, была более богатой и содержательной, чем система его рационально оформленных взглядов. Однако это различие не было абсолютным.

Писатель понимал определенное «подмораживание» России в царствование Александра III, поэтому он решил, в противоречии с контрреформами 1880-х годов, изобразить гребень общественной волны периода «великих реформ», видным руководителем которого в Пермской губернии был Смышляев (в романе «Павел Васильевич Сажин»). Художественное постижение действительности, сконцентрированное в образе одного человека, признанного руководителя общественного движения в крае, позволяет содержательно раскрыть и актуализировать в соответствии с мировоззрением писателя цели общественно-го движения, его средства и результаты, а также использованные им возможности.

При этом, конечно, художественная трансформация действительности будет более широкой и тонкой, чем мировоззренческие установки писателя, которые носят характер во многом неясного самому писателю сочувствия демократическому движению, то приливающему в форме волны народного недовольства и гнева, то отступающему в виде его своеобразного отката перед народной «глупостью и консерватизмом» с одной стороны, и относительной прочностью правящих верхов царской России, с другой.

Для того чтобы показать художественное своеобразие роли Смышляева в романе «Именинник», проанализируем кратко событийную сторону этого произведения.

Это необходимо, поскольку реальная жизнь Смышляева не совсем совпадает с теми художественными реминесценциями, которые даны в романе. Общественная деятельность Сажина дана здесь преимущественно через восприятие вездесущего Моховского (Пермского) обывателя Егора Андреевича Пружинкина. Он бывает на самых интересных мероприятиях в городе и делится наблюдениями со всеми знакомыми, вызывая их часто на диалог, в ходе которого мы получаем дополнительную информацию о тех впечатлениях, которые вызывала деятельность Сажина в городе Мохове (так обычно называл Пермь Мамин-Сибиряк в своих произведениях). «В конце шестидесятых годов, – начинается роман Мамин-Сибиряк, вводя читателей сразу в гущу событий, – в бойком провинциальном городе Мохове было открыто первое земское собрание. Старик Пружинкин являлся на каждое заседание как на службу, регулярно и точно без опозданий».

– Что-то там сегодня Павел Васильевич скажут? – говорил Пружинкин, степенно раздаваясь в передней. – Уже словечко-то выговорят, ровно гвоздь заколотят.

– Всех под голик зажал, – самодовольно отмечал швейцар Михеич, принимая от него платье, подчеркивая этим роль и значение Сажина в Моховском земстве.

Усевшись во втором ряду стульев у окошечка, Пружинкин замирал на своем месте до конца заседания, подавленный массой совершенно новых для него впечатлений. Все это было так ново и так умиляло мещанское сердце Пружинкина.

– Нет, уж теперь шабаш... Конец темноте! – шептал он, охваченный не испытанными еще чувствами.

– Нет, не старые времена... Конечно!.. Пстой, брат...

Широкое благообразное лицо Пружинкина даже краснело от волнения, и он начинал поправлять туго натянутую шелковую косынку, которая его душила, как удавка. Кроме торжественной обстановки, его занимали больше всего гласные: не угодно ли? Самые простые мужики и мещане, а сидят рядом с чиновниками и дворянами. И каждый свой собственный голос может подать: «не хочу, и вашему делу конец. Много было гласных от города, а остальные набрались от всего уезда».

Пружинкин удовлетворен, он доволен тем, что происходит. «Да, он был счастлив, этот мещанин Пружинкин, захваченный общей волной: «ведь вот тут сейчас за решеткой начиналось

уже то хорошее, новое, к которому он прилепился всем своим мещанским сердцем. Все дела откроются перед публикой, и все «пойдет на чистоту», а не по чиновничьим ямам и берлогам».

В центре этих новых преобразовательных веяний находилась фигура Павла Васильевича Сажина. Он являлся «героем дня», простой гласный, умевший в какие-нибудь две недели завоевать общее внимание так, что публика встречала его появление одобрительным шепотом. Портрет Сажина Мамин-Сибиряк набрасывает несколькими емкими, запоминающимися штрихами. «Это был худой, высокий господин с длинным безжизненным лицом и вялыми движениями. На заседания он являлся в каком-то гороховом пиджаке и пестром галстуке, держал он себя очень рассеянно, и со стороны мог показаться просто чудачком. Но зато говорил Сажин очень хорошо: просто, находчиво, остроумно, с тем захватывающим огоньком, который «действовал на его слушателей неотразимо». В зале наступала каждый раз мертвая тишина, когда Сажин поднимался со своего места. Падкая до всякой новинки провинциальная публика валила валом в собрание и смотрела на него, как на редкого зверя». Собственно говоря, речь шла о самых прозаических предметах: устройство вентиляции в земской больнице, поправка тракта, разъездных деньгах становым приставам, раскладка повинностей, фельдшерских пунктах и т.д. Но для Пружинкина из этих пустяков вырастало то новое, до которого Павел Васильевич непременно дойдет.

– Он все разберет, достигнет настоящего. Сначала больницы и школы, а потом пойдет и настоящее. Мало ли умных и образованных людей из купечества в том же Мохове, да толку из этого мало: умны для себя, а другим от этого ни тепло, ни холодно. «Никто бы не знал, что есть на свете какой-то Павел Васильевич Сажин, а тут на люди всех поставил и всех оживил!»

Художественное раскрытие роли Сажина Мамин-Сибиряк дает через диалог Марфы Петровны Злобиной с Пружинкиным. В отличие от Пружинкина Марфа Петровна в романе выражает настроение широких слоев моховской интеллигенции, которая скептически относится к новым общественным веяниям в городе. Известная моховская обывательница убеждена, что вся деятельность земства сведется к пустым разговорам, «Сажину не удастся раскочевать гнилое моховское болото». Однако Сажин всецело поглощен своими идеями: он был уверен в реализуемости стоящих перед ним задач.

Прежде всего нужно создать общественное мнение, ту почву, на которой можно стоять твердо. Потом следующая задача – организовать провинциальное печатное слово... «Это великая сила! Этим путем мы не только будем всецело владеть земством, но подготовим дорогу новому суду, который не за горами».

Мамин-Сибиряк изображает своего героя в качестве подвижника, которому свойственны черты некоего ветхозаветного пророка, он всецело верит в то, что говорит.

Сажин верил в себя и в свое место в местном моховском обществе. Его безжизненное лицо оживлялось, зеленеватые глаза блестели, когда он говорил, и он любил рассуждать, шагая по комнате и заложив руки в карманы брюк. Легко доставшийся успех, говоря правду, вскружил ему голову. Раньше он был просто партикулярным человеком, до которого никому не было дела, а теперь он стал на виду у всех, и каждое его удачное слово облетало весь город. «Гласные благоговели перед ним, дамы встречали признательными улыбками и ухаживали за ним, как за божком». Однако расцвет земства в Пермской губернии опоздал по отношению к своему столичному аналогу.

«Мохов был захвачен волною движения шестидесятых годов и еще договаривал то, что в столицах уже стали забывать. Земские идеи, горячо пропагандируемые Сажиним, первоначально всколыхнули застойную провинциальную жизнь.

– Все жили мирно, и вдруг точно с ума сошли. Щипцов открыл первую публичную библиотеку, новые книжки журналов шли нарасхват, в гостиных везде велись умные разговоры, и все смотрели вперед так бодро и уверенно, ожидая, что вот-вот случится что-то такое, совсем особенное, чего раньше не было и не могло быть».

В освещении писателя общественная жизнь развивается волнообразно, в ней периоды оживления и даже подъема чередуются с периодами отката, когда общественная жизнь относительно затихает.

Открытие Моховского земства совпало с моментом наивысшего напряжения общественной мысли, давая выход застоявшимся силам, и «Сажин сделался первым земским человеком. Его встречали везде с распростертыми объятиями, заискивали перед ним, и даже льстили без всякой побудительной причины».

Сажин был выбран на второе трехлетие председателем губернской земской Управы и весь ушел в свою земскую работу. Теперь он поднялся до зенита своей земской славы и по-

чувствовал под ногами твердую почву. Одно его имя составляло уже некоторый ценз.

Крах Сажина-общественника писатель композиционно увязывает с неудачей в личной жизни героя. Его любовь к Анна Ивановне Злобиной закончилась трагическим разрывом. Потерпев неудачу в личной жизни, Павел Васильевич стоически продолжает свою земскую деятельность, несмотря на то, что круг его единомышленников сужается. Постепенно он остается в одиночестве. Все началось с изменения отношения к нему печати. В столичные газеты полетели обличительные корреспонденции, посыпались сплетни и пересуды, и недавний «земский божок» был втопан в такую грязь, из которой трудно было выбраться.

Его обвинили во взяточничестве, в диктаторстве, во всевозможных упущениях и злоупотреблениях – одним словом, «все болото заколыхалось». Клевета тайная и явная, подтасовка фактов, придирки и всяческие неправды теперь посыпались на голову Сажина, как раньше сыпались похвалы и восторги, точно общество хотело вознаградить себя за излишний расход хороших чувств. Его нужно было выжить, и только тогда все успокоится, это было стихийное массовое чувство, действовавшее тем заразительнее, что для него не хватало серьезных причин, недостаток которых в обществе заменяется слепым азартом. В этих условиях Сажин некоторое время продолжал по инерции плыть против течения. Затем последовала развязка, совпадающая в романе даже в деталях с уходом Смышляева из Пермского земства.

Публика торжествовала, счастливая низвержением «диктатора», еще не предвидя того времени, когда ей придется горько пожалеть об удалении Сажиных из состава земства, когда черные сотни кулаков и маклаков вытеснят из многих земств всякое участие в них представителей интеллигенции.

В художественной трансформации, которой подверг действительную жизнь Смышляева Мамин-Сибиряк, общественная драма героя совпадает с личной трагедией. Выйдя в отставку, Сажин через некоторое время заболевает воспалением легких, и происходит восстановление его прежних отношений с Анной Ивановной Злобиной, уже успевшей к этому времени выйти замуж. После выздоровления Сажина они решают уехать из Мохова. Утром накануне отъезда Сажин кончает жизнь самоубийством.

Таким образом, неудача Сажина в общественной земской деятельности рассматривается Маминим-Сибиряком как его

физическая смерть. Писатель, согласно логике своего сюжета, не пожелал рассматривать последующие события жизни Смышляева, его служебную карьеру и сложные духовные искания. Внезапная и преждевременная смерть Сажина, выглядит естественной и художественно убедительной. Ему уже нечего больше делать, как общественному деятелю в «замороженной России». Смерть крупного общественного деятеля в романе закономерна. Реальная деятельность Смышляева в 1880^е годы писателя не интересовала. Это была иная деятельность, в другое время, и «она требовала других песен».

Конечно, для Мамина-Сибиряка с его художественной чуткостью проблемы, поиски и дерзания общественных деятелей периода «великих реформ» вместе с надеждами, которые на них возлагались, были важнее контрреформ, проведенных в 1880^е годы.

Художественный образ Сажина (Смышляева), нарисованный писателем в романе «Именинник», помогает раскрытию смысложизненных ценностей крупнейшего пермского либерала и служит объяснением его поведения в самых сложных жизненных ситуациях. Заслуга писателя заключается в том, что он дал первую попытку интерпретации Смышляева как личности, как общественного деятеля и как человека с целым спектром позитивных достоинств и, одновременно, с веером разного рода недостатков. Взятые, как целое, они дают нам художественный образ крупнейшего общественного деятеля Пермского края XIX века.

По своему мировоззрению, по масштабам своей деятельности П.В. Сажин в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Именинник» изображен классическим либералом, одним из самых выдающихся в рамках Пермского края. Последнее объясняется тем, что человека с такими ораторскими и организаторскими способностями в крае больше не было.

Основу неотрефлексированной и вербально нигде на протяжении действия романа четко не формулированной программы действий П.В. Сажина составляла программа «малых дел». Она выражалась в том, что для улучшения жизни народа нужно расширить круг полномочий земства. Оно должно решать все вопросы, касающиеся нужд населения местного края. Это была неопределенно выраженная заявка на демократизацию управления, правда, ограниченную разными циркулярами центральной государственной власти.

Как считал П.В. Сажин, для улучшения жизни народа нужно было расширить компетенцию земства. Оно должно было

решать все вопросы, касающиеся местных нужд. Это не только просвещение, строительство новых школ, подготовка для них учителей, контроль за их деятельностью, но и вопросы здравоохранения, строительства новых больничных корпусов, ремонт старых, подготовка новых врачебных кадров, забота об их благоустройстве на местах, их зарплата, уровень бытового обслуживания и т.п. Это относилось и к техническому обустройству жителей города Перми: это городской водопровод, качество воды в нем, его достаточная пропускная способность для того чтобы обеспечивать водой надлежащего качества всех жителей города; это обустройство улиц, устройство на них тротуаров, организация пожарных команд, это и чрезвычайно сложная проблема, которая требовала незамедлительного решения – проблема Сибирского тракта. Преисполненный самых радужных надежд, полный самого розового оптимизма П.В. Сажин говорит А.И. Злобиной о том, что будущее светло, и стоит жить¹.

Средством осуществления намеченных планов П.В. Сажин считал печать. Он хорошо и во многом правильно понимал большое значение печатного слова в деле организации общественного мнения для решения местных задач улучшения жизни народа.

Однако он недооценивал значение всего комплекса тех задач и трудностей, которые стояли перед ним и перед Пермским земством.

Анализируя творчество Мамина-Сибиряка, известный свердловский литературовед, доктор филологических наук Иван Алексеевич Дергачев считал возможным рассматривать образ Сажина (Смышляева) в контексте «лишнего человека» последней четверти XIX века². Данный аспект деятельности П.В. Сажина, по нашему мнению, не является убедительным. Между «лишним человеком», который не находит применения своим силам и способностям, и активным участником, одним из выдающихся руководителей земства Пермского края Д.Д. Смышляевым имеется существенная разница. Теория «малых дел», вытекавшая из непоследовательности реализации земской реформы 1870-х годов, не была бесполезной деятельностью. Российское земство за полвека своего существования очень много сделало на почве просвещения и повышения культуры народа, и не вина земцев, а беда их, что они не располагали более широкими полномочиями и правами для того, чтобы сделать в данном направлении значительно больше.

Личная неудача Д.Д. Смышляева в качестве руководителя Пермского губернского земства заключалась в том, что он шел против течения. Ограниченные права Российского земства в 80^е годы в царствование Александра III стали еще более стесненными, хотя уже в правление императора Александра II они представлялись недостаточными каждому просвещенному работнику земства.

Уход Д.Д. Смышляева с поста председателя губернской Земской Управы был обусловлен не только общественным направлением политического климата в стране, а был связан с выработанностью политического ресурса данного политического деятеля. Отнюдь не случайно, что этот уход был досрочным, по личному заявлению до истечения срока полномочий. Д.Н. Мамин-Сибиряк прибегает в романе «Именинник» к художественному методу сгущения событий, благодаря которому он показывает крах не только общественных начинаний Смышляева (Сажина), но неудачи личной жизни героя, в результате которых он внезапно покончил с собой.

Писателя не интересовала дальнейшая жизненная судьба П.В. Сажина, его деятельность в газете «Пермские губернские ведомости» в качестве секретаря Пермского экономического общества. И на каждом из этих постов Д.Д. Смышляев (П.В. Сажин) работал активно и отдавал деятельности на любом посту весь «свой талант и огонь своего сердца». Плодотворно работал он на посту представителя императорского Палестинского общества.

Решающую роль в историческом процессе развития общества Мамин-Сибиряк отводил народу. Трагедию П.В. Сажина он видел в том, что земский деятель переоценивал свою роль – недооценивал необходимость включенности народных масс и вследствие этого он, в конечном счете, остался одиноким поэтом и потерпел неудачу на общественном поприще. Соглашаясь с суждением И.А. Дергачева о том, что писатель в романе «Именинник» не выступал против земства, мы не можем согласиться с маститым литературоведом в том, что деятельность этих учреждений, делающих свое скромное и полезное дело, не может стать широким полем работы на благо народа, не дает почвы для развития человека, как общественного деятеля³.

В суждении И.А. Дергачева содержится явное противоречие: с одной стороны, земские учреждения «полезны», и Мамин-Сибиряк не выступал против них, а с другой – земская деятельность не дает почвы для развития человека как обще-

ственного деятеля. Здесь сказываются ультралевацкие суждения В.И. Ленина, негативно оценивающего земство как «пятое колесо» в общей бюрократической машине управления царского самодержавия. Элементы «левых» суждений относительно роли земства в историческом процессе России явно проскальзывают в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Именинник». Они сказываются в тонах той трагедийной безысходности, в которую окрашены поступки и общая мировоззренческая обреченность дела П.В. Сажина в изображении Д.Н. Мамина-Сибиряка, которая не совпадает по своему духу и содержанию с кипучей и многоплановой деятельностью Д.Д. Смышляева в Пермском земстве.

Эти левые демократические веяния не являлись временным налетом, характерным для мировоззрения Мамина-Сибиряка только 80^х годов XIX века. Как свидетельствует переписка писателя, он сохранял левые демократические позиции в своем мировоззрении и в своем творчестве до конца своей жизни⁴, правда, это были только «элементы», а не система взглядов писателя, которой, кстати, в цельной и стройной форме у него никогда не было. Эти элементы, высказываемые в разной форме, в разных романах, написанных в разные периоды жизни, отражали разные высказывания писателя, которые он делал по разным случаям своей жизненной практики и своего литературного творчества.

Большое значение для нас имеют те условия, тот жизненный контекст, по поводу которого писатель конкретно высказывался. Если мы вдумчиво, основываясь на анализе экономики России того времени, будем судить о разных сторонах деятельности земства, то придем к выводу, что, во-первых, перед земством стояли многочисленные вопросы регулирования местной жизни. Они не успевали их решать, а что касается правового нигилизма земства со стороны царского самодержавия, то здесь заключался корень проблемы – без создания центрального органа земства, какого-то подобия Государственной думы, местные вопросы не могли решаться должным образом, поскольку центр сознательно и бессознательно тормозил их. А отсюда вытекало два следствия. Во-первых, центр действительно мешал созданию авторитетного, избираемого на основе демократических выборов, центрального законодательного учреждения страны. Во-вторых, препятствуя созданию центрального государственного учреждения, регулирующего работу земств, царизм препятствовал, ставя многочисленные рогатки и препоны, решению тех вопросов, которые были в компетен-

ции земств, которые могли решаться земствами, но не решались потому, что этому мешало царское самодержавие. В результате торможение деятельности земств в России было и фактическое, и моральное, второе заключалось в том, что земства оглядывались на центр, а тот, в свою очередь, опасался земства, его мнимореволюционных и леворадикальных тенденций деятельности, по возможности тормозя их.

Данная ситуация в конце концов выродилась в теорию «малых дел», которая не принималась левым крылом демократических сил России из-за ее приземленности и кажущейся неэффективности. Конечно, Мамина-Сибиряка не устраивала деятельность земства. В романе «Именинник» он показывает, что деятельность земства полезна для развития России, однако оно не дает почвы для развития человека как подлинно общественного деятеля. Смышляев в романе кончает жизнь самоубийством потому, что ему не осталось широкого поля общественной деятельности. То, чем он занимался в 80^е годы, не интересовало его. Он считал, что контрреформы 80-х годов сводили к минимуму те общественные преобразования, которые были намечены и проводились в 60^х и начале 70^х годов. Такое понимание писателем общественного движения в России второй половины XIX века не лишено оснований. Однако Мамин-Сибиряк в романе «Именинник», по нашему мнению, все-таки сгущал краски и, перехлестывая через край, становился на позицию левого экстремизма и именно с этих левых позиций недооценивал деятельность земства. Земство не стало реакционным, оно в силу общей расстановки социально-политических сил в стране потерпело поражение и вынуждено было заниматься зачастую мелкими вопросами потому, что крупные общественные дела решались непосредственно царским правительством.

Вынося в заглавии данного раздела проблему «на грани революции», мы хотели отметить двойственный характер отношения писателя к деятельности Д.Д. Смышляева: с одной стороны, это серьезная заявка на радикальные общественные преобразования в области местного самоуправления края, которые, конечно, не были революцией, однако они представляли существенные изменения по сравнению с крепостническими порядками практики решения вопросов местного самоуправления, с другой, – в романе их окутывает налет какой-то несерьезности и даже авантюризма во всем этом местном реформаторском движении, возглавляемом П.В. Сажиним.

Мамин-Сибиряк как бы не видит ничего серьезного во всем

том, что намечалось совершить в делах города Мохова и Моховской губернии. Смышляевым (в романе П.В. Сажиним) и возглавляемым им губернским земством.

Элементы скрытой иронии и даже ядовитого сарказма ощущаются за всем этим. Политическая реакция в России, установившаяся в 80^е годы, давала писателю возможность критически посмотреть на то, с чем были связаны надежды на успех социально-политических и экономических преобразований 60^х-70^х годов. Д.Н. Мамин-Сибиряк приходит к выводу о том, что люди и движение в целом по своему общественному положению в обществе были лишены надежды на успех. Они не были экономическими хозяевами общественной жизни, и поэтому от их деятельности отдает чем-то опереточным и несерьезным.

Смышляевская земская эпопея в действительности, конечно, не могла радикально изменить положение дел в крае. Однако она, несмотря на уход Смышляева с поста председателя Пермской губернской Земской Управы, означала весьма многое в изменении к лучшему положения дел в крае и поставила Пермское земство на одно из первых мест в России. Ретроспективно, с позиций признания поражения реформаторского движения в России 60^х-70^х годов, Мамин-Сибиряк показывает реальные недостатки земского движения в Пермской (в романе – Моховской) губернии. И при этом допускает известные переделки, зачеркивая все положительное, что было сделано в это время. Когда местные финансовые воротилы увидели, что земская компания оторвана от реальных потребностей жизни, и представлена кучкой людей, которая вдохновляется и иницируется речами Павла Васильевича Сажина, они решили, во-первых, дискредитировать его, а, во-вторых, расставить по местам в земском самоуправлении собственные фигуры. В романе изображается, что им это удалось, и земство утратило в глазах местной общественности тот радужный ореол, те несбыточные надежды, которые оно подавало при П.В. Сажине. Такая постановка вопроса Маминим-Сибиряком, конечно, носит политизированный характер и не учитывает всей сложности вопроса о роли, сыгранной земством и Смышляевым в общественном движении России. Рассмотрение проблемы в данном ракурсе – убедительное свидетельство радикальной левизны во взглядах писателя того времени.

Смышляев потерпел неудачу в своей земской преобразовательной деятельности не потому, что был «гнилым либералом», боявшимся реальных общественных дел, как считал

Е.А. Боголюбов, ссылаясь на статью Н.Г. Чернышевского «Русский человек на gender-vous», наоборот, в этих земских делах он заходил дальше, чем это представляли узкие рамки правовых возможностей, предоставленных тогда земству. Его трагедия была именно в этом, а не в том, что он не шел по пути революционного радикализма, как Н.Г. Чернышевский.

Однако сопоставлять Смышляева с «дворянскими болтунами», которых Н.Г. Чернышевский считал не способными на любое общественное дело, более того, падающими в обморок, когда дело нужно делать, – такое сопоставление является, мягко говоря, не корректным⁴. Дмитрий Дмитриевич вынужден был уйти с поста председателя губернской Земской Управы, но это не значит, что он больше не принимал участия в общественной деятельности, – конечно, принимал еще в течение полутора десятилетий. Однако Мамина-Сибиряка его деятельность больше уже не интересовала. Для получения цельности художественного впечатления о деятельности одного «из лучших земщины бойцов» ему нужно было показать неудачу его земской деятельности, а для этого самым простым и художественно убедительным способом было убрать его из жизни, что он и сделал⁵.

Глава VI. Прогресс истории в осмыслении его певцом Урала

Для широкой общественности представляет несомненный интерес понимание Д.Н. Маминым-Сибиряком прогресса в истории. Демократическое мировоззрение писателя ставило определенные рамки для понимания им общественного прогресса. Писатель понимал, что совершенствование средств и организации труда обеспечивает рост его производительности, что в свою очередь влечет за собой совершенствование рабочей силы, вызывает к жизни новые производственные навыки и знания, меняет существующее общественное разделение труда.

В своих представлениях о прогрессе в истории Д.Н. Мамин-Сибиряк находился на уровне передовых демократических веяний того времени. Идея прогресса вошла в науку как секуляризованная версия христианской веры в провидение. Однако писатель уже в период обучения в Пермской духовной семинарии стал скептически относиться к религии. Его привлекали в то время те учения об общественном прогрессе, о его движущих силах, которые сложились на Западе. Передовые ученые Запада и России движущие силы прогресса стали искать в естественной природе вещей. Значительное влияние на Мамина-Сибиряка в этом отношении оказал Герберт Спенсер, согласно которому прогресс в обществе, как и в природе, подчиняется всеобщему принципу эволюции, заключающемуся в непрерывно возрастающей сложности внутренней организации и функционирования любых живых систем. Концепция прогресса Г. Спенсера распространяется на всеобщую историю, внедряется в литературу и искусство. Разнообразие социальных порядков в разных эпохах и цивилизациях Г. Спенсер объяснял тем, что они находятся на разных стадиях прогрессивного развития. Г. Спенсером была построена своеобразная лестница прогресса, на вершине которой находятся самые развитые западные общества, а ниже на разных ступенях – другие культуры в зависимости от уровня их развития. Концепция прогресса Г. Спенсера «вестернизировалась», положив начало европоцентризму. Она оказала определенное влияние на формирование общеисторических и философских воззрений Мамина-Сибиряка, поэтому вкратце коснемся их для того, чтобы высветить ядро его исторических воззрений.

Основной целью Г. Спенсера было создание синтетической философии, объединяющей данные всех наук и форму-

лирующей их общие закономерности.

Согласно Г. Спенсеру, для синтеза всякого знания и понимания явлений необходимо найти универсальный закон взаимосвязи материи и движения, изменения степени организованности материи. Такой закон должен выводиться из постоянства существующей в мире силы. Это и будет общий закон эволюции. Спенсеровская форма эволюционного процесса рассматривает эволюцию как процесс интеграции материи и сопутствующее этому рассеивание движения, в процессе которого материя переходит от состояния относительной неопределенности, не связанной однородности – к относительно определенной согласованной разнородности, при этом сохранившая движение испытывает параллельную трансформацию.

Спенсеровская теория эволюции не знает скачков и разломов в развитии. Процесс, как таковой, у него предполагает всеобщую дифференциацию, усиление культурной организованности, ритмичности всех процессов в природе и обществе.

В социальной философии Г. Спенсер использует организмическую аналогию для характеристики политического общества. При этом он не считал, что государство, как целое, важнее соответствующих его элементов. Именно государство призвано служить составляющим его гражданам, а не наоборот. В поздний период своей жизни Г. Спенсер по своим взглядам сблизился с анархизмом, утверждая, что в индустриальном обществе индивид первичен, а государство – вторично и не является чем-то абсолютно необходимым.

Влияние философии Г. Спенсера на Мамина-Сибиряка касалось общих мировоззренческих ориентаций, оно не было безоговорочным и полным. Писатель тщательно взвешивал и отражал те положения спенсеровского мировоззрения, которое не противоречили демократической сердцевине его мировоззрения. В частности, его устраивало утверждение Спенсера о том, что социальная динамика общества объясняет переход от однородности к разнородности общества как к прогрессивной, это связано с тем, что при этом происходит процесс большей дифференциации общества. Максимально дифференцированное общество обладает лучшими возможностями эволюционного приспособления. И это будут общества индустриального типа, основанные на позитивном знании. В индустриальном обществе, считал Г. Спенсер, социальные антагонизмы будут ослабляться. Мамин-Сибиряк, насколько об этом можно судить по его художественным произведениям и очеркам, придерживался аналогичной точки зрения. Мамин-Сибиряк, и в этом

также проявилось влияние на него Г. Спенсера, по своим этическим взглядам был утилитаристом, хотя и не таким безоговорочным, как тот, заимствуя утилитаристские взгляды у И. Бентама. Утилитаристская этика для писателя - это продукт длительного эволюционного развития в области человеческой морали. Расхождение писателя с Г. Спенсером выразилось, в частности, в том, что он не согласен был с утверждением, что некоторые моральные принципы не выводимы из человеческого опыта. Хотя у писателя не было понятия «практики», однако практической деятельности людей он придавал решающее значение в смысле обеспечения индивидов всем необходимым.

В художественных произведениях писателя отражение данной проблемы не было выведено в плоскости понятийной формы. Оно понималось как конкретная сумма, во-первых, увеличивающихся материальных и духовных благ, произведенных в обществе, во-вторых, как общественное производство массы людей, обладающей большими техническими и гуманитарными навыками и знаниями, которые позволяют обществу улучшить материальное и культурное обеспечение его всем необходимым. Последнее не означает никакого подобия коммунизма. Писатель никогда не говорит о возможности полного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей людей, он пишет в своих художественных произведениях об относительном росте социальных благ, производимых в обществе на разных уровнях его развития. Это не одно и то же. И суть дела здесь заключается не только в том, что данный процесс общественного развития отражает то, что действительно происходит в социальной реальности.

Писатель делает это путем художественных зарисовок прошлого уральского края, причем дает их не как систему категорий, а как противоречивое единство картин социального развития общества в направлении его улучшения и совершенствования.

Прогресс общества Мамин-Сибиряк понимал как его улучшение в различных отношениях. Данный прогресс он понимал конкретно и конкретно изображал его действия и их последствия в своих художественных произведениях. Большое значение писатель придавал возможности самостоятельности человека. Первым условием, которое необходимо для этого, Мамин-Сибиряк считал свободу индивида. Поэтому он такой неподдельный интерес проявил к общественному устройству и общественной жизни вечевых республик древней Руси, Новго-

рода, Пскова. Однако писатель не абсолютизировал понятие «свободы». Он пытался поставить его в общий контекст эволюционного развития страны в целом и уральского края в частности. Для него было ясно, что вечевые республики Новгорода и Пскова не выдержали конфронтации с Москвой. Это поражение писатель рассматривал как следствие, по крайней мере, действия двух причин. Во-первых, экономической, а следовательно, и военной слабости вечевых республик перед Москвой, а во-вторых, вследствие узости социальной базы вечевых республик. На новгородское вече собиралась только часть населения Великого Новгорода, причем из этой части решающее значение имели не все присутствующие, а только преимущественно богатая часть, сильные мужики «горланы», которые проводили нужные им политические решения.

После разгрома Новгорода и присоединения его к Москве значительно усилилась миграция части исконно русского населения на Восток, на Урал, а в последующем, после похода Ермака, и в Западную Сибирь.

Вольные переселенцы, а частично и сосланные беглецы из Великого княжества Московского на Урале сделали чрезвычайно много. Они заложили основы цивилизации края, основали здесь массу населенных пунктов, не только сел и деревень, но и городов. Все крупные промышленные и культурные центры Урала были, в конечном счете, основаны ими. Для нас важно в данном случае то, что Мамин-Сибиряк, выделяя первый этап в экономическом и культурном освоении края, подчеркивает при этом решающее значение индивидуальной личной инициативы русских переселенцев. Они лично свободны, более того, для того, чтобы стать свободными, многие из них бежали из центральной полосы Великого княжества Московского.

Однако, начиная с царствования Петра I, на Урале ускорилось строительство металлургических заводов, постоянные войны страны в его царствование требовали много оружия и военного снаряжения, для этих целей царь решил использовать сырьевые ресурсы края, о богатстве которых ходили самые невероятные слухи. Фактически это выразалось в том, что Н.А. Антуфьев в 1702 году получил первый завод на Урале, стоимость которого он должен был оплатить казне в течение 5 лет военным снаряжением. Он это сделал в течение 3 лет.

Организаторский гений А. Демидова, Голицына, а еще раньше Строганова привели к тому, что Урал стал в XVIII веке центром горнозаводской промышленности России. В конце

XVIII века Россия вышла на первое место в мире по выплавке черных и цветных металлов.

Но ведь в это время о свободных индивидах на уральских горных заводах говорить не приходится. Основная масса населения горных заводов Урала – это крестьяне.

Возникает вопрос: как совместить это с тем, что писатель утверждал раньше. Свободных на горных заводах Урала нет, а достигнут величайший прогресс? В основе концепции Мамина-Сибиряка, объясняющей данное явление, лежит утверждение о том, что, во-первых, это явилось результатом действия таких талантливых горных инженеров как Вильям де Геннин, В.Н. Татищев, таких выдающихся организаторов горного дела как Акинфий Демидов. Во-вторых, это было достигнуто вследствие массового труда крепостных, согнанных с разных частей России и своим подневольным трудом обеспечивших высокую, в условиях того времени, производительность труда и качество металла. В-третьих, этому способствовали необычайные природные богатства Урала, а именно, наличие магнитного железняка с таким процентным содержанием в нем железа, каких не было нигде в мире.

Однако мероприятия, достигнутые за счет вышеперечисленных факторов, а также многочисленных жертв крепостного крестьянства, дали только временные результаты. Уже в начале XIX века Россия начинает терять видимые преимущества в области производства черных и цветных металлов. Не помогли ни природные богатства края, ни опытные кадры горных инженеров и рабочих. Страны Запада на основе вольнонаемного труда быстро совершенствовали технологию производства и перегоняли Россию по производству металлов.

Реформа 19 февраля 1861 года явилась результатом недостаточного развития в стране капитализма. Однако и после нее горная промышленность Урала не приобрела «второе дыхание», а, наоборот, вступила в полосу затяжного кризиса, продолжавшегося несколько десятилетий. Придавая чрезвычайно важное значение экономическому развитию края, Д.Н. Мамин-Сибиряк посвятил этому специальную статью, опубликованную в газете «Екатеринбургская неделя»¹. В ней он предпринял попытку сконцентрировать внимание читателей газеты на двух основных проблемах. Во-первых, дать ответ на вопрос о признаках затяжного кризиса уральской горной промышленности, продолжавшегося 20 лет; во-вторых, представить читающей публике свои соображения о путях выхода горной промышленности Урала из тисков экономического и техни-

ческого кризиса. Данная статья имеет такое существенное значение для понимания сущности общественного прогресса крупнейшим уральским писателям, что целесообразно остановиться на ее анализе специально и показать понимание писателем особенностей развития горной промышленности края.

Писатель показывает глубину и масштабы кризиса уральской горной промышленности² в относительных и абсолютных величинах. В абсолютных цифрах показатели кризиса выражаются в том, писал Мамин-Сибиряк, что в царствование Екатерины II на каждого русского человека приходилось по 20 фунтов железа, а теперь (в 1882 г. – В.С.) – 5 фунтов, то есть через столетие произошло падение в 4 раза. В сравнении с другими странами мира, – подчеркивал писатель, – картина также была впечатляющей. Россия в год производила 30 млн. пудов железа, в то время как Англия – 525 млн. пудов, то есть в 17 раз больше.

«Как видите, – писал Мамин-Сибиряк, – получаются самые убийственные цифры. Значение их увеличивается целым рядом соображений. Во-первых, необъятная территория нашего отечества, во-вторых, большое стомиллионное население, в-третьих, громадный запрос на железо, благодаря быстрому росту железных дорог»³.

Анализируя причины кризиса отечественной черной металлургии, писатель особое внимание уделяет кризису уральской горной промышленности, показывая те особенности, которые привели к тому, что именно здесь кризис был особенно затяжным и глубоким. Причины кризиса металлургии Урала писатель разделяет на объективные и субъективные.

Указывая на причины кризиса горной промышленности Урала, писатель ссылается на журналы заседаний 2го съезда уральских горнопромышленников, на котором он сам присутствовал. Это придает его суждениям о кризисе горной промышленности Урала основательность и солидность. Причины кризиса горной промышленности Урала писатель видел в том, что они были различны по формам своего происхождения и действия. Внешние причины заключались в той конкуренции, которую представляет дешевый заграничный чугун. А внутренние причины были более дифференцированными. Самую основную из них представлял переход от дарового крепостного труда к дорогому вольнонаемному. Из этой главной социальной причины вытекали производные, а именно, общий промышленный и торговый застой, конкуренция переделочных заводчиков, дифференциальный тариф и плохо организованный кредит, и

тому подобное.

Если попытаться выделить субъективные и объективные факторы кризиса горной промышленности Урала на основании тех признаков, которые указывает Мамин-Сибиряк, то необходимо будет отметить, что объективные условия кризиса – это все то, что не зависело от воли и желания людей и представляло последствия отмены крепостного права. К субъективным факторам кризиса относилось то, что было связано с деятельностью горнозаводчиков. По свидетельству крупного заводчика и торговца железом Журавлева, «наши уральские заводчики привыкли получать с своих заводов миллионные дивиденды и ничего не затрачивали на улучшение производства, благодаря чему явилась крайняя отсталость, рутина и халатность в уральском горнозаводском хозяйстве»⁴.

Писатель скептически относится к решениям съезда железозаводчиков России, которые заключались в том, чтобы ограничить ввоз чугуна в Россию на первый год на 10 млн. пудов, затем на следующие годы уменьшать его ежегодно на 15%, чтобы через семь лет перейти к полному запрещению ввоза дешевого чугуна из-за границы. Не ограничиваясь этим, в резолюции кредитной комиссии съезда было записано о необходимости открытия «бессловного горнозаводского отделения при государственном дворянском земельном банке». Причем кредиты горнозаводчикам должны будут предоставляться на очень льготных условиях, заключающихся в том, что в отступление от § 36 Устава банка, исключалась оценка главной статьи их стоимости. Таким образом, подчеркивает Мамин-Сибиряк, уральским заводчикам решениями съезда российской железодельательной промышленности открывался «золотой век», потому что монополия производства «досталась ни за грош», да кроме того еще solo-векселя на придачу с возможностью примазаться к дворянскому банку. Решение вопроса величайшей государственной важности было сведено на такие простые операции: с одной стороны не «пускать» дешевого чугуна из-за границы, а с другой стороны можно было тащить из будущего бессловного отделения при дворянском банке миллионные ссуды для 18 уральских горнозаводчиков, да еще они получили право получать под solo-векселя, то есть сколько хотят, столько и получают ссуд в порядке учета solo-векселей землевладельцев горнозаводских имений.

Комментируя решения съезда горнопромышленников России, писатель заявляет, что «с нашей уральской точки зрения, никакого кризиса горнозаводской промышленности Урала не

существовало и не существует». Писатель считает, что кризисами называется «такое положение дел», когда не только колеблется в своих основаниях весь внутренний строй данного предприятия, но и нарушается органическая связь этого предприятия с общим ходом основных экологических процессов в известном государстве. Кризис в русской железной промышленности мог быть только в том случае, если бы полностью прекратился спрос на железо.

В действительности это обстоит не так, 30 млн. пудов русского железа недостаточно, нужно еще до 30% заграничного.

Писатель объясняет факт затоваривания 5 млн. пудов уральского железа в 1885 году на ярмарке в Нижнем Новгороде тем, что наши уральские заводчики продавали свое железо дороже заграничного.

Спрос на железо существует и всегда будет существовать, считает писатель, и весь кризис железодельной промышленности Урала сводится к тому, чтобы уральские заводчики «приготовляли железо одной цены с заграничной». Для этого у уральских горнозаводчиков есть, бесприммерно, благоприятные условия сравнительно с заграничными производителями железа. Объективно они заключались в том, что они имели «целые площади» единственной в целом свете по своим рудным богатствам земли, они имели миллионы даровых десятин леса, у них было созданное еще даровым крепостным трудом заводское производство, у них «под носом» громадный рынок со стомиллионным населением, у них «неизменное покровительство государства».

Писатель настоятельно рекомендует съезду горнопромышленников России подробно изучить, разработать и проверить все условия нашего частного горнозаводского хозяйства и найти истинные причины дороговизны уральского железа. А затем нужно будет сравнить, каким образом ведут свои дела наши подмосковные, польские и южные железозаводчики, которые не имеют у себя заводских площадей, равных по территории целому европейскому государству, не имеют дарового древесного топлива, устроенных крепостным трудом заводов, и которые, тем не менее, не только конкурируют с уральским металлом, но и очень быстро начинают развивать свои операции за рубежом. Почему-то, – задает читателю вопрос Д.Н. Мамин-Сибиряк, – кризис не задел их, и они не поддаются кризису, и развивают свое производство те заведения округа, которые поставлены в самые невыгодные условия для своей деятельности⁵.

Писатель очень резко критикует решение съезда горнозаводчиков России, заключающееся в том, чтобы прекратить доступ иностранного чугуна на рынок России. К чему это приведет – задается таким вопросом Мамин-Сибиряк. И отвечает, что поскольку российское производство удовлетворяет примерно 70% спроса, то 30% покрывались зарубежным чугуном. Откуда возьмутся эти 30%, если прекратится ввоз. Очевидно, наши заводчики должны будут увеличить свое производство и покрыть этот дефицит. Отчего же они раньше этого не сделали?

Писатель убежден, что полное уничтожение ввоза заграничного железа не понизит цены нашего русского железа, а только создаст тяжелую и в высшей степени вредную монополию кучки лиц, состоявшую из 18 уральских горнозаводчиков. При существовании 15 копеечной пошлины на заграничный чугун российские потребители переплатят русским заводчикам за 30 млн. пудов чугуна 4,5 млн. рублей, а когда ввоз прекратится, то заплатят и вдвое больше.

Писатель считает, что причины успеха зарубежной, черной металлургии заключаются в том, что она перешла «с древесного топлива на минеральное» и только благодаря этому расширила свое производство до «баснословных размеров», а всякое расширение производства ведет за собой неизбежное понижение цены продукта. Поэтому писатель считает, что никакая пошлина не сделает уральское железо дешевле, а тем более монополия. Возникает второй вопрос, пишет Мамин-Сибиряк, – почему наши уральские заводчики в течение целого столетия продолжали работать на древесном угле, хотя было видно, что запас лесов быстро уменьшается. Отвечая на этот вопрос, писатель замечает, что наши русские заводчики сами своего дела не ведут, а их отношение к заводам ограничивается только получением миллионных дивидендов. Переход с древесного топлива на минеральное требует единовременных громадных затрат, а потом заводы некоторое время будут давать очень ограниченную прибыль, пока новое производство не расширится и не встанет твердой ногой на новую почву. А у нас, – подчеркивает писатель, – наши русские заводчики (имея в виду уральских горнозаводчиков – В.С.) требуют от своих поверенных только дивидендов, и только их. Переход на минеральное топливо мог бы совершиться за счет запасных капиталов или в кредит. Однако уральские заводчики всегда умели проживать больше, чем получали, а поэтому они не имеют, отмечал писатель «ни денег, ни кредита»⁶. В полном нежелании

уральских заводчиков перейти с древесного угля на минеральное топливо писатель видел причины затруднений уральских производителей металла. Это, подчеркивает он еще раз, главный вопрос развития всей русской промышленности. Запрещение ввоза иностранного чугуна приведет, — считает Мамин-Сибиряк, — к тому, что большие переплаты на производство черных металлов попадут в карманы заводчиков, доверенных и управляющих. Писатель указывает на взаимосвязь экономики многих стран, на возникновение мирового рынка. Когда русское правительство стало облагать западный капитал таможенными пошлинами, европейские капиталисты перенесли прямо свои капиталы к нам в Россию и стали строить свои собственные заводы на русской почве. Этим они достигали того, что обходили тарифные и таможенные «злоухищрения».

Писатель приводит цифры развития российской металлургии за десять лет, с 1873 г. по 1883 г., они свидетельствуют о том, что выплавка чугуна в России за это десятилетие увеличилась на 29 процентов, а привоз заграничного чугуна за эти же сроки сократился на 8 процентов. Однако уральские заводы из общего увеличения выплавки чугуна за 10 лет на 5 млн. пудов увеличили его выплавку только на 2 млн. пудов. Следовательно, большую часть прироста производства металла дали западные и южные заводы. Если уральские заводы едва увеличили свое производство на 1/7 часть, то южные и польские — втрое больше своей первоначальной производительности. Быстро возрастающая производительность южных заводов объясняется тем, что они работают на минеральном топливе, а польские заводы используют немецкие капиталы, так как являются как бы продолжением силезских железных заводов, перенесенных на русскую территорию.

Статья Д.Н. Мамина-Сибиряка, посвященная кризису уральской горнопромышленности, имеет существенное значение не только по данному вопросу — она раскрывает понимание писателем прогрессивности капитализма по отношению к феодализму. Читая между строк подробные объяснения причин кризиса уральской горной промышленности, мы можем убедиться в том, что они связаны с остатками не преодоленных крепостнических отношений. Это не только старая база заводов, но и старые формы отношений их с государственными властями, которые щедро помогали уральским горнозаводчикам, ограждая их от конкуренции зарубежного металла высокими заградительными пошлинами — с одной стороны, и щедро субсидируя заводы — с другой. И тем не менее дела уральских

заводчиков в пореформенную эпоху шли не блестяще, пере-страивались они на работу в новых условиях медленно и трудно.

Причины данного явления заключались в том, что капитализм, с точки зрения писателя, обнаруживает большую живучесть, приспособляемость к изменяющимся условиям жизни, чем старый крепостнический порядок. Он вырастает из конкретных местных условий и мастерски использует те сырьевые богатства и те возможности, которые вытекают из них и при соответствующем использовании их способны приносить высокую прибыль.

Анализ статьи «Кризис горнопромышленности Урала» дает нам интересный материал для того чтобы показать, как писатель понимал эволюционное развитие общества. Если возникновение парцеллярного производства было связано с деятельностью смельчаков, отправляющихся на свой страх и риск в далекий Уральский край, то основание металлургических заводов было свидетельством большой эффективности мануфактурного труда. Эта стадия в развитии общественного производства связана с разделением ручного труда. Это дает более высокую производительность труда, чем изолированный индивидуальный труд. Это позволило России в XVIII веке в течение целого столетия занимать первое место в мире по производству черных металлов.

С возникновением машинного производства положение работника меняется коренным образом. Теперь на первый план выходит интерес к труду со стороны товаропроизводителей. Существенную роль при этом играет сложный труд на машинах, требующий для своей реализации специального образования. Мамин-Сибиряк осознавал, что капитализм создает более высокую производительность труда, чем крепостничество. Проникнутый сочувствием и любовью к трудовому народу, он осуждает не только жестокость времен крепостного права, но и хищнические приемы ведения промышленных дел при капитализме.

Однако этот протест имеет общечеловеческий характер, в лагерь левых социал-демократов писатель не пошел, оставаясь по своим общественно-политическим взглядам либеральным демократом, причем не идентифицирующим своих взглядов ни с одной из политических партий России.

Все симпатии писателя были на стороне простого народа. Он был полон сочувствия к его тяжелому материальному положению. Однако в духе эволюционизма Г. Спенсера Мамин-

Сибиряк считал, что постепенно положение народа будет улучшаться. Это должно явиться результатом совершенствования технологической базы промышленного и сельскохозяйственного производства, результатом роста просвещения народа.

Для достижения этого лучшего, не идиллического и беспроblemного будущего, как считал писатель, не нужно ни классовой борьбы, ни революций. В немалой степени это будет обусловлено совершенствованием нравственных качеств народов России. Помимо самых общих мировоззренческих интенций писателя, которые отражались в его художественных произведениях и очерках, в его переписке, мы должны подчеркнуть, что все его суждения об общественном прогрессе покрыты толстым слоем скепсиса, за которым иногда трудно разглядеть действительную совокупность его взглядов на общественный прогресс и его критерии. И тем не менее основные контуры его представлений об общественном прогрессе, которые проглядывают из его публицистики, мы постарались выделить и хотя бы кратко очертить здесь.

Глава VII. Проблема прекрасного в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка

Понимание прекрасного исторично, то есть оно понималось по-разному в разные периоды человеческой истории. Для нас важно то, как понимал Мамин-Сибиряк понятие «прекрасного» и какую роль он отводил ему в своем творчестве.

Проблема прекрасного в творчестве Мамина-Сибиряка предстает своими разными гранями потому, что писатель в духе демократической эстетики Н.Г. Чернышевского под прекрасным понимал жизнь в разных ее проявлениях, а прекрасным предметом считал тот предмет, который напоминает человеку о жизни. Юрий Боров определяет прекрасное как «самое широкое положительное общественное значение явления, его позитивная ценность для человека как рода»¹.

Прекрасное – это «одухотворенность» предмета. Эта «одухотворенность» вызвана не личностью, а обществом и его производственной деятельностью. Общественное производство наложило печать духовного облика современного человека на предметы внешнего мира. Оно превратило этот мир в реальное воплощение человеческих сущностных сил. Рассмотрим, как это понимал Мамин-Сибиряк в своем художественном творчестве, и какую интерпретацию категория «прекрасного» получила в его истолковании. Писатель проводит различие между объективным и субъективным в прекрасном. Прекрасное может быть содержанием, а красота – его формой. В романе «Падающие звезды» скульптор Е.З. Бургардт внушает своей дочери Аните, что «всякая красота вещь условная». Однако он сразу же чувствует, что «начинает брать фальшивый тон»². Его друг Шипидин считает, что красота – это выдумка, как и безобразия. «Почему нос картошкой, – задает он себе вопрос, – пытаюсь раскрыть Аните субъективность красоты, – хуже греческого носа». Все дело личного вкуса, считает Шипидин, вернее сказать, – дело нашей хищнической культуры. Негативная настроенность Шипидина по отношению к современной культуре выражается в том, что в красоте скрыто «незримое зло». И это «зло» обусловлено именно особенностями культуры современного общества. Природа в интерпретации Г.М. Шипидина представляет собой тот храм, в котором человек находится, и ту мастерскую, в которой он творит необходимые ему формы собственного бытия. В процессе этого творчества человеку необходимо не только то, что является объективно прекрасным, но и то, что представляет собой фальши-

вые ценности. Они необходимы тем социальным группам людей, которые находятся наверху общественной пирамиды и которые заинтересованы в том, чтобы через механизмы культуры социума транслировать их в обществе и передавать народу. Такого рода ложные культурные ценности Г.М. Шипидин сравнивает с орхидеями, которые имеют красивый вид, но не имеют запаха. В сущности, это просто чужеродные растения, паразиты, как и те насекомые, о которых не принято говорить. Мы и женскую красоту, — продолжает Григорий Максимович Шипидин, — поднимаем на ту же ступень «чужаидности и паразитизма». Вся она сводится только на то, чтобы кому-то нравиться, производить импонирующее впечатление, она существует не сама по себе, а как кредит, как обещание определенных ценностных ориентаций. Женщины выбиваются из сил, чтобы казаться красивыми, и в этом заключается их глубокое несчастье. Они концентрируют свои усилия в данном отношении на внешнем отражении формы, что делает их усилия в значительной мере фальшивыми при отсутствии соответствующего внутреннего содержания.

По свидетельству Г.М. Шипидина, мужчины поднялись неизмеримо выше женщины в смысле понимания мужской красоты, поскольку они связывают данное понятие с содержанием сущности человека, а отсюда уже вытекает то, что он действительно красивый мужчина.

Человек любит прекрасное, он наблюдает его в природе и создает в результате творческих усилий вторую природу, в которой ему удобно и комфортно жить. Мамин-Сибиряк считал, что природа выполняет функцию снятия напряжения, любования прекрасным, мотива для воссоздания прекрасного собственными усилиями человека в результате творческого акта.

Писатель проводит различие между справедливостью природы и справедливостью человека. Вот как он это делает.

«Пейзаж был незавидный, но он нравился Половецкому, отвечал его настроению. Деревья казались ему живыми. Ведь никакое искусство не может создать вот такую чахлую березку, бесконечно красивую даже в своем убожестве. В ней чувствовалось что-то страдающее, неудовлетворенное... Тощая почва, как грудь голодной матери, не давала питания. Ведь у такой голодной березки есть своя физиономия, и она смотрит на вас каждым бледным листочком, тянется к вам своими исхудалыми, замерзшими веточками и тихо жалуется, когда ее всколыхнет шалопай-ветерок»

Писатель мягко и тактично, но вместе с тем вполне опре-

деленно проводит параллели между прекрасным и тем ощущением тоски, которое оно вызывает у русского человека, происходящим от невозможности постоянно наблюдать и, следовательно, постоянно наслаждаться соответствующими явлениями природы. «А сколько в этом родного, сколько родной русской тоски», – писал он... А бледные, безмянные цветики, которые пробивались из жесткой, болотной травы, как заморенные дети. Какой стиль, какой язык, какой необычайный подбор изобразительных средств языка, какая совершенная тональность изобразительных средств языка, действующая безотказно на русскую душу и на русское сердце. Мамин-Сибиряк показал себя здесь выдающимся знатоком души русского народа. Вместе с этим он подчеркивает, что особенности души русского народа лежат в русле общечеловеческих различий природного и человеческого. Данное различие, по его мнению, заключается в том, что «если в душе человека растет такая жесткая трава», разница между человеком и природой заключается в том, что «в природе все справедливо», до последней самой ничтожной былинки, а человек несет в своей душе неправду, которая отравляет жизнь большинству человечества. Это то, что мы по праву называем безобразным.

Писатель переносится на конкретные описания природы Финляндии. Е.З. Бургардт любил эту бедную финскую природу с ее выцветшими блеклыми красками и каким-то особенным серым тоном, лежавшим на всем. Ведь есть красота, – размышлял он, – и в этих жиденьких лесах с бахромой готических стрелок, и в светлых озерах, и в бурных потоках, и в торчавших из земли валунах, точно позабытых здесь каким-то гигантским строителем, не успевшим закончить свою циклопическую постройку³.

Свое отношение к природе, к художественным творениям, созданным человеком в результате художественного творчества, отношения человека к другим людям он реализует в процессе любви. Однако эта любовь у разных людей проявляется по-разному. Мы все громоздим вокруг себя какую-то «дурацкую обстановку», – говорил Е.З. Бургардт М.И. Бачульской, – и делаемся ее рабами. Перед вами стоит жалкий человек... Полное ничтожество, – намекая на свое собственное чувство к мисс Мортон. Разве так любят? И в качестве образца настоящего любовного чувства он приводит любовь Данте к Беатриче. «Любовь Данте – вот идеал, потому, что там и любовь и жизнь – одно целое. Там любовь пронесена через жизнь как святыня»⁴. И только такая постановка вопроса о специфике величайшего

чайшего человеческого чувства делает его подлинно человеческим, по-настоящему возвышает и облагораживает человека, наполняет радужными красками его жизнь, поднимает его на величайшие подвиги, ведь красота, по выражению поэта, «страшная сила».

Огромное значение на рубеже XX века получило развитие техники. XX веку науки и техники человек не нужен. Конечно, данное выражение Мамина-Сибиряка нужно понимать не буквально, а в том смысле, что гигантские темпы научно-технического прогресса не дополняются соответствующими темпами роста нравственной зрелости человека.

Писатель по-своему оригинально объясняет влияние преобразований Петра I на русское искусство, последнее было создано немцами. Даже сам Петр I был в значительной мере сформирован вкусами и пристрастиями, которые царили в немецкой слободе. Литературный критик Саханов считал искусство фантазией сытого и пресыщенного человека. Он был в курсе дела и, не называя фамилий, наговорил целую массу самых горьких истин относительно особенностей, в которых развивалось русское искусство, причем оказалось, что наше мещанство принесло страшный вред русскому искусству, внесло в него разлагающие элементы и систематически развращало художников, которые вынуждены были подделываться под вкус своих заказчиков и вероятных покупателей. Мамин-Сибиряк высказывает предположение о том, что, может быть, в последнем кроется причина и того грустного явления, что русская публика относится совершенно равнодушно к своему родному искусству, как к прихоти ничтожной кучки богатых людей. Своим тоном и своим содержанием статья Саханова возмутила Бургардта до глубины души. Он считал, что мы будем чувствовать себя свободными, и весь мир на время исчезнет для нас. Последнее можно понять как то, что Мамин-Сибиряк не согласен с Сахановым и считает, что отечественное искусство, обладая оригинальным характером, как таковое обслуживает потребности русского общества не хуже, чем искусство стран Западной Европы. Особенности отечественного искусства Мамин-Сибиряк видел в том, что если западный менталитет «окаменел в эгоизме», то славянский — является прямой противоположностью ему по своей славянской теплоте и отзывчивости.

Если прекрасное — это положительная общечеловеческая ценность явлений, которыми общество уже полностью и свободно владеет, то возвышенное — это эстетическое свойство предметов, имеющих положительное значение для общества,

и таящих в себе огромные, еще не освоенные потенциальные силы. Эти непокоренные силы природы порою грозны и опасны для человека. Полное овладение ими реализуется в ходе истории, в которой раскрываются все новые и новые возможности и источники человеческого могущества.

Какую же ценность для человечества имеют высокие горы, океаны, космические просторы, если они еще не освоены? Деятельность людей так или иначе втягивает эти явления в сферу общественных отношений. Эти явления выступают в качестве природной среды, в качестве неисчерпаемой кладовой природы, из которой человечество постоянно черпает свою мощь и величие. Существенное значение в связи с этим приобретает категория «возвышенного». В чем же видел Мамин-Сибиряк возвышенное в развитии природы и общества? В каких категориях он развивал данное понятие?

В повести «Любовь куклы» Мамин-Сибиряк показывает негативную сторону современного ему научно-технического прогресса. «А всякая новая машина, – писал он, – разве не зверь»?⁶ И он поясняет, в чем заключается «это зверство машины» по отношению к человеку, такое парадоксальное и неправдоподобное на первый взгляд. Машина отнимает у человека работу и в этом проявляется ее бесчеловечность. С точки зрения Мамин-Сибиряка окружающая человека обстановка, аксессуары, созданные его руками, рассчитанные на вкусы определенной публики, отнимают у него, по крайней мере отчасти, внимание к красотам природы.

«Ни сама река Камчужная, ни ее берега никаких особенных красот не представляли, но Половецкому все теперь казалось в каком-то особенном освещении. Точно он видел эту бледную красками и линиями русскую северную природу в первый раз. Да, он любовался красотами Капри, венецианских лагун, альпийских ледников, прибором Атлантического океана, а своей родной природы не существовало. А ведь она чудно хороша, если хорошенько всмотреться, она широкий масштаб, по которому выстроилась русская душа. Что может быть лучше этих блеклых акварельных тонов северной зелени, этих мягких ласкающих линий и контуров этого бледно-голубого неба? О, как он это отлично все понимал и чувствовал, и любил именно сейчас... Красоты родной северной, долинной природы, которые он мог наблюдать с палубы парохода, привели его к мысли о том, что ему жаль пассажиров, ехавших в первом классе, которые так равнодушно относились к окружающему их пейзажу»⁷.

Мамин-Сибиряк проводил основательное различие между пониманием прекрасного со стороны народа и господствующих слоев российского общества. Для взрослых, по свидетельству писателя, было характерно эгоистическое удовлетворение прекрасным: женской красотой, прекрасным в искусстве, в природе – избрание места в Альпах, в Италии, на побережье Атлантического океана, куда устремлялись тысячи состоятельных людей из разных стран. Для богатых людей, как считал Мамин-Сибиряк, было характерно стремление к присвоению прекрасного, к приобретению его за деньги, драгоценные украшения в одежде, интерьер жилища и т.п.

Для демократической интеллигенции было присуще стремление служить народу. В романе «Падающие звезды» Шипидин – друг скульптора Бургардта – развивает его дочери Аните общие взгляды на жизнь, на счастье, на цель жизни, и при этом его мысли неизменно уходили в далекую от Петербурга Россию, в те глухие деревушки, где прозябал «настоящий и единственный русский человек». Народ для Аниты составлялся из дворников, извозчиков, швейцаров и кухонных мужиков, а в свете объяснений Шипидина все это только отбросы настоящей деревни, потерянные для настоящей жизни люди. Из рассуждений Шипидина Анита узнала, наконец, что если для чего стоит жить на свете, так это именно для этого великого в своей исторической бедности народа, гиганта в лаптях.

Григорий Максимович говорил так просто и вместе с тем так увлекательно, что Анита невольно заинтересовалась содержанием того, о чем он рассказывал с таким безыскусственным пафосом.

– Что же я могу сделать для этого народа? – спросила она однажды с отчаянием в голосе.

– О, очень много! – отвечал он.

Она испугалась тех форм жизнедеятельности, в которых могла быть реализована ее служба народу. Разве она могла быть сельской учительницей, фельдшерницей или сестрой милосердия, чтобы похоронить свою молодость в каком-нибудь медвежьем углу, к чему ее так возвышенно призывал Шипидин. Если тысячи молодых представителей интеллигентной молодежи отправятся в деревни, будут жить и работать там для народа – это приведет к тому, что их жизнь будет наполнена высоким смыслом, глубоким содержанием. Это кажется странным только издали, – невозмутимо продолжал Шипидин, спокойно возражая на едкие реплики Аниты, свидетельствующие о ее

нежелании ехать в деревню и посвятить свою жизнь народу. – Ведь самое важное, – спокойно и с достоинством продолжал он, – чтобы жизнь была полна, а для этого важно сознание, что каждый день прошел не бесследно. Поскольку Анита резко возражала, Анатолий Максимович стал горячиться, и его речь потекла в русле использования риторических фраз. – «Разве это жизнь, как живут теперь в больших городах, умирая со скуки? – горячо возражал он на страстные отповеди своего юного оппонента. – Разве это работа, которая никому не нужна и которая тяготит работающего как ярмо»⁸? – страстно восклицал он.

Возвышенное далеко не всегда практически реализуется в жизни. Неудачными оказались и попытки А.М. Шипидина привить юной Аните основные положения народнической теории о том, чтобы основным содержанием жизни была отдача ее на службу народу.

История человечества насыщена трагедийными событиями. Человек смертен, и его не могут не волновать проблемы смысла жизни, смерти и бессмертия. Содержание этой стороны бытия раскрывается категорией трагического. Трагедия несет в себе холодный отблеск смерти. Сознание смерти заставляет человека острее переживать всю прелесть и горечь, всю радость и сложность бытия, весь трагизм жизни и смерти.

В осмыслении трагедийных ситуаций в мировой художественной культуре обозначились две крайние позиции: экзистенциалистская и буддистская. Для экзистенциализма смерть – это центральная проблема философии и искусства. Экзистенциализм исходит из абсолютизации самооценности личности и подчеркивает ее некоммуникабельность, отторженность от общества. Это приводит концепцию экзистенциализма к парадоксу: гибель личности перестает быть общественной проблемой. Если личность отторгнута от других людей, то какое им дело до ее гибели. Личность, не ощущающая вокруг себя человечества, охватывает ужас неизбежной конечности бытия. Отторгнутая от людей личность оказывается абсурдной, а ее жизнь – лишней смыслу и ценности.

Для буддизма человек, умирая, превращается в другое существо. Если экзистенциализм приравнивает жизнь к смерти (жизнь столь же абсурдна, как и смерть), то буддистское мировоззрение приравнивает смерть к жизни (умирая, человек продолжает жить, поэтому смерть ничего не меняет). И в этом, и в другом случае снимается всякий трагизм. Гибель личности приобретает трагическое звучание только там, где человек,

обладая самооценностью, живет во имя людей, их интересы становятся содержанием его жизни. В этом случае, с одной стороны, существует неповторимое индивидуальное своеобразие и ценность личности, а с другой – погибающий герой находит продолжение в жизни общества. Поэтому гибель такого героя трагедийна и рождает чувство безвозвратной утраты человеческой индивидуальности (и отсюда скорбь), и в то же время возникает идея продолжения жизни личности в человечестве (и отсюда мотив радости)⁹.

Мамин-Сибиряк рассматривает трагическое в контексте действия категории «ненависть», последняя рассматривается им как та предпосылка, то душевное состояние личности, которое является необходимым для достижения трагических последствий.

«Что такое ненависть? – риторически вопрошает себя как автора романа «Падающие звезды» Мамин-Сибиряк. – В каких неизведанных глубинах зарождается это чудовище? Как оно растет, питается и множится, пока не захватит всего человека?» В самом деле, не странно ли, что для двух человек вокруг делается тесно на свете, другие лица перестают для них существовать, и всякая мысль, всякое чувство, всякое движение роковым образом привязываются в врагу, которого не обойдешь и не объедешь.

Писатель выделяет два момента, которые характерны для ненависти: 1) сужение, концентрация сознания на одном объекте и 2) усиление негативного чувства по отношению к тому объекту, который в данное время представляется врагом или антиподом. Чувство человека так усиливается, достигает таких масштабов, что за этим, как правило, следуют такие безответные действия, которые приводят личность противника к смерти. Причем концентрация внимания личности на определенном аспекте поведения своего противника приводит к тому, что многие обстоятельства, не находящиеся прямо перед глазами личности, не принимаются ею во внимание. В результате очень часто мера возмездия по отношению к своему противнику оказывается неадекватной, суровой, несоизмеримой с тем поступком, который противник человека совершил. Это и вызывает необъективность, чрезмерность, неадекватность чувств, намерений и поступков человека, концентрирующихся в ненависти человека и объективных последствий его «вины».

Когда один человек ненавидит другого человека, разве это не трагедия, – риторически вопрошает Мамин-Сибиряк. Именно ненависть суживает душевный горизонт до последней сте-

пени, и человек гибнет под напором собственного душевного настроения. Ненависть Бургардта по отношению к Красавину была основана на том, что он не был даже вполне уверен в его виновности в отношении мисс Мортон. «Ведь это только в романах пишут, – подчеркивает Мамин-Сибиряк, – что тонущий человек в одно мгновение переживает всю свою прошлую жизнь. Ничего этого нет и не может быть, потому что все мысли и все чувства сосредотачиваются на расстоянии нескольких роковых причин, и в этих географических пределах разыгрывается вся драма. Да, одно настоящее, один момент – и человека не стало, вместе с его животным страхом за его драгоценное существование»¹⁰. Таким образом, Мамин-Сибиряк рассматривает ненависть как исходное понятие трагического, ведущее к его ужасным последствиям.

В осмыслении трагического писатель придерживался нечетко выраженного дуального отношения. Для представителей господствующих слоев российского общества, которые в основном стояли на позициях эгоистического присвоения материальных и духовных ценностей, в интерпретации Мамин-Сибиряка был характерен экзистенциалистский подход к рассмотрению проблемы трагического. Конечно, сам термин он не употреблял.

Уральские заводчики и купцы, золотопромышленники и железнодорожные магнаты рассматривали ценности своей собственной жизни изолированно от общественного контекста социального целого. Поэтому их жизнь и их смерть имела исключительное значение только для них, и этим дело, в сущности, и ограничивалось. Общественная жизнь, работа фабрик и заводов для них являлась всего лишь средством для того, чтобы обеспечивать себе комфортное существование.

Что касается демократической интеллигенции, то ее отношение к трагическому, как полагал Мамин-Сибиряк, было ближе к буддистской интерпретации социокультурной жизни России второй половины XIX века. Это находило конкретное выражение в том, что смерть во имя общественных интересов, жизнь для народа приводили к тому, что человек не только погибал, то есть переставал существовать как личность, но и продолжал жить в народной памяти, поскольку он погиб за народное дело. Это, конечно, не означало в полном смысле буддистское переселение души, однако это являлось, в известном смысле, модификацией данного понятия.

Симпатия писателя в решении проблем трагического находилась на стороне той части российской демократической

интеллигенции, которая боролась за счастье трудового народа.

Сам народ в отношении проблемы прекрасного, возвышенного и трагического в общественной жизни представлял сложное и разнофункциональное образование. Часть народа, его зажиточные слои видели в прекрасном результат своего домашнего творчества. Женщины ткали одежду, украшали ее своеобразным, иногда высокохудожественным орнаментом. Прекрасным было оформление интерьера и экстерьера крестьянского жилища, изделия ремесла, посуды, великолепными были высокохудожественные произведения устного народного творчества. В меньшей мере данные реалии художественного самовыражения народной души были выражены в бедняцких слоях крестьянского и горнозаводского населения Урала, которые активно злоупотребляли спиртными напитками. Искусственное веселье, вызываемое действием алкоголя, свидетельствовало о бедности воображения той части народа, которая им злоупотребляла, а с другой стороны, – злоупотребление алкоголем, который был дорогим, приводило к многочисленным трагическим коллизиям в рабочих и крестьянских семьях, приводило к снижению реального жизненного уровня значительной части населения.

Конечно, культура питания, которая отсутствовала у значительной части русского народа, не была беспричинным явлением. Она коренилась в условиях социальной жизни российского общества, и Мамин-Сибиряк сурово осуждал эти условия, обрекавшие миллионы российских тружеников на темноту, забитость, каторжный труд и нищету. Однако ярко, горячо и страстно критикуя недостатки социальной действительности России второй половины XIX века, писатель не видел однозначного и радикального выхода из этого положения.

Основное внимание он обращал на просвещение народа, на его освобождение от многочисленных остатков крепостного права, на развитие раскрепощенного свободного труда.

Глава VIII. Этика Д.Н. Мамина-Сибиряка

Все произведения Мамина-Сибиряка представляют собой художественное отражение жизни народа и его хозяев, разнообразной, демократически чувствующей себя и настроенной народной массы и хозяев экономически активной жизни Урала – одновременно заводчиков и помещиков. Если первой он сочувствует и изображает ее с должным достоинством, то вторую не любит и изображает на уровне критического неприятия и осуждения. О том, что дело действительно обстояло таким образом, мы попытаемся показать, раскрывая содержание данной главы.

Мамин-Сибиряк не был философом, потому естественно, что он не занимался специально этикой и не оставил нам специального трактата, освещавшего этическое учение писателя как систему этических категорий.

Центральными категориями нравственного учения Мамина-Сибиряка, которые он непосредственно использует в своих произведениях, являются понятия «добра» и «зла». Естественно, что писатель вкладывает в содержание данных категорий традиционный, расхожий для тех времен смысл, широко представленный в обыденном народном сознании. Добро – это то, что способствует человеку в его делах, помогает ему, а зло, наоборот, то, что мешает ему жить.

Показателен в этом смысле его рассказ, написанный в 1900 году. «Дверь добра и дверь зла». В рассказе повествуется о жизни старушки рантье, тети Марины и ее племянницы Ниты, снимавшей второй этаж одного из деревянных домов в Царском селе. В квартире тетушки Марины были две двери – одна, которая вела на парадное крыльцо, и другая, которая служила входом в кухню. Последняя дверь для тети Марины являлась постоянным источником тревог и неугасающего страха, потому что, несмотря на все предосторожности старой старушки, внешнее зло постоянно вторгалось к ней именно этим путем.

Однако так было в прошлом. Условия жизни изменились, и однажды, когда Нита копалась в садике, она за своей спиной услышала неприятный голос:

– Тетя Марина дома?

Средних лет дама вошла в гостиную вслед за ней. Затем она поселилась в доме у тети Марины, возобновила знакомство с генералом Мочкиным и, в конце концов, она объявила тете Марине, что уезжает, выходит замуж за генерала Мочкина, расходится со своим мужем, деньги за развод частично в раз-

мере 10 тыс. рублей ей дает генерал, а после его смерти она будет получать пенсию. Александра Васильевна, так звали эту даму, был очень расчетливым человеком, хорошо понимающим свои интересы. Все это поставило тетю Марину в такое затруднительное положение, что она решила: «пора ей умирать». Она совершенно не понимала, «которая сейчас дверь добра, а какая – дверь зла».

Дело в том, что тетя Марина на старости лет составила себе представление о том, что люди делятся на две породы: высшую и низшую. Наши понятия, правила и убеждения (людей высшей породы – В.С.) для низшей породы совершенно не существуют, потому что их жизнь регулируется низшими животными инстинктами. Конечно, и мы делаем ошибки, часто заблуждаемся, но это совсем не то. У нашей кухни собственная психология, логика и этика. И тетю Марину крайне огорчало как убежденную христианку то, что эти представления начинают нарушаться. Ей начинает «казаться», что древние философы были правы, когда считали рабов особого рода существами¹. Тетя Марина решительно не понимает, как могло зло прийти к ней через парадную дверь. Понятия добра и зла в современной России смешались, – хочет этим сказать Мамин-Сибиряк, – и правительство совершенно не хочет войти в положение тети Марины. То есть оно не хочет расставить нравственные ценности по свои местам, поэтому то, что одним представлялось добром, стало злом, и наоборот.

Этот диссонанс нравственных ценностей российского общества был характерным для кануна революции 1905-1907 г. Смешение нравственных ценностей народа и его элиты явилось одним из показателей нравственных коллизий российского общества на рубеже XIX–начала XX веков. Оно явилось естественным и необходимым моментом движения общества на пути к революции, хотя сам Мамин-Сибиряк такого вывода из нравственной ситуации в рассказе не делает. Вывод вытекает из совокупности обстоятельств, раскрытых и нарисованных в рассматриваемом произведении.

Конечно, представления старушки Марины о добре и зле, то есть о том, что проходит и будет проходить через соответствующие двери, являются «ветхозаветными». Добром для нее является все то, что способствует сохранению в неизменном виде нравственных устоев общества. А что касается изменений нравственных ценностей, то все это представляется ей чем-то от лукавого, чем-то таким, что разлагает существующий в обществе порядок вещей и угрожает его существованию. Тетя

Марина не может примириться с этим и предпочитает, по крайней мере словесно, такому положению нравственных ценностей – смерть.

Мамин-Сибиряк рассматривал становление нравственных ценностей в российском обществе в пореформенную эпоху эволюционно. Чем ближе по времени к революции 1905-1907 г. относятся его произведения, тем в большей мере становится характерным для него отход от нравственной основы патриархально-религиозных, евангельских ценностей общественной морали.

Роман «Жилка», первоначально опубликованный в либеральном журнале «Вестник Европы» в 1884 году, при повторной публикации в 1896 году в журнале «Звезда» писатель назвал «Дикое счастье». Это название более адекватно содержанию романа. Если в первоначальных рукописных версиях романа изображение растлевающего действия золота на семью Брагиных дается с точки зрения «сентиментальной» морализации, заключающейся в идеализации старых патриархальных общественных отношений, то в последующих публикациях романа эта сентиментальная морализация значительно ослаблена, сокращена и сводится к трактовке особой зловредной, разъедающей людей роли золота как такового, как фактора зла в человеческом обществе. Золото уже в самой природе своей общественной субстанции содержит зло. Там, где оно появляется, подтачиваются семейные устои и общественные добродетели, укрепляется индивидуальная жадность, соблазны греха и неправды. Золото порождает в обществе законы волчьей борьбы и общественной несправедливости.

В романе «Дикое счастье» Мамин-Сибиряк показывает растлевающее влияние власти золота на семейные межличностные отношения, он показывает, что чем больше человек имеет золота, тем больше и сильнее разгорается в нем страсть к драгоценному металлу, тем больший диапазон преступлений данный индивид готов совершить. Он показывает это через образы членов семьи Брагиных и окружающих ее дельцов, связанных с махинациями по перекупке и грабежу драгоценного металла.

Для приобретения золота люди не останавливаются ни перед чем. Старатель Маркуша перед смертью заставляет Гордея Евстратича Брагина поклясться Иисусовой молитвой «отмолить» его душу. Пятнадцать лет назад он «порешил» штегеря и вот теперь перед смертью говорит Гордею Евстратичу, что он «укажет» ему золотиносную «жилку» и научит его,

что с ней делать. Он полон осознания тяжести совершенного им преступления, оно мучило его пятнадцать лет, поэтому он перед смертью, передавая знание о золотой жилке Г.Е. Брагину, берет с него клятву Иисусовой молитвы, что он «отмолит его душу». Кроме Иисусовой молитвы, Марк ничего в «богословии» не знал. Эта молитва запала в его грешную душу, «как падает зерно на каменную почву».

Гордея Евстратич не выдерживает искушения получить сведения о «золотой жилке» и, следовательно, стать богатым, и обещает старателю «все грехи раба божия Марка вплоть до своей кончины» замаливать, а затем передать эту эстафету своим детям, если они останутся в живых. Особо нужна была Маркушке «доходная к Богу от Татьяны Власьевны» – матери Гордея Евстратича Брагина. Благочестивая женщина испытывает содрогание сердца, связанное с самой мыслью о возможности обладания благородным металлом... А как подумаю о золоте, – размышляет она, – точно что у меня внутри оборвется. Вдруг-то страшно очень...²

Татьяна Власьевна понимает, что золото само по себе не может быть причиной человеческих несчастий и бед, которые вытекают из межчеловеческих общественных отношений. «На золоте не может быть никакого заклатья, – говорил отец Крискент, – потому что это плод земли, а Бог велел ей служить на пользу человеку»³... Только каждому человеку должна быть отмерена своя часть, и всякий должен быть доволен ею. Однако это получается не так, и в самой семье Брагиных начинается борьба за обладание золотом. Младший брат Зотей Евстратич – против разработки жилки. «Жили, слава Богу, и без жилки, проживем и теперь... От этого золота один грех»... За это он был отстранен от принятия решения по разработке золотоносной «жилки». Жажда иметь золото охватила членов брагинской семьи. «Только поскорее... – торопила старуха-мать Брагина, – как бы Лукол-то не заграбастал нашу жилку». Даже природа на прииске как бы символизирует эту зловещую власть золота. Писатель символизирует это образом осины. На опушке леса, – отмечал он, – ярко блестела горькая осина, точно обрызганная золотом и кровью. Мамин-Сибиряк показывает, легкого счастья золото дать не может, и преступная удача всегда оборачивается нравственными страданиями. Счастья тут нет.

Об этом свидетельствует встреча Татьяны Власьевны и умирающего старателя Маркуши. Эта замечательно глубокая по глубине психологического рисунка сцена свидетельствует о том, как тяжело умирать человеку, когда его совесть не чиста.

Маркуша говорит Татьяне Власьевне: «Душу я загубил... Душу человеческую... Он ведь надо мной постоянно стоит. Это он моей души дожидается»... Эти слова принадлежат не автору, а умирающему старателю. Однако в свете того впечатления, которое на него произвела речь богобоязненной старухи, можно высказать предположение о том, что для Мамина-Сибиряка высшей ценностью являлась человеческая жизнь.

С религиозной точки зрения лишение человека жизни есть величайший грех, однако, с точки зрения раскольниковского богословия, исходным является тезис о том, что «большой грех прощается скорее малого», потому что человек, совершивший его, быстрее покаяется.

Маркуша считал себя очень грешным человеком, он полагал, что там вверху, в надзвездном мире, его ожидала карающая беспощадная рука, которая воздаст сторицей за все земные неправды. И это чувство необратимости возмездия за тяжкие грехи держало Маркушу вне религиозного мироощущения. Он боялся Бога, страшился своей ответственности за грехи и старался поменьше думать об этом. Такие воззрения старого, умирающего старателя поколеблены речью Татьяны Власьевны. Ее степенная, душевная речь затронула в душе этого отчаянного человека неизвестные даже ему самому струны. Ведь с ним никто и никогда не говорил, да он и не в состоянии был слушать такие благочестивые разговоры, потому что представлял собой один сплошной грех. Теперь другое дело, теперь он жадно ловил каждое слово богобоязненной старухи, как умирающий от жажды глотает капли падающего дождя, и под ласковым сочувствующим взглядом другого человека эта ледяная глыба греха подалась... У Маркушки в глазах стояли слезы, когда Татьяна Власьевна закончила свое первое и напутственное слово ему: он сам не знал, о чем он плакал, но на душе у него точно просветлело. Мрак и сомнения уступили место радостно-светлому чувству. Такими словами писатель описывает освобождение человека от тяжелых переживаний, связанных с совершенным в прошлом убийством.

Если в рукописных вариантах романа его герои видят выход отхода от звериной морали, возникшей на основе золотой лихорадки, в обращении на путь христианской любви, то в позднейших публикациях данный аспект затушеван, сокращен и частично снят.

В окончательном тексте романа Гордей Евстратич Брагин после своего разорения испытывает большой душевный надлом, характеризуемый позывом его к новой, чистой и правед-

ной жизни. Однако эта тенденция представляет только одну сторону его душевного состояния, его нравственных терзаний после постигшей его катастрофы. Другая сторона нравственной сущности Гордея Евстратича озабочена тем, чтобы, учтя опыт постигшей его экономической катастрофы, он решил действовать еще более изощренно и тонко, чем раньше. Он отказывается припрятать часть имущества перед аукционом, не желая создавать для себя ненужных осложнений. Однако он не отказывается от планов новых хищнических предприятий. Отведав легкой наживы, связанной с золотом, старик скучал за обычными занятиями, его тянуло пуститься в новые рискованные операции, в новые неизведанные дела, которые, как азартная игра в карты, – только во много раз сильнее, – разжигала его аппетит и желания.

В окончательной редакции романа, названной «Дикое счастье», Мамин-Сибиряк изумительно точно и адекватно содержанию романа раскрывает аморальность тех возможностей, которые заложены в самой природе благородного металла. Оно, в силу своей высокой цены, оказывает влияние на нравственность тех людей, которые занимаются его добычей. Оно способно приносить им счастье. Но это счастье, в силу целого ряда обстоятельств, начиная с особенностей его добычи, оказывается не обычным, а «диким», то есть не контролируемым моральными нормами общества, а, следовательно, открывающим возможности для практической реализации аморальных принципов, включая преступность. Счастье, основанное на этих факторах, оказывается действительно диким.

Добыче золота писатель посвятил целый ряд произведений. В них он показывал растлевающую власть золота над поступками, умами и совестью людей. Мамин-Сибиряк смог подняться до понимания настоящих причин общественного, а не индивидуального неблагополучия тех старателей и рабочих казенных и частных предприятий, которые занимались добычей золота. Пьянство и картежная игра являлись двумя главными каналами, через которые от золотоискателей утекали удачно заработанные большие деньги. Однако эти «пороки» рабочих не рассматривались Маминым-Сибиряком в качестве причины нищеты рабочих золотых приисков.

Нищета рабочих объяснялись писателем рядом факторов разнонаправленного действия. Во-первых, удача в золотой лихорадке рассматривалась рабочими золотых приисков как компенсация за скверную жизнь, которую они вели и терпели до этого. Жизнь на приисках в шалашах и в землянках, на лоне

суровой уральской природы, в грязь и в морозы, вдали от своих семей, родных и близких в случае удачи требовала компенсации в рамках тех культурных возможностей, которые, во-первых, были под руками, а, во-вторых, которые принимались и были наработаны соответствующей примитивной культурой старателей, являющейся результатом и итогом всей их предшествующей жизни.

Во-вторых, в этом же направлении действовала на каждого рабочего золотых приисков та примитивная и убогая культурная среда, которая предусматривала давление на личность старателя с целью вовлечения его в общепринятый способ проведения досуга, где бы он мог проводить «достойно» свое свободное от работы время, конечно, с учетом имеющихся «под рукой возможностей» для проведения культурного досуга.

В-третьих, в том же направлении действовало отсутствие у многих золотоискателей всякого образования, а отсюда признание выпивки единственным веселым времяпрепровождением. Ответственность за такое проведение досуга рабочими золотых приисков, по мнению писателя, падала на государство, которое не могло, да и не пыталось решить эти вопросы.

Ответственность государства за личность не в смысле тоталитарного регулирования ее потребностей и интересов, а путем создания элементарных условий жизни старателей (строительство храмов, общества трезвости и т.п.).

Мамин-Сибиряк неоднократно обращался к теме добычи золота на Урале. Делал он это по-разному. Если в романе «Золото» он рисует обстановку, связанную с добычей золота полунищими старательскими артелями, то в повести «Золотая ночь» описана борьба между дельцами-золотопромышленниками. Для писателя прототипом золотопромышленника Флегонта Флегонтовича Собакина был И.В. Попов – член маминского кружка в Екатеринбурге. Мамин-Сибиряк неоднократно выезжал с Поповым на прииски и так увлекся этим делом, что одно время предполагал принять участие в подаче школьных заявок на золотые разработки. Поездки с И.В. Поповым дали Мамину-Сибиряку очень много материала для его работ, посвященных развитию золотопромышленности на Урале⁴.

В «Золотой ночи» писатель описывает дележ золотоносных участков. Здесь все нравственные антиподы человеческой природы пускались в ход: водка, женщины, хитрость, наглость, обман и главное. – сила, не физическая сила тех отрядов доверенных сил, которые золотопромышленники посылали для

захвата богатейших золотоносных участков, а сила финансовая, связь с властями, опыт и навыки ведения дел по захвату золотоносных участков.

В результате сложной борьбы между различными соискателями в конечном счете были захвачены все участки, за исключением нескольких лучших, оставшихся спорными. Все они попали в руки Агашкова, Кривополова, Куна «и прочей прожорливой и добычливой братии». Ну, а шумный и крикливый, но не имеющий больших капиталов, Флегонт Флегонтович Собакин остался «на бобах» и «теперь мечтает, — пишет Мамин-Сибиряк, — о каком-то заветном местечке на Чусовой, которое ему обещал предоставить самый наивернейший человек». Такими словами писатель выразил непрактичность Ф.Ф. Собакина, его неумение вести дела и его естественное состояние быть всегда не у дел, а около них.

Потрясающая человеческое воображение картина нравственного нигилизма в поведении золотопромышленников в период оформления заявок на новые золотоносные участки нарисована Маминим-Сибиряком с такой потрясающей художественной силой, с таким проникновением в глубины испорченной властью золота человеческой души, с таким знанием фактической стороны дела, что этот рассказ по художественному совершенству занял одно из первых мест в мировой художественной литературе.

Перед читателями проходит целая галерея нравственных уродов человечества: от силача-алеута до «наводчика» Спирьки Косого, от старика Агашкова, любящего, несмотря на более чем почтенный возраст, молодых и красивых женщин, до аккуратного немца Куна, всегда застегнутого на все пуговицы и с вечной, точной приклеенной, папиросой во рту. Все они поднапорели, приобрели необходимый опыт в конкурентной борьбе, а главное, обладают необходимыми капиталами для того, чтобы душить, обманывать «мелкоту» наподобие Ф.Ф. Собакина, у которого кроме демагогии, да умения хорошо ругаться с рабочими и приказчиками ничего нет за душой.

Демократизм писателя, его любовь к человеку, затапываемому жизнью, с особой рельефностью раскрылся в рассказе Дмитрия Наркисовича «Башка», имевший подзаголовок «Из рассказов о погибших детях». Данный рассказ понравился Л.Н. Толстому, который вслух читал его своей семье⁶, а А.М. Горький считал рассказ «Башка» одним из лучших рассказов Мамин-Сибиряка. Писатель отмечал, что рассказ производит сильное впечатление, доказывая, что иногда даже грязь

не мешает человеку блистать алмазами духовной красоты⁷.

Башка влюбляется в Фигуру, он хочет вернуть ей человеческий облик, избавить ее от тех «уродств», которые она приобрела во время жизни «на дне». Во время болезни Фигуры он самоотверженно выхаживает ее. Мамин-Сибиряк сочувствует Башке, несмотря на то, что тот пьяница и находится на самом дне человеческого общества.

Однако изломанные характеры людей этого «дна», включая сюда Башку и Фигуру, приводят к тому, что у них чувство любви сопрягается с ненавистью и непониманием. В результате их взаимные отношения не складываются, а после насмешки Фигуры над чувствами Башки, связанными с покупкой женского белья, о котором мечтал Фигура, Башка уходит из «Плевыны» и навсегда исчезает из Пропадинска. Сочувствие Мамина-Сибиряка всецело на стороне героев общественного дна, и в особенности Башки, а не действующих лиц «Золотой ночи». С философской точки зрения противоречия между возможностями, заключенными в личности, и реальными условиями, которые требуют выбрать, скучное, окованное узкими и жесткими рамками, наперед заданное существование – стать священником, чиновником, помощником присяжного поверенного – остро ощущается Башкой как лично для него неприемлемое.

Он чувствовал в своей душе «силы необъятные», и это сознание собственной силы и превосходства над окружающими его семинаристами сделало его несчастным. А отсюда его пьянство и общественное падение. Через пьянство герои «дна» надеются почувствовать себя «высокими носителями совершенной жизни»⁹. Конечно, такое представление иллюзорно, однако, в силу разложения личности на почве хронического алкоголизма, осознание этого факта и становление на путь настоящий, полноценной жизни для опустившихся интеллигентов, дошедших до уровня босяков, существенно затруднено и возможно не для всех из них. Тем более необычным на этом фоне является поведение Башки, который, в отличие от Фигуры, смог возвыситься над этим миром, подняться над ним и покинуть его.

Принцип социальной справедливости находится в подтексте большинства произведений Мамина-Сибиряка. Это художественное оформление, открыто не высказываемая доминанта художественного творчества писателя, выражающая демократическую направленность его творчества. В творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка принцип социальной справедливости как исходная точка отсчета пронизывал разные стороны меж-

человеческих, межличностных отношений. Наибольшее внимание писатель уделил таким аспектам действия данного принципа, как отношения господ и слуг, разбойников и преступников, мужа и жены в сфере семейных отношений, детей и родителей, старшего и младшего поколений.

Действие данного принципа Мамин-Сибиряк рассматривал в большинстве своих художественных произведений. Прежде всего, он делил общество на две неравные величины: на тех, кто вписался в данное общество – это люди разных классов и социальных положений, которые живут и работают в нем, наслаждаются теми благами, которые им доступны в результате их труда или их наследственного социального статуса, и тех людей, которые не принимают социальные порядки, царящие в российском обществе, которые выклиниваются из данного социума, и которых мы теперь называем девиантными.

Люди, не принимавшие существующие в России порядки, делились в произведениях Мамин-Сибиряка на две категории: разбойники и преступники. По мнению писателя, они существенно различались по той социальной роли, которую они играли в российском обществе. Первые рассматривались как борцы за социальную справедливость, вторые как эгоисты, которые решили пожить за счет общества. Соответственно и отношение писателя к ним было существенно различным.

Разбойники при крепостном праве рассматривались Мамин-Сибиряком «как глухой протест всей массы заводского населения» против существующих в стране общественных отношений, а «отдельные единицы являлись только его выразителями, более или менее яркими»⁹. Такой заводской работник пользовался симпатиями массы и превращался в героя. Он шел за общее дело, и масса «глухо» его отстаивала. Разбойники рассматривались Мамин-Сибиряком как протестанты против существующих в России социальных отношений. По большому счету, наиболее крупные из них (Болотников, Разин, Пугачев) были борцами за права народа. Стихийная антикрепостническая направленность выступлений под их руководством представлялась писателю достаточно ясной и убедительной. Последнее находило конкретное выражение в борьбе за права народа на землю, на волю, на свободную от всяких поборов и стеснений жизнь.

В качестве народных героев Мамин-Сибиряк рассматривал местных разбойников (Аверко, Савка, Федька Дедков, Чеботка). Характерной особенностью их деятельности являлся стихийный протест против местных властей в одиночку, без

открытой поддержки масс.

Со стороны последних было только глухое, подспудное сочувствие, не выливавшееся в открытые выступления. По свидетельству Мамина-Сибиряка разбойники отличались «непримиряющим духом протеста», глухой борьбы и взрывами дикой воли. Одним из самых ярких воспоминаний моего детства, – подчеркивал Мамин-Сибиряк, – является именно разбойник, как нечто необходимо роковое, как своего рода судьба и кара, как выражение чего-то такого, что с плеча ломило и разносило вдребезги все установившиеся нормы морали, до дна возмущая мирное течение жизни и оставляя после себя широкий след в народном сознании¹⁰.

Через детское восприятие писатель рисует роль разбойников на горных заводах Урала. Он отмечает, что тема разбойников была «неистощимой» питательной почвой для рассказов, сказок и легенд, которые без конца рассказывались в задумчивые летние сумерки и бесконечные зимние вечера. Няня, кухарка, кучер, разные старушки-нищенки, бродившие из дома в дом, «все знали тысячи разбойничьих историй, которыми охотно делились с нами, детьми». Через детей данная устная историческая фольклорная традиция сохранялась в качестве неистощимой волны и передавалась следующим поколениям.

Любимой разбойничьей историей была сказка «про репку», которую рассказывала детям «бабушка Филимоновна». Ее рассказ сводился к тому, как кержак Корнило, живший в деревне Пенькове, смертельно ранил в своем огороде беглого каторжника за репку. Перед смертью беглый попросил у народа прощения и признался, что он в Невьянском заводе «вдову с мальчиком зарезал». Следовательно, по народному представлению не за репку его Корнило убил, а Бог злодея нашел.

Мамин-Сибиряк не скрывает, что разбойники часто совершали уголовные преступления. «Случаи убийства повторялись довольно часто: убили вязниковца Илью, который накануне у нас пил чай, – вспоминал писатель, – потом на дороге застрелили поверенного, который вез деньги, потом Чеботка бросился с ножом на заводского приказчика Павла Зотеича, потом насмерть избил целовальника Мишку, потом насмерть самым зверским образом замучили гуляющую солдатку и т.д.»¹¹ Конкретные «случайные примеры еще ничего не доказывали и скоро забывались, а на первом плане все-таки оставался настоящий работник, в своем роде специалист и профессиональный человек. Он являлся чем-то обреченным, роковым и неизбежным»¹²

По свидетельству Мамина-Сибиряка, в народном сознании происходило своеобразное очищение личности разбойника от негативных черт, присущих ему в силу его социальной роли протестанта против существующих в обществе социальных отношений, уголовных преступлений, убийств, грабежей и т.п. Все это искупалось тем, что разбойники жертвовали для выражения этих разнообразных форм протеста своей жизнью и, таким образом, встряхивали и будили спокойное и сонное болото повседневной провинциальной жизни.

О том, как это конкретно происходило, Мамин-Сибиряк рассказывает на примере «поимки» разбойника Савки. Он «был последним и самым ярким выразителем этого разбойного типа». Жестокость крепостного права заключалась в том, что заводских рабочих, крепостных крестьян за малейшую провинность, допущенную ими, пороли. В народном сознании здание, в котором происходили экзекуции, получило название «машинной», и в самом названии этого застенка «слышалась злая ирония» – роль всех машин и коварных ухищрений европейской техники здесь заменял заводской кнут и розги. «Машинная никогда не стояла пустой», и здесь получали высшее образование будущие знаменитости по разбойничьей части. Из «машинной» были две дороги: в верхотурский острог или в лес. Самые энергичные люди предпочитали последний путь, а в их числе и Савка, посаженный в «машинную» за какую-то «дерзость».

Сам способ наказания, подчеркивает писатель, порождает разбойников, как людей, которые не хотели мириться со зверской системой попрания человеческого достоинства.

Савка «бегал» больше десяти лет. Его несколько раз ловили, сажали в «машинную», препровождали в верхотурский острог, а из последнего он уходил уже сам. Мамин-Сибиряк рассказывает, как к ним на завод прибыл следователь Николай Иванович со специальной целью во что бы то ни стало поймать знаменитого Савку. Для этого ему была придана полусотня оренбургских казаков.

Во время неудачной попытки взять Савку на горе Кокурниковой пятеркой казаков, посланных для этой цели Николаем Ивановичем, кухарка Агафья «благочестиво крестилась во время, пока Савка бежал в гору, – она выбежала за ворота вместе с другими и с замирающим сердцем наблюдала происходившую сцену». «Много еще таких же простых баб, – отмечал Мамин-Сибиряк, – провожали бежавшего Савку, покрывая его своей хорошей бабьей жалостью». Однако сочувствие раз-

бойнику было присуще не только женщинам. Смелый маневр Савки, бросившегося на казаков, произвел на всех ошеломляющее впечатление, как новое проявления Савкиной удали и находчивости. Он бравировал у всех на глазах, точно ответственный первый артист какой-то труппы¹³.

Понимая, что сила Савки заключена в сочувствии к нему местного населения, следователь решил воздействовать на него единственным имеющимся у него способом. Поскольку Савка был старообрядцем, и заводской поселок, в котором прятался он, был старообрядческий, то Николай Иванович заявил: «... Заморю постоем, пока не выдадут Савку с головой... Будут помнить Николая Иваныча...»

К неумолимому начальству явилась целая раскольничья депутация с умильным словом, но Николай Иванович ничего и слушать не хотел.

– Я вас всех выкурю табаком, как тараканов... – кричал Николай Иваныч, топая маленькими ножками.

– Вы будете меня помнить. А без Савки не уеду. Так и знайте!

Получалась такая альтернатива: или раскольники должны были предать Савку, или сам Савка должен был явиться с повинной. Выручило всех случайное обстоятельство. Прошел слух, что Савка болен и лежит где-то в горах, в пещере. Савку выдали скитские старцы, решившие «чисто арифметически», что лучше уж одному Савке пострадать, чем всем старообрядцам мучиться за него. Воспользовавшись слухом, Николай Иванович снарядил экспедицию в горы под свои руководством. Савка был найден в пещере в горах и не оказал ни малейшего сопротивления. Он был привезен в поселок ночью и размещен в «машинную» под строжайший караул.

Писатель описывает, как они подкупили стражу и добились разрешения посмотреть на знаменитого разбойника. Символична сцена прощания заводского поселка с Савкой. Когда он произнес сакраментальную фразу:

– Братцы, простите...

Толпа замерла. И только один голос крикнул точно из-под земли:

– Бог тебя простит, Савелий Тарасыч!..

Когда процессия проводов Савки тронулась вперед... задние ряды зрителей глухо роптали. Где-то слышалось подавленное бабье причитание. Седой старик заявил уверенно, что Савка «уйдет», что он скажет заводскому начальству «свое словечко...» По свидетельству Мамина-Сибиряка, крепостные

заводские работники покончили свое существование вместе с открытием «воли». Савка принес повинную, отсидел положенный срок и жил на заводе, как мирный обыватель¹⁴.

После реформы 19 февраля 1861 года такие формы народного протеста новых общественных отношений, установившихся в России, были уже не нужны.

Находясь внутри общества с крепостническими порядками, разбойники по своим взглядам и способам борьбы были как бы вне его. Во всяком случае, в устной народной традиции они выступали носителями новых справедливых общественных отношений.

Другую форму девиантных общественных отношений представляли преступники. Их особенностью являлось то, что они существовали и при крепостном праве, и при установившихся после реформы 19 февраля 1861 года новых свободных общественных отношениях.

Характерной чертой, так или иначе присущей преступникам, является эгоизм, то есть стремление пожить за счет общества или других людей, присвоить себе не общепринятыми в социуме приемами, методами и способами определенные материальные или духовные ценности. Причем писатель показывает, что при буржуазных общественных отношениях, основанных на власти денег и вещественных отношений, желание и возможности возникновения преступления возрастают.

Однако отношение народа к преступникам иное, чем к разбойникам. Оно негативное. Причем веер этого неодобрительного в целом народного отношения к преступлениям и к преступникам, как к людям, совершающим данное преступление, достаточно широк: от народной расправы за определенные виды хищений до настороженно-неодобрительного отношения, если это хищения материальных ценностей, принадлежавших государственной казне Российской империи.

Последнее объяснялось тем, что в сознании народа «казенное добро» есть результат его нечестного «присвоения» казной у народа. Поэтому принцип народного отношения здесь такой – как пришло, так и ушло. И сокрушаться по этому поводу не стоит.

В очерке «Разбойник и преступник» Мамин-Сибиряк проводит сопоставление между тем и другим. «Разбойник нес в себе какое-то обаяние, как трагическая сила, и, как всякая крупная сила, он вне своей профессиональной деятельности являлся и добрым, и любящим, а преступник – весь дрянной, и дрянной по-маленькому, как бывают дрянные насекомые. Ис-

торический «вор», удаль-добрый молодец окружен известным поэтическим ореолом в сознании народной массы и именно потому, что являлся настоящей крупной силой, а преступник являлся чем-то вроде фабричных отбросов и, в большинстве случаев, относится уже к области ассенизации». Мамин-Сибиряк считает, что «преступника создала обезличивающая городская жизнь, тот индивидуализм, который не имеет оправдания даже в остроге, и такой преступник не вызывает спасительного чувства страха, а только презрение. Народная масса может все понять и простить, кроме ничтожества»¹⁵. Мамин-Сибиряк не договаривает, что народное сознание идеализирует разбойника и зачастую наделяет крупного преступника чертами народного заступника, мстителя и т.п.

Крупный преступник поражает воображение народной массы масштабами своих преступлений. Для нее интересно, какими мотивами он руководствовался при совершении преступлений, и как мог он, в конце концов, будучи человеком, решиться на такие дела.

Эгоистически-преступный способ присвоения денег с большой художественной силой показан в очерке Мамин-Сибиряка «Дружки». Сюжет произведения сводится к тому, что в богатом селе Красногорском на крайнем востоке Пермской губернии занимался извозом крестьянин Ефим Ефимович Кожин. Старики помнили время, когда Кожин был бедняком и околачивался на краю села в «проваленной избенке». У него была, как и других крестьян, пара лошадей, на которых он возил «проезжающих купцов». А потом как-то вдруг Кожин стал богатеть, поставил новую избу, завел целый табун лошадей и вошел в славу, как обстоятельный и богатый мужик. В селе много судачили относительно этого скорого богатства, однако сами болтуны вынуждены были занимать у него. Понемногу Кожин пережил «дурную славу», хотя и не полностью. Многие сомневались, откуда у дружка такие деньги взялись. Попался старичок на «извозе» с бедным шерстобитом. Он вызвался отвезти его и, как всегда, вернулся поздно ночью, сам прибрал лошадь и, не поужинав, залез спать на полати. Зверски убив шерстобита, Кожин, как обычно, оставил его труп на льду, припорошив его снегом. Через три недели весной снег стаял, и труп был обнаружен.

В ходе следствия было доказано, что отвез его до Красно-го Яра Кожин, и подозрение пало на него. Однако убедительных доказательств у следователя не было. Случай помог ему. Кожина, как подследственного, надо было или отправить в

тюрьму или до суда сдать кому-нибудь на поруки. Однако из жителей села Красногорского никто не изъявил желания взять Кожина на поруки, а когда следователь обратился к сыновьям подсудимого, то все четверо отказались «наотрез». Это разрешило последние сомнения следователя, а сам Кожин вдруг съезжился и упал духом. Стали ждать последнего сына, который жил с отцом. Но когда и тот отказался, на старика напало какое-то бешенство. И он признался во всем.

Увезли Кожина в город и посадили в острог. В камере было много народу, и его поднимают на смех: богатый мужик, а позарился на шерстобита. Другие сыновьями укоряют: хорош, видно, отец, что родные дети заживо отказались. Кожин окончательно пал духом, когда юристы объяснили ему, что у сыновей имущество не отберут, а он на это рассчитывал. Сидит Кожин и вспоминает мельчайшие подробности того, как он убивал купцов и присваивал их деньги. «Каждую ночь Кожин думает все об одном, точно он каждую ночь убивает этого шерстобита. Страшно ему делается, в глазах кровь, а там каторга, кандалы...»¹⁶ В остроге Кожин просидел полгода. Когда назначено было разбирательство его дела в окружном суде, он ночью повесился – разорвал рубаху, сделал жгут, прицепил его к оконной решетке, и делу конец.

Совесь Кожина не выдержала давления тех преступлений, которые он совершил. Под совестью мы понимаем способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. Руководствуясь личной совестью, человек судит свои поступки от своего собственного имени.

Однако у Кожина получилось не совсем так. У него не только совесть не выдержала, но он и как личность не выдержал крушения своих личных планов перед самим собой. Признаваясь в убийстве шерстобита, он хотел отомстить свои детям за то, что они отказались от него и не взяли его на поруки, а когда он узнал, что у них имущество не отберут, то крушение его жизненных планов было полное, и он не выдержал.

Мамин-Сибиряк назвал очерк странно – «Дружки». Кто они – эти «дружки» богатого красногорского крестьянина Кожина? Это те купцы, которых он убил и ограбил, и которые тяжелые нравственным грузом легли на его совести и, в конечном счете, привели его к самоубийству.

Наряду с преступниками, которые представляли тот эле-

мент социума, который жил хотя и не по законам российского общества, но все-таки находился в нем и нес ответственность за свои деяния перед ним, Мамин-Сибиряк рисует в своих художественных произведениях нравственный облик господ и их слуг, которые составляли неотъемлемую составную часть российского общества.

Писатель подчеркивает, что господа жили за счет народа, а слуги и крестьяне дачных мест жили за счет господ. Анну Ивановну Чадову до глубины души возмущало отношение крестьян к господам в лице дачников. Не было, кажется, такой скупости, плутни и обмана, которые не допускалась бы по отношению к господам, чтобы выжать из них лишнюю копейку. Ей казалось, что от деревни так и веяло чем-то чужим, холодным и даже враждебным. И дачный сторож Гаврилыч, и кухарка Меланья, и горничная Стеша, и кучер Степан относились к господам также, прикрывая свои истинные чувства наружной покорностью и робкой услужливостью, потому что все получали жалованье, ели до отвала и к праздникам получали подарки¹⁷.

Дедушка Андроныч в рассказе «Около господ» как-то озлобился и на господ, и на мужиков. Ему не нравилось, что около господ мужики начали баловаться и отставать от настоящей крестьянской работы, а молодые парни совсем начали от рук отбиваться. И всякий ищет, как бы полегче обернуться да еще обмануть, обставить, кто попроще. Все это идет от бар, — замечает писатель, — они всю жизнь проводят праздно, не работая, а если это так, рассуждают крестьяне и крестьянки, попадая в барские слуги, то почему мы должны работать? И это несмотря на то, что господа иногда проявляли настоящее душевное благородство. Анна Ивановна Чадова подарила крестьянской девушке Дареньке детское приданое. Дарья спряталась за печь и долго плакала, а ее мать Матрена никак не могла понять и объяснить барской жалости.

Мамин-Сибиряк рассматривал справедливость как различие в положении людей соответственно их достоинствам. Эти достоинства слуг и их господ в российском обществе не совпали ни при господстве крепостнических, ни установившихся новых буржуазных общественных отношений.

Барыня Анна Ивановна Чадова решила помочь крестьянской девушке Дарье, родившей ребенка до брака от крестьянина Адама. Через знакомого адвоката она добилась рассмотрения этого дела а окружном суде. Суд присудил к взысканию с Адама на содержание дочери по 3 рубля в месяц до ее совершеннолетия. Эта сумма так ошеломила родителей Адама, что

они решили женить сына на Дарье. Так будет выгоднее, – считали они. Решающую роль в принятии семьей Адама данного решения стало решение окружного суда о церковном покаянии. А.И. Чадова прочитала «целую лекцию Адаму о долге, чести и совести». Барин Павел Игнатьевич Чадов взял на себя все расходы, связанные с проведением свадьбы, и подарил Адаму 25 рублей. Желая помочь Адаму, Павел Игнатьевич устроил его егерем. Здесь Адам развернулся вовсю. Он стал охотничью добычу продавать «налево», получая значительные суммы денег.

Крестьяне много наживали около господ, – писал Мамин-Сибиряк, – но чем ближе к Питеру, тем нажива шла сильнее, пока дело не доходило до того, что мужики начинали жить одним барином. Свое крестьянское хозяйство распускалось, и вся жизнь сводилась только на то, чтобы околпачить хорошего покладистого барина, как Чадов. Адам быстро пошел именно по этой дорожке и скоро освоился со всеми способами и приемами такого околпачивания. Эта мораль нашла выражение в целом ряде пословиц: «Правдой век не проживешь», «Не я, так другой сорвет», «Господская копеечка дикая», «У хлеба не без крох». Это был целый ряд оправданий, причем и воровство теряло значение воровства, а принимало форму действия, в юридическом смысле безразличного.

Егерь цыган раскрывал Адаму настоящую кухню общественных отношений между господами и мужиками.

– Все от господ, – объяснял «цыган». – Первые-то воруы господа и есть... Откуда у них деньги? Ежели не сам украл, так наворовано было родителем или дедушкой... Музыка известная... Нагляделся я на господ «вполне достаточно, когда еще в доезжачих служил...»¹⁸

Егеря и слуги разного ранга и наименования, все перебивавшие около господ, считали своим долгом бранить их на чем свет стоит, этим они выкупали свое мужицкое унижение, подлаживание и всяческое «подражание под господ». На этом основании и воровство не считалось пороком, а чем-то вроде спорта, кто чище подведет и обманет барина. Воровство принимало такие масштабы, что Адам «утешал себя тем, что все равно, если он не украдет, то украдут другие...»

Иногда Чадов обсуждал с Адамом философские вопросы смысла жизни и смерти. Он спрашивал у своего егеря, не боится ли он смерти. Тот отвечал, что он смерти не боится, потому что «все умрем». Если крестьянин видит смысл жизни в том, чтобы прожить ее «как все», то это объясняется его неразви-

тым интеллектом, тем, что он не получил соответствующего образования, что его жизнь не блещет разнообразием жизненных сцен и ситуаций и, наоборот, она часто так насыщена горем, нуждой и тяжелым повседневным трудом, что он готов в любое время умереть, только чтобы прекратились эти невыносимые, продолжающиеся всю жизнь, мучения.

П.И. Чадов ставит перед Адамом вопрос о счастье – в чем оно? В том, чтобы иметь капитал в четыреста тысяч рублей, как он имеет? Или в чем-то другом? Ведь мы все умрем одинаково, за милую душу, – говорит он Адаму, пытаясь его уверить, что с собой в могилу ничего не возьмет. Жизнь представляется Павлу Игнатьевичу Чадову иллюзией счастья. «А все думаешь, – говорит он, – что все это только пока, а потом что-то такое будет, что-то новое, радостное и счастливое, и что ты проживешь жизнь не даром... Однако это только кажимость, а в действительности Чадов понимает, что в сущности получается одно свинство, и никому ты не нужен, и никто о тебе не пожалеет...»

Жизненная философия Адама иная. Он не думает о том, что с ним будет после его смерти, и будут ли о нем вспоминать, и за что. Он опускает эти абстрактные вопросы, как не имеющие реального значения для его жизни. Его занимает только то, что может помочь ему заработать. Он ворует форель, выгодно продает ее, но тут ему на дороге встает Спиридон Косой. Дело для Адама кончается судом и той неприятностью, которая чуть не стоила ему жизни. Когда кризис миновал, и Адам возвращался к жизни, Анна Ивановна заявила ему, что она подарит ему лошадь и телегу, о чем он мечтал. На это Адам ответил, что его это теперь не устраивает. Он вконец испортился около господского легкого хлеба и теперь не крестьянин. А ему на роду написано быть егерем, то есть он не хочет заниматься ежедневным тяжелым крестьянским трудом, а хочет вести отраженный барский образ жизни, поскольку слуги господ вели тот же образ жизни, который протекал перед их глазами. Мамин-Сибиряк подчеркивает, что господа несут ответственность не только за свое не моральное поведение, но и за неадекватное поведение своих многочисленных слуг.

В другом очерке «В услужении» писатель раскрывает данную тему несколько по-иному. Мамин-Сибиряк раскрывает здесь не только паразитический образ жизни господ и их негативное влияние в этом отношении на прислугу, но и отношения в господской семье. Кухарка Аксинья и комнатная девушка Луша обмениваются мыслями по поводу того, что их барыня Ксе-

ния Александровна не имеет детей и нигде не работает. Полный паразитизм жизни барыни вызывает у прислуги первоначально легкий шок, а затем естественную мысль о том, что если это можно ей, то и нам тоже можно попробовать. Аксинья начинает следовать за Лушкой. У барыни исчезают заколки для волос, шпильки, гребенки, она не возвращает ей значительную часть сдачи, возвращаясь после продовольственных закупок в магазине.

Нравственный подтекст очерка заключается в том, что господа и слуги не уважают друг друга, считая взаимно, что они ведут неправильный образ жизни. Однако принцип первенства в нравственном развращении слуг, по свидетельству Мамина-Сибиряка, падает на господ. Своим стилем и образом жизни Ксения Александровна нравственно развратила и Лушу, и Аксинью. Наблюдая ее образ жизни, они пришли к выводу о том, что если ей можно вести такой образ жизни, то почему им нельзя. А если поставлена недостойная цель в жизни, то отсюда они нашли и адекватные средства ее достижения – хищения и т.п.

Лушка украла у Петра Васильевича портсигар и подарила его своему любовнику писарю. Портсигар был не дорогим, но он имел значение подарка. Понимая, что подозрение в хищении падает на нее, Аксинья похитила из сундука у Луши письмо, в котором, сообщалось, что Луша подарила портсигар своему любовнику – писарю. Ксения Александровна, которая раньше всегда защищала Лушу, решила махнуть на пропажу портсигара рукой: она ничего не сказала Луше и не велела об этом говорить Аксинье. В этом сказалась присущая ей черта ее жизнедеятельности: ничего не доводить до конца, а вернее, ничего не делать.

Это ничтожное по существу происшествие имело для Аксиньи решающее значение. Ее деревенские понятия о нравственности подверглись сильному испытанию, а больше всего пострадали понятия о праве собственности. Что значит для господ портсигар, за который заплачено тридцать рублей. У господ шальные деньги, а, может быть, они сами где-нибудь приворовывают по службе.

Дворник Увар разделил сомнения Аксиньи.

– Конечно, воруют, – подтвердил Увар. – А то как же иначе? От трудов праведных не наживешь палат каменных. Теперь возьми так, – поучал он Аксинью, – дом у нас генеральский, а генерал в Севастополе поставлял солдатские сухари. Что такое сухарь? Сущие пустяки, а на пустяках вон какой до-

мище генерал схлопотал. Потом подрядчик, который строил дом, наворовал у генерала добрую половину и выстроил деревянный домик на Песках... Старший дворник у нас ворует во всем, – продолжал Увар свои пояснения Аксинье, – и от уборки двора, и от дров, и от ремонту и прочего – попробуй, усчитай его. А промежду прочим, у него уже в деревне новая изба поставлена. Генеральский кучер ворует овес, лакей ворует табак, горничные тащат сахар. И не пересчитаешь! Где же господам взять, чтобы такую уйму воров ублагоустроить? Значит, и они должны по-своему тоже воровать. Только господа все образованные и не потащат овсом и там дровами, а умственно украдут. Казна-матушка все стерпит...¹⁹

Получался какой-то безвыходный круг, замечает писатель, и голова у Аксиньи шла кругом. Она размышляла и приходила к выводу о том, что в деревне от того и бедно живут, что воровать не умеют, да и не у кого воровать. Воровство писатель рассматривает как своеобразное перераспределение собственности. Оно производится в меру возможности участвующих в нем субъектов.

Мамин-Сибиряк показывает, что первичным мотивом воровства для народа является несправедливая концентрация собственности у господ, у помещиков и у буржуазии. Наличие собственности обуславливало весь комплекс не только правовых, но и нравственных отношений. Нравственные отношения пронизывают семейную жизнь. Мамин-Сибиряк, естественно, уделил им значительное внимание. Он указывает, что несовершенство правовых отношений, регулирующих семейные отношения, приводит к нравственным коллизиям, делает несчастными и матерей, и детей.

В рассказе «Живая совесть» описывается эпизод, связанный с чувствами и переживаниями барыни, женщины-врача Анны Сергеевны. К кормилице ее семимесячной дочери Нелли, Маше, привезли ее ребенка. Анна Сергеевна берет девочку на руки и удивляется: какая она легкая, а ведь ей тоже семь месяцев, как и Нелли. Анна Сергеевна предложила девочке те пищевые добавки, которые она перед этим предлагала Нелли, и которые та отвергла, – девочка их скушала. Анне Сергеевне стало нехорошо. Эта мертвая покорность, с которой девочка пошла к незнакомому ей человеку (Анне Сергеевне – В.С.) на руки, этот спокойный взгляд, которым ребенок рассматривал ее с пристальным вниманием, сосредоточенно и спокойно, как могут смотреть только большие люди, изумил Анну Сергеевну и вызвал у нее крайне тяжелое настроение.

Несчастный ребенок мучил ее, как тень какого-то непонятого ей возмездия. Этот восковой ребенок был для нее «один немой укор». В отношении дочери кормилицы Маши была, — подчеркивает Мамин-Сибиряк, — какая-то стихийная несправедливость, та особенная жестокость, когда в сущности никто не виноват. Анна Сергеевна размышляет о том, что если бы кормилица Маша была в этой роли в другой семье, судьба ее родной дочери, оставленной в деревне у своих родственников, была бы такой же.

Дворник Борис, которого Анна Сергеевна пыталась призвать к порядку, воспринимал ее нравоучения как ненужный вздор. В качестве своеобразной мести за нравоучительные нотации Анны Сергеевны Борис мажет дегтем траву на лужайке, а когда ему указывают на необычность и экстравагантность его поведения, он заявляет, что не господа хлеб едят, а хлеб их ест. Давая этим заявлением понять, что они не хозяева жизни, а занимают это место по традиции, по общепринятому порядку, по принципу наследования, в то время как личных качеств хозяев жизни у них нет. Писатель хочет контекстом своего рассказа подвести читателя к мысли о том, что в переживаниях Анны Сергеевны виновата система общественных отношений, исторически сложившаяся в России. Эта система делает женщину несчастной потому, что в случае развода супругов, согласно законодательству Российской империи, дети оставались с отцом.

В рассказе «Счастливая мать» описывается именно такой случай. В результате конфликта между супругами, связанного с нарушением общепринятых правил поведения в браке со стороны мужа, Анна Павловна оставляет семью и уходит к родителям. Дети их в течение полугода требуют мать, они настойчиво спрашивают у отца: Куда она ушла, где она? Дело доходит до того, что отец уходит в кабинет и закрывает дверь на ключ. Он нанимает детям гувернантку, которая учит их иностранному языку, но естественно, не может им заменить мать. Поздним осенним вечером Анна Павловна заходит в дом своей бывшей семьи. Кухарка Матрена, которая ее встречает, сообщает, что мужа нет дома, а детей она может позвать к ней хоть сейчас. Анна Павловна, деликатничая, отказывается от этого, она опасается нанести своим детям душевную травму и нарушить существующее в России законодательство. Кухарка Матрена рассказывает ей свою личную счастливую судьбу матери. Она обвенчалась со своим любовником Спирькой, от которого у нее было двое детей, по-своему, по-сектански. После заключе-

ния брака Спирька как муж стал у Матрены, как своей жены, требовать деньги на пропой, заявляя, что она, как жена, должна делать все, что он ей прикажет. Он угрожал ей разводом и уводом детей с собой. Поскольку Матрена вынести подобную угрозу не могла, она обратилась к адвокату, который, поняв из ее пояснений, что брак заключен не с соблюдением процедур российского брачного законодательства, заявил ей, что она может гнать от себя Спирьку в три шеи. Этим заключением адвоката Матрена была беспредельно счастлива – дети останутся у нее.

Она поучает Анну Павловну, сочувствуя ее материнскому горю, предлагая ей переходить в нашу веру, – «тогда-то и ребятки оборотить можно»²⁰. При этих словах Матрены Анна Павловна подумала, что если есть счастливые матери на свете, то это такие как Матрена, а не те, которые изображены на страницах иллюстрированных журналов, которые любила рассматривать Анна Павловна. Она понимала, что выхода для нее в создавшейся ситуации нет. Был, правда, еще один выход, кроме жизни отдельно от детей, – это самоубийство.

Именно такой путь выпал на долю Анны Петровны, жены врача Ильи Александровича Могутова, в рассказе Мамина-Сибиряка «Ученое горе». Мать двоих детей Сережи и Миши, нежная, нервно-утонченная и уязвимая Анна Петровна безумно любит своих детей, но, чем больше она живет с мужем Ильей Александровичем, тем труднее становится переносить его грубый, деспотический характер. Столкновение супругов по мелочам, начиная с необходимости своевременного открытия и закрытия форточек в окнах квартиры, отношения Анны Петровны с прислугой, качество приготовления пищи, в конце концов, приводят к разрыву отношений супругов и к разводу. Анна Петровна уходит, но перед этим она спрашивает у Ильи Александровича, хотя уже знает содержание его ответа: «Так дети остаются с вами»?

– Кто может в этом сомневаться, – грубо и нахально отвечает он.

После развода для Анны Петровны потянулись нескончаемой чередой мучительные дни переживаний о детях: о том, как они живут, и чем занимаются. Мучительные терзания сломили молодую женщину. Она принимает решение покончить счеты с жизнью, она не может выносить дальше существующее положение вещей и приводит свое решение в исполнение.

Узнав о смерти своей бывшей жены, доктор Могутов даже не удивился. Он только пожал плечами и заявил:

– Это психоз!

Только два человека сердцем своим понимали всю глубину развернувшейся драмы – это бывший претендент на сердце и руку Анны Петровны Горкин и старая няня Марковна.

Мамин-Сибиряк подчеркивает, что ответственность за судьбу Анны Петровны падает на доктора Могутова, который своей абсолютизацией нравственных императивов науки создал для нее невозможные условия жизни. Сама медицинская наука, – отмечал Мамин-Сибиряк, – не содержит в себе такой черствости и бесчеловечности, которую она приняла в поступках Ильи Александровича. Поэтому писатель называет те, не часто встречающиеся случаи такого нравственного идиотского поведения, как у доктора Могутова, ученым горем. А то, что общество, за исключением двух человек, никак не отреагировало на самоубийство Анны Петровны, свидетельствует о его безразличии к существующему порядку вещей в отношении прав матери на детей или даже о его одобрении данного факта. То и другое состояние общественного мнения по данному вопросу для Мамина-Сибиряка – объект решительного осуждения.

Особое внимание писатель уделил в своем творчестве категории «совесть». Под последней мы понимаем субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом. Однако их особенность выражается в том, что они выступают как долг и ответственность человека перед самим собой. Руководствуясь личной совестью, человек судит свои поступки как бы от своего собственного имени. Абсолютизация последнего положения приводит к тому, что человек теряет реальное представление о своем действительном положении в обществе, и это становится ясно окружающим его людям, которые немедленно спешат воспользоваться этим, чтобы изменить свое положение в производственной артели по добыче золота.

В рассказе Мамина-Сибиряка «На «Шестом номере» повествуется о жизненной судьбе «старика», который отношения на золотом прииске со своими компаньонами строил на понятии совести. В рассказе Мамина-Сибиряка компаньоны «старика» заметили необычность поведения своего «начальника», которая внешне выражалась в отсутствии у него отчетливо выраженного волевого начала.

«Старик» вел себя с точки зрения его коллег по добыче золота слишком по-доброму. Он не только не умел, но и не пытался навести дисциплину и порядок на прииске, а это дало его

компаньонам основание попытаться оспорить его руководящее положение и, более того, предпринять попытку перераспределения доходов в свою пользу. Это стало возможным, так как «старик» не возражал против любых предложений своих коллег по артельному бизнесу.

Первоначально они не верили, что это будет возможно. Для того чтобы положить конец сомнениям и колебаниям в своих рядах, они пригласили серба Пржча. С волнением и опаской тот предложил от имени своих коллег провести ревизию доходов прииска. «Старик» на это, к удивлению коллег Пржча, согласился. Правда, он первоначально протестовал против передачи своей записной книжки в руки новообразованной комиссии под предлогом, что в ней находится его «личный человеческий документ», но после предложений членов комиссии, заключавшихся в том, что им нужен этот документ для того, чтобы судить о правильности доходов и расходов прииска – старик согласился и с этим. Пользуясь его мягкостью и бесхребетностью, на прииске стали происходить анекдотичные происшествия. Они выражались в том, что медведь скушал пять пудов припасенного для рабочих прииска сала, затем исчезла водка, приготовленная для рабочих, чтобы достойно отметить необходимую праздничную дату, у рабочих прииска не стало хлеба, после длительных препирательств «старик» согласился отправить за хлебом дьякона, которому дали оставшуюся на прииске лошадь и деньги. Дьячок уехал и «пропал», о нем ни слуху, ни духу. Многочисленные происшествия поколебали веру в «старика» как твердого и опытного руководителя, а чтение его записной книжки раскрыло перед новыми руководителями прииска необычную личность их старшего товарища. Они поняли, что кем бы он ни был, во всяком случае в руководители традиционного, общепринятого плана он не годился. А между тем, размышляя с собой, «старик» желал своим компаньонам только добра и охотно делился валившимся с неба богатством. Он был удивлен, что они ведут дело к тому, чтобы окончательно вышвырнуть его из дела и, мало того, открыто обвиняют его в эксплуататорстве. Он не понимал, откуда могло явиться это злобное отношение именно к нему, к человеку, который никогда и никого не желал обижать. Все поведение компаньонов представляло собой одну сплошную несправедливость. А между тем они считали себя правыми и во всем обвиняли «старика». Неужели блеск золота, – думал он, – до такой степени может ослепить людей. «Старик» напрасно подыскивал другие мотивы для объяснения и не находил их... Он припоминал це-

лый ряд других компаний, кончавших тоже взаимными обвинениями и распадавшихся из-за пустяков.

Он мучительно размышлял: отчего самый простой мужик всегда работает артелью лучше, чем в одиночку, а интеллигентные люди так работать не могут? Вопрос оказался не разрешенным. В глубине души «старик» продолжал любить своих коварных компаньонов и жалел только об одном, что не умел этого высказать.

Пока «старик» размышлял об этом и оформлял свои мысли в пламенные речи, пока он хотел спасти от какой-то опасности, утешить в каком-то неизвестном горе и вообще проявить целый ряд героических подвигов относительно Прасковьи Ивановны, компаньоны «старика» не дремали. Подсчет предварительных расходов был сделан с замечательной точностью, причем бухгалтерские таланты Пржча проявились во всем своем блеске. При встрече со «стариком» компаньоны держали себя как-то особенно вежливо, как с человеком, которому хотят сделать мучительную операцию. Наконец, один из них, Лизунов, заявил:

– Ну, «старик», нам пора посчитаться и выяснить все.

– Что ж, я очень рад, – ответил «старик» как-то равнодушно.

На веранде дома для рабочих прииска было устроено что-то вроде заседания полевого суда. Лизунов был председателем, за секретаря был Пржч, Прасковья Ивановна изображала публику, а «старик» занял место подсудимого. Держал он себя спокойно, что подействовало на всех неблагоприятно.

Продолжительная речь председателя суда закончилась довольно вычурной тирадой:

– По-моему, прежде всего в человеке важна совесть... вы отлично понимаете, что я хочу сказать. Без совести нельзя жить... Теперь ты, «старик», можешь говорить.

«Старик» поднял голову, обвел глазами присутствующих и спокойно заявил:

– Вы, господа, совершенно правы... Я ничего не имею против совести. Именно совести... это главное...

После доклада председателя суда выступил его секретарь, который предложил провести баллотировку на право в члены компании, в результате которой «старик» не получил ни одного избирательного шара и должен был уйти из правления прииска и покинуть заседание суда. Когда «старик» медленно уходил с веранды, у него были слезы на глазах. – Какой нахал! – Заметила Прасковья Ивановна, провожая его глазами. – Вот

чего от него не ожидала.

На следующее утро «старик» уходил с «Шестого номера». Он нарочно выбрал раннее утро, чтобы никто не видел этого позорного отступления. Перед отъездом он набрал большой букет из горного шалфея и желтых крупных цветов. Через пять минут букет красовался на столе веранды. Так «старик» выразил свои любовные чувства к Прасковье Ивановне. С отъездом «старика» компания распалась сама собой. А «старик» на Северном Урале нашел новую золотую россыпь. В такой трогательной высокохудожественной форме Мамин-Сибиряк показывает, что для руководства золотым прииском опора только на совесть является недостаточной и неэффективной.

Среди рассказов Мамина-Сибиряка встречаются и такие, в которых жизнь, как высшая духовная ценность, не представляется их героям таковой. С особой отчетливостью это положение нашло отражение в рассказе «Субъект». Сюжетная завязка рассказа заключается в том, что Сергунин кончает жизнь самоубийством. На столе валялась оставленная им записка о том, чтобы в смерти его никого не обвинять.

Что предшествовало этому, что заставило Сергунина покончить расчеты с жизнью? Из рассказа Мамина-Сибиряка следует, что смерть Сергунина последовала после катастрофического крушения его смысложизненных ценностей. Он был влюблен в свою жену Эллис. Однако их счастливая брачная жизнь нарушалась вмешательством его тещи Анны Павловны. Последняя, узнав, что у Эллис до Сергунина был любовник Жорж, с которым она потеряла свою невинность, решила, что мужская честь мужа должна восстать против этого. И она указывает своему зятю на то, что он должен отомстить своему обидчику.

Идеальный влюбленный начинает поиски своего оскорбителя. Они продолжаются значительное время. Дело в том, что камердинер Жоржа подал своему патрону мысль о том, что его разыскивает один из его кредиторов. Это привело к тому, что Жорж стал очень редко бывать дома. В конце концов Сергунин решил поймать Жоржа в одном из тех кабаков, в которых живут изо дня в день «этого сорта люди». В результате длительных розысков по фотографии, врученной ему Анной Павловной, Сергунин «отыскал» необходимого ему персонального оскорбителя и вызвал его на дуэль.

Вызов привел Жоржа в легкое замешательство. Он объяснил свое поведение тем, что его собеседник – провинциал. Жорж пытался отговорить Сергунина от его намерения. Он го-

ворил ему, что дуэль – самая несправедливая вещь. Представьте себе такую комбинацию: вдруг я убиваю вас... Помимо того, что я отниму жизнь у хорошего человека, я еще сделаюсь посмешищем. Все будут указывать на меня пальцами: «Вот этот Жорж убил на дуэли оскорбленного мужа». Быть посмешищем в глазах окружающей его публики Жорж не хотел, поэтому он попытался отговорить Сергунина от дуэли.

– Послушайте... – заговорил Жорж, подбирая слова. – Говоря откровенно, мне драться на дуэли просто смешно. Да... вы просто сделаете мне большое одолжение, если просто... да, просто возьмете и убьете меня. Я говорю совершенно серьезно... Я сам давно подумывал об этом, но как-то не хватало силенки.

– Ну, вас будут, конечно, судить... потом, конечно, оправдают. Все симпатии общественности будут на вашей стороне... Прошу вас об одном: ради Бога, не волнуйтесь и цельтесь вернее, чтобы – крик! и – наповал... Серьезно вам говорю.

Сергунин неожиданно сел. Вся энергия оставила его разум. Где он, – размышлял оскорбленный муж? До каких пределов может дойти человеческое ничтожество? И его Эллис такая же... Когда пройдет газ призрачного чувства, что останется? Разве она могла любить, – она ведь такая же как все... Нет, это уже слишком... А Жорж, не торопясь, раскурил свою сигару, галантно раскланялся и, не торопясь, исчез среди публики. Изумленный и потрясенный всем происходящим, Сергунин через некоторое время в отдельной кабине прострелил свою голову. Он не мог вынести того, что его жена и теща оказались обычными людьми, такими же, как все. Они и были такими, о чем свидетельствует заявление Анна Павловны, когда она узнала о смерти своего зятя.

– Какой странный субъект! – спокойно заметила она, когда на другой день узнала об этом происшествии²¹.

Любовь приводит к самоубийству в рассказе «Злой дух», поскольку она приводит к неожиданному разочарованию в любимом партнере. Лука Демьянович Шматов, в очередной раз поднявшись из пучины нищеты и став удачливым золотопромышленником, не мог пережить увод от него священником, отцом Петром, жены дьякона Африкана Марии Антоновны к ее мужу. Почему Лука Демьяныч Шматов решил свести счеты с жизнью? Может быть, потому, что она стала ему неинтересной, поскольку высшую ценность для него представляла любовь Марии Антоновны?

Однако после того, как она послушно последовала за свя-

ценником, отцом Петром, к мужу, он понял, что она не любила его или, во всяком случае, религиозные догматы о браке представляли для нее большую ценность, чем сожитительство с ним. Понимая, что физические возможности его на исходе, а другие жизненные удовольствия (пьянство и карты были ранее уже использованы им) не представляли теперь в его глазах высокой ценности, он счел жизнь неинтересной и решил прекратить это серое и бесцельное существование.

Однако, если утрата цели и смысла жизни в рассказах и очерках Мамина-Сибиряка всегда является необходимым и достаточным условием для самоубийства, то его герои часто погибают от насильственной смерти, когда они создают опасную ситуацию, ставят своих близких перед выбором между жизнью и смертью. В этих случаях они погибают от насильственной смерти, будучи вынужденными к этому теми чувствами и отношениями, которые сложились в отношении их в обществе.

Примером вынужденного самоубийства является судьба жены чиновника Миловзорова, который за то, что она была дефлорирована до брака, вручил ей револьвер и предложил написать записку о том, что в своей смерти она просит никого не винить. Затем он посадил ее в почтовую тройку и посоветовал застрелиться. Описывая состояние молодой женщины, Мамин-Сибиряк отмечает: «Сидит она с револьвером, колокольчики позванивают, звенит у ней в голове, и чувствует она, что крошечное зверство кругом: и тот человек, который обманул ее девичью неопытность, и молодой муж, и родители – все звери, один к одному. Целую станцию так-то она, бедная, ехала и все думала, а потом приехала на постоялый двор, забежала куда-то в конюшню и бац из револьвера. Только рука дрогнула – не на смерть первая пуля, пожалуй, еще оживешь, – она второй раз и в третий. Так и кончилась...»²² Отношение общества к гибели молодой жены Миловзорова Мамин-Сибиряк передает в форме диалога между попутчиками в вагоне станции Богдановичи Уральской железной дороги. Желчный господин оспаривал мнение «седенького старца о том, что она «сама виновата», он резонно показывал и убедительно доказывал, что в самоубийстве жены чиновника Миловзорова виновато общество. Миловзоров душу молодую убил, и ничего, он служит на старом месте, его терпят, а главное, он сам себя терпит. Даже более того, он считает себя правым, потому что и другие люди считают его таким. С возмущением, травмирующим душу, писатель пишет о том, что Миловзоров может спать,

есть, пить, разговаривать с другими, и даже, вероятно, женится в другой раз. Ведь такому зверству нет меры. Людоеды покажутся младенцами перед таким «полированным» человеком, заключает писатель свою оценку, даваемую им общественному мнению России по данному вопросу. Жестокость нравов российского общества по вопросам брачной морали предстает перед читателями в изображении Мамина-Сибиряка, данная открыто и осуждающе.

Интересную картину жизненных ценностей знаменитого адвоката из сибирского города Сосногорска Николая Сергеевича Матова нарисовал Мамин-Сибиряк в романе «Общий любимец публики». Здесь писатель отразил жизнь верхов общества провинциального города Западной Сибири. Высшей ценностью в глазах Матова предстают деньги, которые дают местным богатым все возможные блага и развлечения: игра в карты, успех у женщин, употребление дорогих вин.

Уездный город Сосногорск находился на самой границе Сибири, являясь типичным представителем нерусского города. В нем не было ни кремля, ни старинных церквей, ни исторических воспоминаний о врагах и вражеских нашествиях – все в нем было новенькое, почти с иголочки. Сосногорску, – подчеркивает Мамин-Сибиряк, – не было и двухсот лет, что, по городской хронологии, является почти младенчеством. С самого начала город сделался центром горнозаводской деятельности, а потом центром уральской золотопромышленности, и таким остался до последних дней, т.е. до того момента, который описывается в романе. Сам по себе город был невелик, но он являлся центральным пунктом, к которому тянулись все горные заводы, промыслы и торговля. Благодаря этому городская жизнь складывалась бойкая, почти на столичную руку, чем сосногорцы очень гордились. Крупные заводчики, конечно, не жили в Сосногорске, поэтому и не бывали на своих заводах, предпочитая им веселую жизнь за границей и в Петербурге; но зато их управляющие, поверенные и доверенные, не оставляли Сосногорска, где вили крепкие гнезда и на всякий случай обзаводились собственными делами.

Купечество в Сосногорске носило уже сибирский характер, не имевший ничего общего с современным российским купечеством. Обилие денег, риск предприятий и масса путей для быстрой наживы накладывали на всех купцов особый отпечаток. Здесь было очень часто так, что сегодняшний бедняк завтра делался богачом. Конечно, это была не Калифорния, подчеркивал Мамин-Сибиряк, но и от русских городов жизнь здесь

ушла далеко вперед, и сосногорские купцы превратились в промышленников и коммерсантов.

Тип купца-промышленника являлся основным типом всей жизни в Сосногорске. Писатель рисует образ действий купцов-предпринимателей, отмечая, что если прежде в «казенное время», когда на первом плане стояло казенное горное дело, и золотопромышленность являлась привилегией казны, на первом плане, с точки зрения общественного престижа, стояли «казенные горные интересы», то с разрешением частной промышленности все это сделалось достоянием истории. Восторжествовал, в конце концов, промышленник, а с ним вместе и риск во всех его формах. Богатства купцов росли как дождевые грибы и лопались как мыльные пузыри. Оставались нерушимыми только две-три фамилии, как Рудометовы, проживавшие нажитые в сибирской тайге капиталы. Но этих наследников давно уже обогнала хищная стая предпринимателей новейшей формации. Люди выбивались из безвестного ничтожества, и их пример служил путеводной звездой для аппетитов и вожделиний алчных последователей. Деньги перемывались, как вода, и никого это не удивляло. В городе бился повышенный пульс экономической деловой жизни.

Жизнь Сосногорска достигла своего расцвета в эпоху введения реформ, особенно нового суда. Выплыли на божий свет все сибирские кляузы, старые счеты и всевозможные криминальные недоразумения. Первые адвокаты, как Н.С. Матов, сделались какими-то божками и повысили еще сильнее тон бойкой промысловой жизни города Сосногорска. Были подняты из праха забвения дела, давно покрытые илом сибирской дореформенной судебной волокиты, и сводились счеты чуть не за сто лет.

В этих условиях общим любимцем публики города Сосногорска стал способный адвокат Николай Сергеевич Матов. Умение красиво, замечательно, убедительно, доказательно говорить, знание российских законов, умение манипулировать ими, находить *modus vivendi* из, казалось бы, запутанных и безнадежных, с точки зрения нахождения истины, положений — все это делало Н.С. Матова популярным человеком среди сосногорского купечества. Женившись на дочери купца, Николай Сергеевич стал вести широкий образ жизни, присущий купечеству города (играть в карты, иметь романы с женщинами, ездить на охоту т.п.).

Однако такой образ жизни красноречивого адвоката вызвал у некоторых представителей сосногорского общества не-

гативную реакцию. Его стали рассматривать как выскочку и в соответствии с этим решили подстроить ему ловушку для того чтобы посадить его в лужу. Расчет был построен довольно тонко. Его устроители понимали, что если они подставят «подножку» Николаю Сергеевичу по крупному счету, то этому не поверят, а его популярность может послужить препятствием для реализации такого замысла. Предлог для скандала и развенчивания популярного адвоката – любимца сосногорской состоятельной публики – был избран довольно тонко: и по сфере своего бытия – деньги, в которых Николай Сергеевич, игравший в карты, постоянно нуждался, и по форме своего предъявления – фальшивый вексель, то есть того, что довольно часто встречалось в финансовых оборотах купцов города Сосногорска. По способу своего предъявления городской общественности такая афера знаменитого городского адвоката не должна была вызвать чрезвычайного ажиотажа и желаниа объективной проверки данного нарушения финансового законодательства.

В раскручиваемую интригу против Н.С. Матова были включены женщины. Одна из городских красавиц Вера Васильевна, влюбленная в Николая Сергеевича, решила доставить ему финансовое затруднение, рассчитывая таким образом сделать его более покладистым и доступным, сбить с него спесь и налет успешного донжуана – покорителя женских сердец города Сосногорска. Ревность Веры Васильевны к общему любимцу городской публики привела к тому, что ее подсказка городскому прокурору Бержерецкому на городском маскараде сыграла свою роль. Бержерецкий был врагом Матова, их ссора еще ранее едва не привела к дуэли.

Городское купеческое общество отвернулось от Матова, суд присяжных признал его виновным. Матову пришлось готовиться к ссылке в Сибирь, Вера Васильевна «сошла с ума», а ее муж Иван Григорьевич Войвод на проводах Матова в Сибирь подарил ему «фарфоровую куколку», которая постоянно стояла у Веры Васильевны на туалетном столике, как знак ее любви к знаменитому сосногорскому адвокату.

Обняв и расцеловав Аеньку, Матов проговорил:

– Еду в истинное отечество всех общих любимцев публики, которое называется Сибирью...²⁴

Эти слова Н.С. Матова имеют глубокий смысл. Они раскрывают основную мысль писателя, заложенную в романе, которая сводится к тому, что только в Сибири, в месте ссылки борцов за лучшее будущее России находится *истинное отечество* для общих любимцев публики.

Следовательно, та атрибуция всеобщего любимца публики, которую был награжден гильдейской общественностью города Сосногорска Николай Сергеевич Матов, была не искренней, а фальшивой. Для того чтобы получить искреннюю характеристику «Общего любимца публики», Матову нужно было иметь большое состояние. Ибо только деньги представляли действительный рычаг признания в глазах российского, в том числе и сосногорского, состоятельного общества.

Подлинным хозяином городского общества Сосногорска был золотопромышленник Лихонин. Что бы он ни делал, какие бы проступки он ни совершал, ему все сходило с рук, потому что он владел тем денежным капиталом и в таком количестве, какого больше ни у кого в Сосногорске не было. Капитал давал ему в руки тот могучий рычаг, сильнее которого в сосногорском, да и вообще в российском обществе, ничего не было.

Таким образом, утонченные, завуалированные, высокохудожественные ламентации Мамина-Сибиряка по поводу проклятий по адресу капитала и власти денег в данном романе приводит читателя к выводу о том, что гильдейская нравственность состоятельных верхов российского общества измерялась количественными параметрами обладания денег, а гражданам России с претензиями на другие критерии нравственного совершенства, по мнению писателя, находится место только в Сибири, так как их мораль шла дальше желаний того народа, интересы которого они брались защищать.

Народ в романе Мамина-Сибиряка не фигурирует в качестве движущей силы общественного развития ни на сцене, ни за сценой, однако его подлинное значение заключается в том, что все происходящее между действующими лицами совершается благодаря народу и для народа.

Дав абрисный, конспективный набросок этических оснований художественного творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка, подчеркнем фундаментальное значение двух его понятийных субстратов: «ценностей» и противостоящих им «неценностей». Разное значение, которое они играют в творчестве писателя, нашло дихотомическое по форме и по содержанию отражение в плане постижения исследовательских парадигм этики Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Субстратом ценностей в творчестве писателя является народ, именно ему присущ весь тот набор системы ценностей, которые принадлежат человечеству на разных этапах истории его развития. О них мы кратко в той или иной мере говорили, раскрывая содержание главы.

Однако ценностная парадигма в творчестве Мамина-Сибиряка дается им в контрастном противопоставлении с системой «неценностей». К числу их относятся скупость и расточительство, трусость и безрассудная отвага, разнузданность и бесчувственность, дерзость и самоуничужение, вспыльчивость и неспособность к праведному гневу.

Дихотомии «неценностей» характеризует противоположные полюса негативного человеческого поведения, основными носителями которого Мамин-Сибиряк считал «хозяев жизни», занятых в основном бесцельным проматыванием нажитых преступным путем огромных состояний. Эту сторону бытия «хозяев жизни» Урала мы даем в противопоставлении с ценностной стороной жизни народов края, которым писатель сочувствовал и выражал уверенность в их лучшем будущем.

Глава IX. Мотивы и формы благотворительной деятельности в творчестве писателя Урала

Сочувствие и любовь Мамина-Сибиряка к трудовому народу Урала наложили своеобразную печать на его отношение к благотворительной деятельности «хозяев» уральской жизни. Для анализа благотворительной деятельности уральских заводчиков существенное значение имела мотивация данного вида деятельности. Под мотивацией мы понимаем внутреннее побуждение к действию, обуславливающее субъективно-личностную заинтересованность (в данном случае уральского заводчика) в его свершении. Мотивация поведения – в данном случае лица, занимавшегося благотворительной деятельностью, тесно связана с такими характеристиками идеальной стороны человеческого действия, как намерение, цель, стремление, и ее следует отличать от внешних стимулов и реакции на них.

Интересным здесь является то, что мотивация благотворительности обретает содержание как от объекта, на который направлено действие (в данном рассматриваемом нами случае в произведениях Мамина-Сибиряка – это народ), так и от потребности, удовлетворяемой в результате ее совершения. Таким образом, благотворительные акции, совершаемые уральскими заводчиками, оказывали благотворное влияние на них. Они вызывали у них такие гуманные человеческие качества как любовь к народу, желание помочь ему в трудном материальном положении, помочь получить образование и т.п.

В ходе практической реализации благотворительных акций происходит борьба мотиваций. Исход этой борьбы зависит от уровня личности мецената-благотворителя, от шкалы ценностных ориентаций, сложившейся у него. Чем содержательней и богаче шкала ценностей ориентаций благотворителя по сравнению с другими, тем большие средства и на самых необходимых направлениях будут отпускаться им на благотворительные цели. Мотивация благотворительных акций уральских заводчиков в произведениях Мамина-Сибиряка характеризуется рядом форм (образ, мысль, мечта, понятие). Первое место среди них по частоте употребления, по тонкости высвечивания деталей, наконец, по глубине проникновения в сущность благотворительных акций в произведениях писателя занимает образ.

Неприкрытая ирония и ядовитый скепсис окутывают густым туманом благотворительные акции крупнейших уральских заводчиков Демидовых. Почти все Демидовы, – подчеркивает

Д.Н. Мамин-Сибиряк, – отличались благотворительными наклонностями, но направляли свои благодеяния в Западную Европу; между тем Тагильские заводы не только ничего не получали от этих благодеяний, но должны были вылезать из кожи, чтобы давать возможность своим патронам меценатствовать где-нибудь в Италии¹. С нескрываемым сарказмом, с открытой издевкой писатель пишет о том, что в школах на демидовских заводах дети учатся «на господской бумаге», и от этого происходит напрасная трата, а их благородным господам, дворянам Демидовым – убыток. Для этих целей было решено, «чтобы все конторы имели бумаге расход с крайним бережением», а обывательских и прочив чинов детей отослать и впредь не содержать. В Тагиле в 1806 году была учреждена живописная школа. Однако и она должна была исчезнуть из-за недостатка средств, рекой лившихся за границу.

Д.Н. Мамин-Сибиряк подробно описывает фактическое состояние народного образования на демидовских заводах. Его возмущает, что тагильское заводоуправление «одной рукой урезает земские налоги», а другой взваливает на земство содержание тех школ, которые по закону должны содержаться за счет заводовладельца. «Нас удивляет, – писал он, – больше всего тот факт, что владелец Тагильских заводов, в лице своих поверенных, доверенных, главноуправляющих и управителей, совсем умывает руки во всем, что касается народного образования и школьного дела»². В основе благотворительности, по мнению писателя, должно лежать нравственное чувство, «нравственная потребность помогать ближнему». Если так ставить вопрос, то благотворительность в широком смысле этого слова, покровительство наукам и искусству были родовыми добродетелями фамилии Демидовых. В этом смысле общеизвестен фактор крупных пожертвований Демидовых размерами в сотни тысяч рублей на русские университеты и другие благотворительные учреждения. Эти факты относятся к прошлому, а в настоящее время (к началу 80^х годов XIX века – В.С.) все школы в тагильских заводах устроены земством и держатся за его счет, а те учебные заведения, которые были устроены Демидовыми, дышат на ладан, переживают крупные финансовые дефициты. Едва показывает признаки жизни демидовское реальное училище в Нижнем Тагиле, Анатольское женское училище и народная школа. За десять лет своего существования верхотурское земство основало на Нижнетагильских заводах 12 земских школ, из них 4 в Нижнем Тагиле и по одной школе на остальных 8 заводах округа, в то время как

Демидовы не основали ни одной.

Писателя привлекает качественная сторона процесса преподавания, и в этом отношении заводские школы несопоставимы с земскими. Они влачили жалкое существование под присмотром учителей из никуда негодных заводских служащих или заводских священников. Бывшие заводские школы и существующие земские, подчеркивает Д.Н. Мамин-Сибиряк – это несопоставимые величины. При каждом земском училище, кроме учителя или учительницы, находятся помощники и помощницы. Верхотурское земство открыло широкий доступ в свои школы женщинам, и теперь в них (на начало 80^х годов XIX века – В.С.) почти половину преподавательского контингента составляют учительницы³. Чтобы сравнить заводские и земские школы, – замечает Д.Н. Мамин-Сибиряк, – нужно просто войти в те и другие. На некоторых заводах еще существуют заводские школы, и разница между земскими школами и заводскими «паразитальная».

Верхотурское земство за 10 лет своего существования создало больше 50 школ. Не ограничиваясь этим количественным показателем, оно очень много сделало в смысле повышения качества преподавания, внедрив в его практику новинки педагогики, такие как периодически устраиваемые учительские съезды, для того чтобы предоставить возможность учителям постоянно пополнять свои знания.

Что касается демидовских заводских школ, то здесь дело обстояло далеко не таким образом. Верхотурское земство, по свидетельству писателя, несколько раз поднимало вопрос о необходимости преобразовать демидовское реальное училище, которое не дает учащимся в нем ни знаний, ни прав, а служит только доходной статьёй для разных ученых и не ученых дельцов, давая им возможность набивать свои карманы. Предполагалось преобразовать его в настоящее реальное училище с настоящими учителями, однако вопрос упирался в отсутствие необходимых финансовых средств.

Писатель дает понять причины тяжелого финансового положения демидовского реального училища, он не обвиняет в этом представителей семьи российских заводчиков, считая, что они не станут на этом деле «марать руки», а грабеж училища и других заводских школ осуществляет кто-то из чиновничьей иерархии, кто на этом «согревает руки». Свидетельством такого состояния дел, по его мнению, является проект преобразования тагильского реального училища, разработанный А.И. Кроненбергом, который был утвержден самим владельцем

заводов, то есть П.П. Демидовым, а потом пропал неизвестно куда. Из этого следует, – резюмирует Д.Н. Мамин-Сибиряк, – что настоящее, из рук вон скверное положение реального училища для кого-то выгодно настолько, что даже теряются утвержденные владельцами проекты.

Описывая этот поток многочисленных упущенных возможностей Демидовых в области благотворительности, писатель отмечает, что не за всеми из них стоит «злая воля» представителей этой фамилии. Значительная вина обуславливается их оторванностью от заводов, незнанием настоящего положения дел в них, постоянной пространственной оторванностью от них по причине проживания за границей.

А возможности для масштабной благотворительности у Демидовых, – считал писатель, – есть. Что стоит в самом деле, – отмечал он, – П.П. Демидову уступить тысячную часть своих художественно-промышленных богатств, собранных его предками и им самим со всех углов Европы. В качестве примера писатель указывает на уже существующий при Выйском заводе Демидовский музей, где собраны предметы, исключительно относящиеся к заводскому делу. В господском доме в Нижнем Тагиле и в церквях этого города существует несколько замечательных картин старинных итальянских мастеров. Для будущих туристов они, будучи собранными в одно место, будут представлять значительный интерес.

Д.Н. Мамин-Сибиряк подчеркивает, что на судьбу благотворительных акций накладывают отпечаток характерные субъективные черты их инициаторов. В качестве примера, подтверждающего это положение, он избирает судьбу несчастных «заграничных» специалистов, отправленных Н.Н. Демидовым учиться в страны Западной Европы. Николай Никитович Демидов выделяется Д.Н. Маминым-Сибиряком из всех последующих после смерти А.Н. Демидова заводчиков этой династии, не имеющих с ее основателями ничего общего, кроме фамилии. Не случайно ему поставлен в Нижнем Тагиле «великолепный памятник»⁴.

Этот «действительно замечательный человек» сумел стать целой головой «выше своего времени», он очень много, – считал писатель, – сделал для улучшения положения «заводских служащих», которые набирались из крепостных, и при Н.Н. Демидове «они стали получать жалование», а рабочие при нем жили очень хорошо, «хорошо не в единичных случаях, а в общем». Подмастерья и мастера зарабатывали по восемьдесят рублей в месяц. «Холостые парни имеют в руках, – отме-

чал Д.Н. Мамин-Сибиряк, – много свободных денег и привыкают к известной роскоши», а главное, к разгулу и пьянству»⁵. Николай Никитович обратил особое внимание на образование и «медицинскую часть» на его заводах. Он старался «облегчить» положение заводского населения и предоставить ему путь самосовершенствования и развития по началам европейской цивилизации в будущем. Это нашло свое конкретное выражение в судьбе пятнадцати детей заводских служащих, которые были отправлены за демидовский счет за границу «для усовершенствования в заводском деле».

Юноши были размещены по европейским столицам, по лучшим заводам, они познакомились с последними достижениями западной техники, изучив их. Материально они пользовались значительным обеспечением от Демидова и «были размещены в лучших семьях». Прожив полтора десятилетия в такой обстановке и превратившись в молодых людей, «заграничные» сделались вполне европейцами по образу жизни, по взглядам и привычкам. Они успели жениться на иностранках – француженках и немках, которые были уверены, что их мужья там, в далекой России, по меньшей мере будут инженерами и управляющими.

Каково же было их удивление и ужас, когда они, приехав на Урал, узнали о том, что они – крепостные Демидова. Они сразу же попали в «ежовые рукавицы доморощенных управляющих». «Заграничные», – подчеркивает писатель, – сразу же сделались «общим посмешищем благодаря их европейскому платью, манерам и привычкам». Однако как им ни было тяжело, они не в силах были расстаться с привычками к западному образу жизни.

Доморощенные крепостные управляющие не давали ходу заграничным специалистам, затирали их в «нижних должностях», постоянно держали в черном теле. Демидовская благотворительная акция закончилась печально. Половина эти несчастных сошли с ума, спились или кончили жизнь самоубийством. Жены «этих несчастных разделили их участь»: они вешались, сходили с ума, умирали от чахотки.

В художественной форме эту проблему Мамин-Сибиряк осветил в повести «Братья Гордеевы». Писатель показал судьбу двух братьев – Никона и Леонида Гордеевых, вернувшихся после длительной учебной командировки в Англию и Швецию, продолжавшейся соответственно 12 и 10 лет. Управляющий заводами Федот Якимович принимает их во дворе, не подавая руки, не приглашая сесть. Его речь, обращенная к ним, пре-

дельно груба и переполнена массой угроз: «Нехристи: что в шапках-то стоите передо мной, как другие подобные идолы... Я вас в бараний рог согну, нехристи...» И он доказал это, послав Никона в медный рудник, а Леонида определив на Землянский завод в качестве бухгалтера. Управляющему удалось создать вокруг подготовленных за границей специалистов такую атмосферу, что прохожие смотрели на Никона как на зверя и указывали на него пальцами. И всему этому виной является крепостное право. Дочь Федота Якимыча Наташа просит отца дать вольную Леониду. Он выполняет эту просьбу. Однако добрая весть опоздала. Выслушав сообщение об этом, Леонид приносит только одно слово: «Поздно» и, повернувшись к стене, умирает.

По художественному совершенству прорисовки характеров действующих лиц повести, по глубине проникновения в истоки человеческих эмоций, по тонкости схватывания поведенческих реакций ее героев повесть «Братья Гордеевы» представляет шедевр творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка. Это одно из лучших произведений русской художественной литературы XIX века, обличивших зверства крепостнических отношений.

Для того чтобы показать, что этот произвол зависел от наследников Николая Никитовича Демидова, Мамин-Сибиряк в качестве примера приводит факты о состоянии дел с подготовкой кадров в странах Западной Европы для заводов графа Строганова. Там тоже были посланы молодые люди за границу, но, когда они вернулись домой, им были предоставлены все средства для приложения приобретенных знаний, а главное, они не были отданы в полное и бесконтрольное распоряжение крепостных управляющих. Никто из них не кончил свою жизнь самоубийством или сумасшествием. Писатель подчеркивает, что заводы графа Строганова «поставлены образцово по отношению к мастеровым и служащим»⁶. И приводит конкретные факты свидетельствующие об этом: это и наделение землей мастеровых Кыновского завода, и организация на этом заводе с 1859 года вспомогательной кассы для выдачи ссуд рабочим и служащим, и открытие в 1869 году общества потребителей. Причем для оборотов данного общества граф Строганов дал капитал шесть тысяч рублей заимообразно, без процентов. Этот капитал общество должно было возратить, когда обеспечит себя собственными сбережениями.

Заботу графа Строганова о своих рабочих писатель видел в том, что «будущность» заводских служащих обеспечена определенными пенсиями, а для обеспечения престарелых и

беспомощных рабочих на заводах и соленых промыслах в 1881 году им был внесен капитал в сто тридцать две тысячи рублей⁷.

Для того, чтобы подчеркнуть, что благотворительность – это подачка, которая зависит от доброй воли заводчика, от его культуры, широты кругозора, от понимания им своих действительных интересов Мамин-Сибиряк выбирает пример подобного филантропического отношения к рабочим и служащим и в ряду заводчиков Демидовых. Нечто подобное отношению графа Строганова к своим работникам было и в тагильских заводах, когда они, за малолетием П.П. Демидова, находились под управлением его матери Авроры Карловны Карамзиной. После смерти своего мужа она вышла замуж вторым браком за сына известного российского историка Андрея Николаевича Карамзина, погибшего во время Крымской кампании во время одной из стычек с турками. Из поколения в поколение, отмечал писатель, переходят рассказы о необыкновенной доброте, доступности и простоте этой четы, побывавшей на заводах Нижнетагильского горного округа. Уважение к простому народу, характерное для демократа Мамина-Сибиряка, выражалось в том, что он специально отмечал, что никто в такой степени не ценит истинно просвещенное и глубоко гуманное отношение к себе, как простой народ. Писателю самому пришлось лично слушать рассказы стариков, которые со слезами на глазах рассказывали мельчайшие подробности о пребывании Карамзиных на заводах.

Всякий имел доступ к Авроре Карловне; с одинаковым участием и неизменной добротой она выслушивала каждого и никогда не отказывала в помощи. Это не сопоставимо по своему такту и по своей человечности с тем, как относилась к народу в пореформенные времена мелкая сошка из системы демидовского управления заводами. Между ними и Карамзиными, отмечает писатель, «получается дистанция огромного размера».

Авророй Карловной была основана в Нижнем Тагиле богадельня для престарелых и «убежище для детей». Судьба этих учреждений была связана с тем, кто управлял заводами, то есть опять-таки зависела от личных качеств хозяев завода. Богадельня, – отмечает писатель, – давно прекратила свое существование, а убежище существует и теперь (т.е. в 1881 году – В.С.). Мысль основать детское убежище возникла у Авроры Карловны из желания помочь бедным женщинам, которые не могли никуда идти на работу, потому что не на кого было оста-

вить детей. После смерти А.К. Карамзиной идея «детского убежища» утратилась, и оно существовало как детский приют. Мамин-Сибиряк особо отмечает, что обслуга его состоит из двух женщин – одна надзирательница с помощницей, а этого недостаточно на 80 детей, которых к тому же еще нужно учить. Везде и всюду у Мамина-Сибиряка благотворительность – это подачки богачей народу. Он, конечно, не отрицает их пользы, но всячески подчеркивает незначительные размеры этих подачек по сравнению с теми возможностями, которые имели для этого те же Демидовы.

Масштабы благотворительности, ее характерные формы, охват ею различных сфер общественной жизни на заводах Нижнетагильского горного округа всецело зависели в первое пореформенное двадцатилетие от П.П. Демидова, которого писатель с нескрываемым сарказмом назвал «одним из анекдотических людей». «Анекдотические люди», считает писатель, водятся только на Руси⁹. Живет такая анекдотическая посредственность «бог знает для чего», коптит небо, и если бы это было ничтожество «микроскопическая посредственность», тогда еще понятно, а то видный человек – владелец 600 тыс. десятин земли, владелец 1,5 миллиона рублей ежегодно чистого дохода.

После смерти П.П. Демидова писатель, готовя обличительную статью о нем, собрал данные о том, чем он занимался, кроме управления своими заводами. И оказалось, что он исполнял такие не серьезные должности при министерстве внутренних дел: то был помощником старшего экспедитора (62 г.), то камер-юнкером двора его величества (63 г.), то состоящим при посольстве чиновником в Вене (65 г.), то советником подольского губернского правления, и выше должности киевского городского головы Павел Павлович не поднимался.

С нескрываемым ехидством Мамин-Сибиряк пишет о том, «что же Демидов сделал для своих громадных заводов и когда он успевал что-нибудь сделать для них, состоя и помощником старшего экспедитора и советником подольского губернского правления?» «Щекотливый» вопрос разрешался довольно просто: Демидов занимался всем, кроме своего заводского дела, да и на заводах он почти не бывал. Первый раз он побывал на заводах мальчиком вместе с матерью Авророй Карловной в 1849 году, второй раз он приезжал на Урал в 1863 году, когда он был полноправным владельцем всех своих «миллионных имений»⁹. Эта поездка на основании различных источников описывается Маминым-Сибиряком и в романе «Горное гнез-

до», и в очерке «Один из анекдотических людей». На основании свидетельств очевидцев писатель составил картину пребывания П.П. Демидова на тагильских заводах. Краткий итог визита заключался, по словам писателя, в том, что «Демидов прожил на заводах около трех недель и провел все время в разных «забавах» или на охоте; служащим и рабочим к нему не было никакого доступа, особенно сторожились подозрительных личностей, которые могли обеспокоить барина прошениями»¹⁰.

После этого, в течение двадцати двух лет, П.П. Демидов на своих уральских заводах не бывал, хотя каждый год собирался ехать на заводы, но какая-то роковая сила словно его отталкивала от такого подвига. Пока П.П. Демидов собирался посетить уральские заводы, его «мелкие служащие – все поголовные мошенники», – продолжали политику профессора Добровольского, а именно, урезали финансирование социальной сферы на демидовских заводах. Закрылись мало-помалу школы, «уничтожены» были родильный дом и богадельня, жалованье мелкой служительной сошке доведено было до таких микроскопических размеров, которые (тут Мамин-Сибиряк в очередной раз иронизирует – В.С.) едва ли удовлетворили бы самую скромную бактерию, сокращающая рука коснулась даже церковных просвирен... Пособия увечным и престарелым были отменены; получающим за членовредительство на заводской работе начали выдавать единовременное пособие в размере 3 рублей, а дальше увечные должны были о своей судьбе заботиться сами. «Увечные, престарелые, бесприютные все были выброшены на улицу», – писал Д.Н. Мамин-Сибиряк. Его особенно возмущало то, что когда нашлись «добрые люди», на частные средства которых было «устроено благотворительное общество и на средства этого общества детский приют, то Тагильское заводоуправление «в лице своих власть имеющих представителей постоянно преследовало это общество и представляло ему ножку на каждом шагу»¹¹. Это выразилось в том, что Тагильское управление в лице инженера Грамматчикова не нашло возможности подыскать «какой-нибудь угол детскому приюту общества». Дело дошло до того, что когда благотворительным обществом давались спектакли для увеличения своих «скудных средств», управление Грамматчикова не стыдилось брать с общества по 25 рублей за помещение, так как спектакли обычно давались в демидовском заводском театре. Такой поступок заводоуправления писатель называет «недостойным»¹².

Рисуя случаи «самой вопиющей бедности» в Тагиле, Ма-

мин-Сибиряк замечает: «Положение бедности, не имеющей возможности по дряхлости или увечью даже просить подаяние – самое вопиющее, и только одно Тагильское заводоуправление ничего знать не хочет, потому что у всемирного благотворителя – Павла Павловича (Демидова – В.С.) – разве могут быть бедные на собственных заводах?!»

– Помилуйте-с! Разве можно взвалить на плечи Павлу Павловичу все, – рассуждал один заводской администратор. – Теперь, слава богу, есть земство, наконец, сельские общества – пусть они устаивают богадельни да школы¹³. В свете этих данных понятен скепсис и даже неприкрытое раздражение Мамин-Сибиряка против утверждений газеты «Новости», написавшей о том, что Демидов ежегодно расходует на «благотворительные цели» 255 тыс. рублей. Писатель ставит перед читателями газеты «Волжский вестник», где впервые была опубликована его статья о П.П. Демидове, вопрос: «Интересно, как распределяется эта круглая сумма?»

Задав вопрос, он не ограничивается словесной риторикой, а пытается рассуждать «с фактами на руках». «Из которых следует, что одна половина этой суммы расходуется на благотворение в пределах России, а другая идет на заводы, именно, на содержание учебных заведений, церквей и приютов, госпиталей, аптек и т.д. На это мы заметим «Новостям» – продолжает писатель, – что содержание школ и госпиталей на всех фабриках обязательно и, следовательно, эта графа расходов никоим образом не может быть подведена под рубрику «благотворительности», относительно содержания церквей и приютов то же самое – это что угодно, а только не благотворительность. Раздражение писателя нарастает, и оно находит свое выражение в его риторических вопросах: «А где богадельня, – спрашивает он, – где родильный дом, где пенсии увечным и престарелым?..» Он резонно замечает, что «если разобрать по закону, то Демидов должен иметь одних школ как раз вдвое или даже втрое больше, потому что ведь у него одиннадцать заводов, а школы имеются только в двух-трех!» Взвесив все эти факты, Мамин-Сибиряк утверждает, что «фамильная демидовская благотворительность» в среднем в год ограничивается для всех демидовских заводов нищенской цифрой тысячи в две, а не полтора ста! Если деньги летели из демидовского кармана, образно пишет писатель, то отнюдь не на заводы, а в центральные города и за границу, где они раздавались щедрой рукой, без всякого разбора, направо и налево, десятками и сотнями тысяч.

Писатель делает уничтожающий вывод для общей оценки демидовской благотворительности, который заключается в том, что «пятидесятитысячное население, доставлявшее Демидову миллионные доходы, ничем не пользовалось от него – это факт¹⁵».

Сам образ жизни П.П. Демидова, круг его общения, занятий и привязанностей был таким, что Мамин-Сибиряк не верит, что в открытии на Нижнетагильских заводах десяти ссудосберегательных товариществ он принимал какое-либо участие. И в этом случае, резюмирует писатель, князь Сан-Дonato не был виноват ни душой, ни телом в открытии ссудосберегательных товариществ, более того, «подвержено большому сомнению, подозревал ли он вообще о существовании каких-то ссудосберегательных товариществ на белом свете...»

Единственная заслуга П.П. Демидова как заводчика, по мнению Мамина-Сибиряка, заключалась в том, что он содействовал введению потребления на своих заводах минерального топлива. Но и этот факт, с грустью замечает писатель, – мы не можем поставить на счет заслуг покойного магната, потому что такой переход к минеральному топливу был обусловлен «недостатком древесного угля», а потом еще вопрос – «кому принадлежит инициатива в этом действительно важном деле».

Мы уделили такое значительное внимание отношению Мамина-Сибиряка к благотворительности заводчиков Демидовых, во-первых, потому, что это были крупнейшие заводладельцы Урала, и состояние благотворительности дает возможность представить фактическое состояние дел, сложившееся в отрасли горной промышленности края. Во-вторых, состояние благотворительности на этих заводах писатель знал достаточно хорошо. Мамин-Сибиряк намеревался просмотреть биографии выдающихся уральских заводчиков в генеалогическом порядке, начиная с момента насаждения горного дела на Урале Петром Великим. К сожалению, он этого не сделал. Отражение в художественных произведениях в форме образных зарисовок «хозяев горных заводов Урала» или в форме фактических данных, включающих сухие цифры статистики, а также логические рассуждения и выводы о состоянии благотворительности на горных заводах Урала дали бы много интересного, поскольку писатель располагал не только традиционными источниками, имевшимися в архиве, но и воспоминаниями старожилов, которые отложились в устной народной традиции и дошли до писателя благодаря рассказам родных и знакомых, к тому же он на этот счет располагал и своими личными воспо-

минаниями.

Для нас интересно то, как писатель оценивает благотворительность в мировоззренческом плане. Исходя из общей демократической, мировоззренческой установки он оценивает благотворительность как форму уступки народу части доходов уральских заводчиков и купцов в форме или прямых, разовых, или периодически повторяющихся финансовых или материальных выплат определенным категориям работников (престарелым, увечным и т.д.), или путем создания различного рода благотворительных учреждений (ссудных касс, школ, больниц, домов престарелых и т.п.), оплата на содержание которых полностью или частично шла за счет заводчиков. Отношение Мамина-Сибиряка к благотворительности является дифференцированным.

Во-первых, он считает, что благотворительность – это уступка части прибылей, нажитых путем эксплуатации уральских рабочих, трудившихся на горных заводах края. Во-вторых, размеры этих уступок зависят от уровня образования, широты кругозора, практического участия заводчика или купца в делах своего предприятия. Писатель на примере отношения П.П. Демидова к ведению дел показывает, что он (Демидов) не вникал в процессы управления своими заводами, не зная их, проводил время в свое удовольствие, занимал совершенно ничтожные должности «экспедитора» и т.п. в системе бюрократического государственного управления России.

В-третьих, Д.Н. Мамин-Сибиряк подтекстом своих художественных произведений и очерков показывает, что эта производственная зрелость приводит к лучшему состоянию дел на заводах, а лучшая производственная конъюнктура на них создает дополнительные возможности, в виде сверхприбылей предприятия, часть которых может быть передана в руки рабочих путем различного рода благотворительных акций.

В-четвертых, хорошее знание дел хозяевами уральских заводов позволяет избегать неэффективного разбазаривания заводских средств, то есть направлять благотворительную помощь туда, по тем каналам, по которым она, во-первых, особенно остро необходима, а во-вторых, большое внимание уделять ее адресной форме. Имеется в виду, чтобы ее действительно получали те, кому она адресована, а не те, которые могут погреть на этом руки. При управлении П.П. Демидова своими заводами именно так последнее и происходило: «то есть, пользуясь тем, что хозяин не бывал на заводах больше двадцати лет, а когда он был единственный раз на заводах в

1863 г., то он занимался не тем, чем нужно». Интересы развития горного дела на заводах в связи с переходом от крепостнического труда к вольнонаемному, связанные с реформой 1861 года, его совершенно не интересовали. Прибыв на заводы, он ограничился несколькими угрозами в адрес недобросовестных работников и предался своим привычным удовольствиям (охота, рыбалка, пикники в лесу, любовные приключения и т.д.).

Такое не дальновидное поведение заводчика сказывалось на развитии заводов, на их экономической эффективности, а от нее в прямой зависимости находились и возможности заводчика заниматься благотворительной деятельностью.

Целью заводчика, фабриканта или купца является, и Мамин-Сибиряк специально подчеркивает это, эффективность предприятия. От нее зависит система средств, используемых для того, чтобы получить необходимую эффективность.

Цель развития предприятия и средства, применяемые для ее достижения, должны быть определенным образом скоррелированы между собой, то есть средства, применяемые для достижения цели, должны соответствовать ей. Если они не соответствуют, то это приводит к деформации цели.

Не употребляя соответствующей философской терминологии, Мамин-Сибиряк в подтексте своих художественных произведений «нащупывал» путь, ведущий к этому. Убедительным свидетельством в этом отношении является его резко сатирическая зарисовка П.П. Демидова в ряде произведений. Писатель чувствовал, что такая отвлеченность от дел горных заводов неизбежно скажется на их работе, а это приведет к сокращению возможностей выделять часть прибылей на благотворительные дела, если бы даже заводчик хотел этого.

Демократическая направленность творчества Мамина-Сибиряка, выражавшаяся в его горячем сочувствии к трудовому народу Урала, нашла свое выражение в том, что из двух форм благотворительной деятельности: 1) индивидуальная, разовая, пусть и повторяющаяся и 2) общественная, т.е. в форме строительства школы, больниц, богаделен, детских приютов, ночлежных домов и т.п., он отдавал предпочтение второй форме. Поэтому в своих произведениях он почти всегда их имеет в виду, пишет только о них и практически не упоминает об индивидуальных разовых «подачках» со стороны хозяев уральских заводов по отношению к «страждущим и обремененным». Такие «подачки», как показано в повести «Братья Гордеевы», могли развращающим образом действовать на их получателей, а это было несовместимо с демократическими ос-

новами мировоззрения Мамина-Сибиряка.

Для выделения средств на благотворительные цели решающее значение имеет формирование субъективных качеств хозяина заводов, рудников, золотых приисков и т.д. Субъективные качества хозяев, занимающихся благотворительной деятельностью, формируются, – подчеркивает писатель, – чрезвычайно сложным путем в процессе семейного воспитания, получения образования, наконец, в процессе практической деятельности по руководству заводами, если иметь в виду конкретно П.П. Демидова. На все это наслаивается комплекс уникальных психологических качеств, которые имеются у одних людей и отсутствуют в должной мере у других. Скажем, и писатель особо подчеркивает это, они имелись у Н.Н. Демидова, но они отсутствовали у его правнука П.П. Демидова.

Писатель хотел показать это конкретно, рассматривая генеалогию каждого представителя династии уральских горнозаводчиков, но, к сожалению, другие дела не позволили ему это сделать.

Заключение

Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка как часть истории русской литературы принадлежит не только прошлому, но и будущему. Постсоветская Россия характеризуется такими же процессами формирования рыночных отношений, какими в некоторых отношениях характеризовалась российская действительность в первые десятилетия пореформенного развития.

Широкие художественные полотна, в которых писатель талантливо и ярко отражал социальную действительность России того времени – это не только прошлое нашей страны – с определенным основанием мы можем утверждать, что эти картины помогут нам понять и более эффективно преодолеть тяжелое постсоциалистическое прошлое. Для таких утверждений имеются некоторые основания. Они основаны на том, что переход к новому обществу осуществляется от внешне сходных с крепостническими отношений к отношениям свободным, рыночным. Внешняя схожесть не исключает, однако, различия, которое заключается не только в уровне развития производства советской и царской России кануна 19 февраля 1861 года. Заметим, что если в России середины XIX века собственность, которая подлежала преобразованию, была частной, феодальной помещичьей или заводской, то в период социализма она фактически принадлежала государству. Это различие создавало сложную амальгаму отношений людей, что выражалось в том, что принадлежность предприятий, земли и т.п. государству создавало иллюзии у части людей, что это есть фундамент справедливых, общественных отношений. Отсутствие понимания того, что это безличная бюрократизированная форма собственности, обуславливалось и подпитывалось общинными традициями русского народа, продолжительным сохранением в сельском хозяйстве страны общины, которая фактически консервировалась до Октябрьской революции. Она объективно облегчила большевикам процесс создания колхозов, а затем и выкачки из сельского хозяйства необходимых средств для индустриализации страны, для выделения крупных средств на повышение ее обороноспособности.

Талантливо написанные, художественные произведения Д.Н. Мамина-Сибиряка помогают нам различать процессы идеализации исторического прошлого нашей страны, освободиться от его влияния и делать менее болезненным переход к новым формам общественных отношений.

Для нас художественное творчество Д.Н. Мамина-

Сибиряка дорого тем, что в нем отражается во всей его исторической достоверности процесс жизни народов края в период перехода от крепостнических к новым свободным капиталистическим отношениям, причем писатель не идеализировал, не лакировал данный процесс, а показал во всей его правдивой многокрасочности и достоверности.

Ища опору для утверждения новых общественных отношений в прошлом, мы с полным основанием можем обращаться к творчеству писателя и находить в его художественных произведениях интересные параллели с современностью в нашем теперь уже далеком историческом прошлом.

Кроме того, творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка представляет исключительный интерес как художественное полотно, талантливо, ярко и образно рисующее прошлое нашего края, его исторические особенности, своеобразие его развития в сравнении с центральной Россией. Читая произведения писателя, мы можем почерпнуть из них множество деталей работы, быта, отдыха уральского горнозаводского населения. Таких деталей мы не найдем ни в исторических хрониках, ни в других исторических документах. И это обязывает нас со вниманием относиться к творчеству писателя, ценить, изучать его произведения.

Особую значимость в процессе нашего внимания к творчеству писателя-демократа приобретает исследование философского ядра его мировоззрения, которое дает нам ответ на вопросы: в чем же действительно видел писатель причины общественного неустройства страны в настоящем, в то время, когда он жил, и насколько, по его мнению, было возможно их излечение в ближайшем будущем. Ответы на эти вопросы очень актуальны для будущего развития страны.

Примечания

Введение

1. Современный философский словарь. Издательство «Паритет». Лондон, 1998. С. 764-765.
2. Словарь по этике. М. Издательство политической литературы, 1983. С. 239
3. См. Мамин-Сибиряк Д.Н. Библиографический указатель. Свердловск. 1981.
4. Боголюбов Е.А. Творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка. Выпуск 1-4. Пермь. 1994;
его же. Мамин-Сибиряк. Биографическая повесть. Свердловское областное государственное издательство. 1949.
5. Груздев А.И. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Критико-биографический очерк. М. 1958.
6. Боголюбов К.В. Мамин-Сибиряк. Библиографическая повесть. Свердловск. 1949.
7. Стариков В.А. Время бросать камни. Л. 1977.
Годы тревог и свершений. «Современник». М. 1981. Стариков В.А. Жить тысячу жизней. Повествование-хроника о жизни Мамина-Сибиряка. Свердловск. 1986.
8. Дергачев И. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Второе дополненное издание. Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 1981.

Глава I

1. Дергачев И. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Второе дополненное издание. Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 1981. С. 12.
2. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М. 1958. с. 195
3. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Издательство А.Ф. Маркса. Петроград. 1915. Т. 1, с. III. Критико-библиографический очерк П.В. Быкова.
4. там же.
5. там же, с. IV.
6. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10, с. 224-237.
7. Там же, с. 204.
8. Там же.
9. Там же, с. 209.
10. Там же, с. 243.
11. Там же, с. 247.
12. Там же, с. 252.

13. Чекин В.П. У сестры Дмитрия Наркисовича // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск. 1962. С. 28-29.
14. Серебренников П.Н. Из воспоминаний соученика. Там же, с. 36-37.
15. Там же, с. 302.
16. Там же, с. 41.
17. Мамин-Сибиряк Д.Н. – Мамину Н.М. (март 1870 г.) // Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 томах. Т. 10, с. 331.
18. Мамин-Сибиряк Д.Н. – Мамину Н.М., 15 марта 1871 г. // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10 томах. Т. 10, с. 333.
19. Мамин-Сибиряк Д.Н. – Мамину Н.М. 29 февраля 1872 г. // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10 томах. Т. 10, с. 336.
20. Там же, с. 337.
21. Там же, Мамин-Сибиряк Д.Н. – Мамину Н.М. 21 августа 1875 г. // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 10 томах. Т. 10, с. 338.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же, с. 339.
25. Там же, с. 341.
26. Там же, с. 409.
27. Мамин-Сибиряк Д.Н. – Мамину Н.М. 31 декабря 1875 г. // Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 томах. Т. 10, с. 341-342.
28. Мамин-Сибиряк. Полное собр. соч. т. I. Екатеринбург. 2002. С. 881.
29. Там же, с. 883.
30. Там же, с. 885.
31. Удинцев Б.Д. Семейные воспоминания. // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 102.
32. Там же, с. 103.
33. Там же.
34. Там же, с. 253.
35. Там же, с. 104.
36. Там же, с. 253.
37. Чекин В.П. Маминский кружок в Екатеринбурге. // Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 50-64.
38. Там же, с. 64.
39. Мамин-Сибиряк Д.Н. – Мамину В.Н. 22 апреля 1881 г. // Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 томах. Т. 10, с. 345.
40. Там же, с. 344.
41. Потапенко И.Н. А.П. Чехов и Д.Н. Мамин-Сибиряк. // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 219-221.
42. Там же, с. 255.

43. Мамин-Сибиряк Д.Н. – Маминой А.С. 25 октября 1904 г. // Мамин-Сибиряк. Собр. соч. в 10 томах. Т. 10, с. 390.
44. Мамин-Сибиряк – Маминой А.С. 22 ноября 1904 г. // Там же, с. 391.
45. Там же.
46. Там же, с. 392.
47. Там же, с. 395.
48. Елпатьевский С.Я. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 198.
49. Там же, с. 200
50. Там же, с. 349
51. Там же, с. 246-247.
52. Там же, с. 209
53. Там же, с. 210
54. Там же, с. 211

Глава II

1. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. М. 1958. С. 305.
2. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Издание А.Ф. Маркса. Петроград. 1915. Т. 2, с. 422.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же, с. 423.
6. Елпатьевский С.Я. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. // Д.Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. С. 201.
7. Дергачев И. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск. 1981. С. 144.
8. Елпатьевский С.Я. Указ.соч. с. 205.
9. Там же, с. 206.

Глава III

1. Подготовительные материалы романа опубликованы в Полном собрании сочинений Д.Н. Мамин-Сибиряка. Екатеринбург. 2003. Гл. 1, ч. 2.
2. Дергачев И. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск. Среднеуральское книжное издательство. 1981. С. 75.
3. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Изд. Т-ва А.Ф. Маркс. Петроград. 1915. Т. I, с. 146.
4. Там же.
5. Там же, с. 148.
6. Там же.

7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр.соч. в 6 томах. т. 2. М. «Художественная литература». 1980. С. 61.
8. Там же, с. 62.
9. Там же.

Глава IV

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Издание Товарищества Маркс А.Ф. Петербург. 1915. Т. I, с. 13.
2. Там же, с. 29.
3. Там же, с. 243.
4. Там же, с. 250.
5. Там же, с. 253.
6. Там же, с. 277.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2. М. «Художественная литература». 1980. С. 553.
8. Добровольский С. О посессином горном владении в России в виду предстоящей ему реформы. Спб. 1864.
9. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2, с. 303.
10. Там же, с. 304.
11. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Изд. Т-ва А.Ф. Маркс. Т. I. Петроград. 1915. С. XIX Критико-биографический очерк П.В. Быкова.
12. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 6 томах. С. 285.
13. Быков П.В. Указ.соч. С. XIII.
14. Дергачев И. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-библиографический очерк. Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 1981. С. 113.
15. Быков П.В. Указ.соч. С. XX.
16. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Т. 10. Петроград. 1917. С. 78,79.
17. Дергачев И. Указ.соч. С. 234.
18. Там же, с. 237.
19. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. т. 1. Петроград. 1915. с. 423.
20. Там же, с. 551.
21. Там же, т. 2 с. 247-263.

Глава V

1. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Издание Т-ва А.Ф. Маркс. Петроград. 1916. Т. IX, с. 451.
2. Дергачев И. Д.Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Второе дополненное издание. Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 1981. С. 117.

3. Там же, с. 120.
4. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 4, ОГИЗ. Свердловское областное государственное издательство. 1949. С. 373.
5. О дальнейшей общественной деятельности Д.Д. Смышляева. см. Семенов В.Л. Мировоззрение Д.Д. Смышляева. Идейное наследие и судьба пермского либерала. Пермь. «Реал». 2001. С. 105-133.

Глава VI

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8, с. 415.
2. Мамин-Сибиряк. Там же.
3. Там же, с. 418.
4. Там же, с. 421.
5. Там же, с. 423.

Глава VII

1. Боров Ю. Эстетика. М. Издательство политической литературы. 1988. С. 56.
2. Мамин-Сибиряк. Падающие звезды. // «Русское богатство». 1899. № 3. С. 129.
3. Мамин-Сибиряк. Падающие звезды. // «Русское богатство». 1899. № 5. С. 205.
4. Там же // «Русское богатство». 1899. № 8. С. 193.
5. Там же // «Русское богатство». 1899. № 1. С. 28.
6. Мамин-Сибиряк. Любовь куклы. // «Русское богатство». 1902. № 9. С. 202.
7. Там же // «Русское богатство». 1902. № 7. С. 116.
8. Мамин-Сибиряк. Падающие звезды. // «Русское богатство». 1899. № 8. С. 194.
9. Боров Ю. Указ.соч. С. 69.
10. Мамин-Сибиряк. Падающие звезды. // «Русское богатство». 1899. № 7. С. 9-10.

Глава VIII

1. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. т. 9. Петроград. 1917. С. 451.
2. Полное собрание сочинений. Т. 3, с. 166.
3. Там же, с. 169.
4. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2. М. «Художественная литература». 1980. С. 568.
5. Там же, с. 491.
6. Там же, с. 572.
7. Там же.
8. Дергачев И. Указ.соч. с. 157.

9. Мамин-Сибиряк Д.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. с. 9.
10. Там же, с. 3.
11. Там же, с. 5.
12. Там же, с. 11.
13. Там же, с. 14.
14. Там же, с. 19-20.
15. Там же, с. 31.
16. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Т. 10. Пг. 1917. С. 283.
17. Там же, с. 310.
18. Там же, с. 389.
19. Там же, с. 223.
20. Там же, с. 268.
21. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Т. 8. Пг. 1916. С. 502.
22. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Т. 5. Пг. 1916. С. 20.
23. Мамин-Сибиряк. Полное собрание сочинений. Т. 8. Пг. 1916. С. 24-25.
24. Там же, с. 100.

Глава IX

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. ТИХЛ. М. 1955. С. 275.
2. Там же, с. 289.
3. Там же, с. 288.
4. Там же, с. 274.
5. Там же, с. 293.
6. Там же, с. 296.
7. Там же, с. 297.
8. Там же, с. 403.
9. Там же, с. 405.
10. Там же, с. 409.
11. Там же, с. 411.
12. Там же, с. 412.
13. Там же.
14. Там же, с. 413.
15. Там же, с. 414.

Содержание

Введение	3
Глава I. Жизненный путь Д.Н.Мамина-Сибиряка	5
Глава II. Природа и человек в творческой лаборатории писателя	47
Глава III. Проблема взаимоотношений народа и его верхов в творчестве Мамина-Сибиряка	63
Глава IV. Смысл жизни народа и его хозяев в изображении уральского писателя	81
Глава V. Личность и народ на грани революции	119
Глава VI. Прогресс истории в осмыслении его певцом Урала	133
Глава VII. Проблема прекрасного в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка	145
Глава VIII. Этика Д.Н. Мамина-Сибиряка	155
Глава IX. Мотивы и формы благотворительной деятельности в творчестве писателя Урала	189
Заключение	203
Примечания	205

Семенов Владимир Львович

Философские проблемы творчества

Д.Н. Мамина-Сибиряка

Издатель Богатырев П.Г.

Редактор Богатырева Л.Г.
Корректор Никитина Е.Ю.

Технический редактор Богатырев Г.П.

Подписано в печать 08.12.2004
Бумага «Гознак». Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 13,4. Тираж 200 экз.

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем Богатыревым П.Г.
Свидетельство ВГ № 16396 от 06.08.98,
выданное адм. Свердловского района г. Перми

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122.
Тел.: 36-53-43, 36-83-83, тел/факс 36-53-53.